

Януш Корчак Король Матиуш на необитаемом острове

Король Матиуш – 2

I

Ох, до чего плохо Матиушу в тюрьме!

Плохо и тоскливо.

Давят тюремные стены. Тесно. Уныло.

Его сошлют на необитаемый остров.

Война проиграна. Он королевский пленник, и его сошлют на остров, как Наполеона. А пока надо ждать.

Сказали, отправят через неделю, но прошло уже три недели, а он все еще в тюрьме. Оказывается, три короля никак не могли договориться между собой, какой выбрать остров. Молодой король не скрывал своей ненависти к Матиушу и хотел раз и навсегда от него избавиться. Печальный король открыто признавался, что он – друг Матиуша. Поэтому условия диктовал третий король, которому судьба Матиуша была безразлична.

А условия были такие: пусть Матиуш живет спокойно, но ни во что не вмешивается, а главное – чтобы он не убежал.

Остров Марас – не подходит: там болота, желтая лихорадка и черная оспа. Остров Луко тоже не годится: слишком близко от материка и черные короли могут устроить ему побег. Чтобы выйти из затруднительного положения, объявили конкурс. В газетах всего мира напечатали такое объявление:

«Учитель географии, который укажет подходящий для заточения Матиуша остров, получит большое вознаграждение. В месячный срок предлагается сообщить, где расположен этот остров и чем он хорош для ссылки.»

Посыпались предложения. Короли развесили по стенам географические карты и отмечали маленькими флажками острова, которые казались им подходящими.

Приехал Бум-Друм, а с ним еще несколько черных и желтых властелинов – менее важных. Приехала королева Кампанелла и пять белых королей. Они напускали на себя таинственность, будто имели сообщить нечто чрезвычайное.

Совещались в разных городах. Короли были спесивы и пуще всего боялись уронить свое королевское достоинство

– Хотят услышать мое мнение, пусть приезжают ко мне, – высокомерно заявляли они. – А то получится, будто я навязываюсь со своими советами.

Кроме того, им просто хотелось попутешествовать.

Итак, дважды совещались в городке на берегу моря, потом в большом городе в горах, потом в городе, который славится самым вкусным пивом, а потом в стране, где всегда тепло. Каждый король возил с собой двух министров, у каждого министра был секретарь, у каждого секретаря – две помощницы, которые записывали все, что говорили короли. Это называется вести протокол.

А Матиуш тем временем томился в тюрьме.

Если бы он читал газеты, ему было бы легче: он знал бы, что о нем говорят и пишут. А так ему казалось – о нем забыли.

Бум-Друму очень хотелось повидаться с Матиушем, но он боялся выдать себя и поэтому притворился рассерженным.

– Выманил у меня столько золота! – жаловался он. – Обещал взамен обучить наших ребятишек, а что из этого вышло? Половина ребят погибла в бою, половина сидит в лагере для военнопленных. А бедная Клу-Клу – в тюрьме.

И Бум-Друм в знак печали хотел перекувырнуться через голову, но, вспомнив, что он человек цивилизованный, стал тереть глаза, будто плачет.

– Ваше королевское величество, если желаете, мы можем освободить принцессу Клу-Клу, – предупредительно сказал Молодой король, который теперь подлизывался к Бум-Друму.

– Нет, – со слезами на глазах ответил Бум-Друм, – тратить драгоценное время на легкомысленную девчонку, когда столько важных дел, просто недопустимо.

Бум-Друм усвоил, что белые плачут, когда говорят о чем-нибудь печальном. Поэтому он всегда носил с собой пузырек с нашатырным спиртом. И когда, по его мнению, полагалось лить слезы, он вынимал пузырек из кармана и нюхал. А от нашатырного спирта, горчицы и лука, как известно, слезятся глаза.

Наконец, на двадцать четвертом заседании пришли к согласию, куда сослать Матиуша. В последний раз собрались во дворце Кампанеллы, потому что в ее стране по вине Матиуша дети впервые вышли на улицы с зелеными знаменами.

Красавица Кампанелла жила во дворце одна: муж у нее умер, детей не было. А дворец стоял на берегу живописного озера в красивой апельсиновой роще.

На совещание прибыли три учителя географии в черных фраках – три победителя в конкурсе на лучший остров для Матиуша. Теперь из трех островов предстояло выбрать один.

– Мой остров, – сказал первый учитель, – расположен вот тут. – И он ткнул указкой в голубое пространство, на котором не было даже признака суши. – Не удивляйтесь, ваши королевские величества, что острова нет на карте. Сейчас я все объясню. На картах обозначают только большие острова, для всех не хватило бы места. Если на карте маленькая точка, значит, остров большой. А мой островок совсем крошечный, величиной в три квадратных километра. В этом его преимущество: легче стеречь Матиуша. Высоких деревьев там нет, и вообще растительность небогатая: трава да кустарник. Остров необитаем и расположен очень далеко от материка. Климат там здоровый, зимы совсем не бывает. Поэтому дощатого барака для Матиуша и стражи будет вполне достаточно. Привезти раз в месяц провизию – и дело с концом! Матиуш будет там жить припеваючи.

К счастью, Бум-Друм был негром, не то он бы так побледнел, что все догадались бы, в какой ужас поверг его этот остров.

– А как называется ваш остров? – спросил Молодой король.

– Как раз об этом хотел я сейчас сказать. Остров в 1750 году открыл путешественник Дон Педро. Потерпев кораблекрушение, он с трудом добрался до острова, прожил там двадцать лет и неизвестно, сколько прожил бы еще, если бы случайно его не обнаружили пираты. Дону Педро ничего не стоило самому притвориться пиратом: он так зарос волосами, что выглядел заправским разбойником. Пираты взяли его на свой корабль. Четыре года плавал он с ними. В конце концов ему удалось бежать. И он назвал этот остров островом Безднадежности. Все это описано в одной толстой книге, и, кроме меня, головой ручаюсь, ее не читал ни один учитель географии.

– Мой остров, – начал второй учитель, – имеет лишь один недостаток: он находится слишком близко от материка. Но зато неподалеку от него расположен маленький островок с маяком. Во время тумана и по ночам маяк освещает все вокруг. В южной части острова есть скала и полянка. На полянке стоит уже готовый домик для Матиуша. В далекие времена остров населяло миролюбивое племя туземцев. Когда белые открыли остров, они устроили там школу, научили туземцев молиться и курить трубки. Матросы выменивали на табак корицу, ванилин и канареек. Торговля приносила большую прибыль, и через пять лет один предприимчивый торговец даже лавку открыл на острове. Все шло хорошо, но вдруг дети торговца заболели корью. Для белых корь не опасна, а черные ребяташки, заразившись, умерли все до одного, из взрослых уцелело тоже не больше ста человек. Если они еще живы, то прячутся в зарослях, спасаясь от кори, лавки и школы.

– А где этот остров? – осведомился Печальный король.

– Вот здесь, – показал учитель географии.

Тут Бум-Друм как вскочит да как стукнет кулаком по столу.

– Не позволю! – заорал он. – Этот остров слишком близко от моей страны! Матиуш убежит и поднимет бунт среди детей. Да вы что, спятили, зеленая обезьяна вас возьми!

Короли оскорбились.

Кампанелла чуть не упала в обморок, а учитель географии от страха уронил указку, потому что Бум-Друм кинулся на него с кулаками. Молодой король с трудом удержал разбушевавшегося Бум-Друма.

– Успокойся, черный друг, никто на этом не настаивает. Не хочешь – не надо. Разве на свете мало островов?

А вечером белые короли, сойдясь в апельсиновой роще, назло Бум-Друму, а заодно чтобы насолить Молодому королю, на все лады стали расхваливать этот остров.

– Смешно считаться с мнением невежественного дикаря. Он еще, чего доброго, подумает, будто мы его боимся. Как же Матиуш убежит? А солдаты на что? А маяк?

– Матиуш – ребенок, ему будет плохо без деревьев, цветов и птиц, – сказала Кампанелла. – Хотя он передо мной виноват, я его прощаю.

– Ваше благородство, уважаемая Кампанелла, глубоко нас трогает, – заметил известный своей галантностью король Мальто.

– Но, отдавая должное вашей доброте, – вставил Молодой король, – мы прежде всего будем руководствоваться соображениями рассудка и осторожности.

– Но ведь он ребенок! – повторила Кампанелла, протягивая Молодому королю два апельсина и семь фиников.

– Все говорит за то, чтобы выбрать именно этот остров, – сказал король-хитрец. – И провизию для Матиуша и стражи недалеко возить, и море там всегда спокойное, и строить ничего не надо – есть помещение бывшей школы. Давайте смотреть на вещи трезво. Если даже Матиуш попытается бежать, его растерзают хищные звери. И потом, не зная языка, как он договорится с туземцами? Итак, не только доброе сердце нашей очаровательной хозяйки, но разум и осмотрительность склоняют нас к тому, чтобы остановить свой выбор на этом острове.

Молодой король без всякого удовольствия ел финики и молчал. Он был озабочен предстоящими неприятностями с Бум-Друмом.

II

Матиуш гуляет по тюремному двору. Вокруг, куда ни глянь, высокие кирпичные стены. Посреди двора одно-единственное дерево – орех. Раньше деревьев было больше, но они росли слишком близко от стены, и лет десять назад, когда из тюрьмы бежал знаменитый разбойник, их срубили. Теперь вдоль стены торчит двенадцать пней, и это придает тюремному двору еще более унылый вид.

Прогулка продолжается полчаса. Два солдата с заряженными винтовками шагают впереди Матиуша, два – позади, три, с саблями наголо, – слева, три – справа. Матиуш смотрит себе под ноги и считает шаги:

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...»

Сто двадцать маленьких шагов или восемьдесят больших: семьдесят шагов до орехового дерева и пятьдесят от дерева до стены. Через каждые десять шагов Матиуш поднимает голову и смотрит на дерево.

На что же ему еще смотреть? Он то идет с закрытыми глазами, то открывает их, только чтобы взглянуть на дерево. Или чередует большие шаги с маленькими. Или ходит на цыпочках. А то десять шагов на носках, десять – на пятках. Надо как-то скрасить скучную тюремную прогулку. Хотелось попрыгать на одной ножке, и он прыгал у себя в камере, когда его никто не видел.

Простым узникам живется гораздо лучше! А ему, королевскому пленнику, приходится все время быть начеку: ведь враги всячески стараются его унижить.

– Заключенный номер двести одиннадцать – в канцелярию! – прокричал в зарешеченное окошко начальник тюрьмы.

Матиуш вздрогнул: номер его. Но он идет дальше, будто не слышит.

– Ваше величество, вас в канцелярию вызывают, – сказал начальник стражи.

Был отдан приказ: разговаривая с Матиушем, называть его королем, иначе он не отвечал. О нем говорили: «заключенный номер двести одиннадцать», а к нему обращались «ваше королевское величество».

«В канцелярию!»

Матиуш взглянул еще раз на дерево, повернулся и, нахмутив брови, заложив руки за спину, пошел маленькими шажками, чтобы не подумали, будто он торопится. Вот и канцелярия. Матиуш остановился, ждет. А у самого от волнения ноги дрожат, сердце бьется, словно у подстреленной птицы.

– Присядьте, ваше королевское величество, – вежливо говорит начальник тюрьмы и подвигает ему стул.

«Неспроста это», – подумал Матиуш. Он научился обращать внимание на разные мелочи, научился читать чужие мысли. Матиуш знал: люди часто говорят не то, что думают.

И он резко отодвинул от себя услужливо поданный стул.

Тут в канцелярию входит король Орест II и с ним красивая дама в черном бархатном платье. Орест II был у Матиуша в гостях, и Матиуш сразу узнал его по ордену Большого полумесяца: по величине это был самый большой орден, какой он когда-либо видел.

– Королева Кампанелла, – представилась дама в черном платье.

– Заключенный номер двести одиннадцать, – с горечью проговорил Матиуш.

Он стоял, небрежно опершись о спинку стула, и прямо смотрел ей в глаза.

– О, для меня вы – король Матиуш Реформатор, друг детей и отважный воин, – с подкупающей простотой ответила королева и протянула Матиушу руку, которую он почтительно поцеловал.

Когда король Орест хотел с ним поздороваться, Матиуш гордо выпрямился и не подал ему руки.

– Я заключенный, у меня нет орденов, – сказал он и смерил Ореста недружелюбным взглядом.

Начальник тюрьмы, желая прекратить неприятную сцену, свидетелями которой были солдаты и чиновники, пригласил всех в гостиную.

Матиуш оглядел комнату: ковер, дорогая мягкая мебель, на окнах Цветы – и незаметно усмехнулся. Но от взгляда королевы не укрылась его горькая усмешка.

Орест надулся и, развалясь в кресле, стал листать большую книгу с картинками, которая лежала на столе.

Матиуш разозлился. Его раздражало все: и роскошная гостиная, и цветы, и ковер, и пианино, и молчание королевы, и то, как она на него смотрит. Но больше всего раздражал его Орест со своим огромным орденом Полумесяца.

«Интересно, вызовет он меня на дуэль за то, что я ему не подал руки?» – промелькнуло у него в голове.

Потом, размышляя об этой встрече, Матиуш понял причину своей злости. В долгие часы томительного одиночества он мечтал увидеть Печального короля. Пианино в гостиной начальника тюрьмы напоминало ему Печального короля, и в ушах зазвучали грустные мелодии. Кроме него, никто не имел права приезжать сюда. Кампанелла – женщина, ей простительно, но что нужно здесь этому жалкому королишке?

«Что бы такое сказать ему пообидней, чтобы в другой раз не совал нос не в свои дела?»

Матиуш не знал, как себя вести, что сказать. Вот бы когда пригодился всезнайка церемониймейстер! Как быть? Кампанелла не сводит с него глаз, Орест рассматривает картинки, а начальник тюрьмы стоит столбом. Кажется, конца не будет этой пытке!

– Прикажете подать чай или кофе со взбитыми сливками? У меня есть отличное домашнее печенье... – угодливо начал начальник тюрьмы, но тут же прикусил язык.

– Вы что, в своем уме! – возмутился Матиуш, и глаза его засверкали. – Я что, целый месяц гнию в этой дыре, чтобы угощаться вашими печеньями?! Я хочу знать решение моих врагов! Категорически требую, чтобы меня немедленно сослали на необитаемый остров. Знал бы я заранее, что мне придется целый месяц сидеть в тюрьме, я отказался бы от помилования. Я хотел умереть в домике для диких зверей, а они предательски захватили меня в плен. Требую официальной бумаги с печатью!

Он схватил дорогую фарфоровую вазу и стукнул ею об стол рядом с книжкой. Ваза вдребезги разбилась. Матиуш поранил себе руку. Орест вскочил с кресла, королева закрыла глаза. Начальник тюрьмы совсем обалдел и кинулся со всех ног за доктором.

Кампанелла, вынув из сумочки надушенный носовой платочек, осторожно приложила его к кровоточащей ране. У нее созрел план: она не позволит сослать мальчика на необитаемый остров и возьмет его к себе. У нее нет ни мужа, ни детей – она, как и он, совсем одинока. Если нужно, пусть обнесут высокой стеной апельсиновую рощу: она заменит узнику необитаемый остров, а Кампанелла – мать.

Тюремный врач перевязал Матиушу руку – иначе он не мог поступить в присутствии их королевских величеств – и дал ему успокоительных капель. Пять капель на кусочек сахара. У тюремного врача от всех болезней имелось два лекарства: в левом кармане – капли, в правом – порошки. И то и другое – горькое-прегорькое, и полагалось запивать водой. Но раз начальник тюрьмы жертвует собственный сахар, почему не сделать исключение?

На другой день Матиуш объявил: он отказывается от пищи и от прогулок, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Он хочет знать, что с ним намерены сделать. Дольше сидеть в тюрьме он не желает.

В полдень Матиуша вызвали в канцелярию. Матиуш отказался: он не двинется с места, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Хватит играть в прятки! Он хочет знать правду!

Начальник тюрьмы негодовал: Кампанелла не только не обиделась на Матиуша, но еще стала его защищать. Мало того: выразила желание посмотреть, как он живет. А Матиуш жил очень плохо. Камера сырая и темная, по стенам ползают пауки и клопы. Вместо кровати – соломенная подстилка на полу. В углу – таз и кувшин с водой. Даже стула нет. А королева принесла большой букет белой сирени. Как тут быть?

Надзиратель принес из квартиры начальника тюрьмы мягкое кресло и вазу, точно такую же, как вчера разбил Матиуш. Оказывается, было две одинаковых вазы: одна стояла на столе, другая – на пианино. «Хорошо бы он разбил и вторую вазу! – втайне мечтал начальник тюрьмы. – Тогда королева увидит, как трудно с ним ладить, и поймет, почему его держат в такой темной камере.»

Но, к великому огорчению начальника тюрьмы, Матиуш встретил Кампанеллу очень любезно. Поблагодарил за цветы, но поставил их не в роскошную вазу, а в простой глиняный кувшин. Ободренная таким приемом, Кампанелла незаметно вынула из кармана пальто коробку шоколадных конфет. Она спрятала их, не зная, в каком настроении будет Матиуш.

– О нет, спасибо! Конфеты вызывают у меня неприятные воспоминания о моей первой реформе.

Кампанелла сообщила Матиушу следующее.

Необитаемый остров для него уже выбрали. И хотя гнев Матиуша понятен, быстрее никак было нельзя. Король Орест не виноват – он сопровождал Кампанеллу из вежливости. Печальный король очень хотел приехать, но Бум-Друм и Молодой король не позволили. Бум-Друм подружился с Молодым королем. Бумага с печатью и подписями королей еще не готова. Кампанелла приехала сообщить Матиушу, что о нем не забыли и он скоро сможет уехать. А пока...

– Если ваше величество позволит, я каждый день буду вас навещать.

Вместо ответа Матиуш поцеловал доброй королеве руку.

– К сожалению, больше четырнадцати минут мне не разрешают быть у вас.

– Понятно: этикет.

– Нет, тюремные правила...

III

Стало ли Матиушу лучше оттого, что его перевели в чистую, светлую комнату с кроватью, столом и стулом, разрешили гулять по тюремному саду и каждый день его навещала Кампанелла, а еду приносили с кухни самого начальника тюрьмы?

Нет, ему было по-прежнему тоскливо. По-прежнему давили тюремные стены. Пожалуй, ему стало даже еще хуже. В темной камере была надежда, что в будущем его ждет перемена – необитаемый остров. А теперь он уже ничего не ждал.

И в самом деле, чего ждать? На острове будет все то же, что и здесь. Ну, может, комнату и мебель дадут получше и гулять по берегу моря, конечно, приятней, но тоска и одиночество останутся все равно.

Как ему первое время не хватало часов! Казалось, день пролетит быстрее, если знать, сколько времени. Самообман! Теперь он видит, как медленно ползут стрелки, как бесконечно долго тянется час. Как в тюрьме бесконечно долг день!

– Матиуш, чем я могу тебе помочь? – спросила Кампанелла, видя, как тот с мрачным видом, заложив руки за спину, взад-вперед ходит по камере.

– Узнайте, жива ли моя канарейка?

Не помню, говорилось ли, что у Матиуша в красивой позолоченной клетке жила канарейка. Матиушу подарили ее в день рождения, и он очень к ней привязался. Но когда в парламенте кто-то назвал его желтопузой канарейкой, он охладел к птичке, хотя она была не виновата. Теперь он вспомнил о ней, и ему захотелось иметь ее здесь. Хоть одно живое существо будет с ним не четырнадцать минут, а постоянно.

Кампанелла ничего не ответила: ей строго-настрого запретили сообщать узнику о том, что происходит в стране. Но, вернувшись к себе, тотчас отправила телеграмму Молодому королю:

Прошу разрешения сообщить Матиушу о судьбе его канарейки и отнести ее в тюрьму. Напоминаю вашему величеству, что я говорила на заседании, как необходимы детям деревья и птицы.

Телеграмма не на шутку разозлила Молодого короля.

«Хуже нет связываться с бабами! – ворчал он про себя. – Сегодня – канарейка, завтра – собака, послезавтра – еще что-нибудь! То камера сырая, то Матиушу темно, то, видите ли, он нервничает, то плохо выглядит... Как будто у нас других забот нет, кроме как ублажать этого мальчишку.»

Король разрешил, но с оговоркой:

Надеюсь, это будет последняя просьба и последняя уступка Матиушу. Корона обязывает доброе сердце Вашего Величества считаться и с государственными интересами.

Молодой король вежливо намекнул Кампанелле, что по горло сыт ее глупыми просьбами.

Матиуш, конечно, не подозревал, какие трудности приходится ей преодолевать. Как тяжело отвечать ему: «Нельзя. Не разрешают».

Так, например, ни газет, ни книг принести не разрешили. Упоминать о Бум-Друме, Фелеке, Клу-Клу и Печальном короле тоже.

Король Орест наябедничал, что Кампанелла проболталась Матиушу о дружбе Бум-Друма с Молодым королем, и ей здорово досталось. Ее строго-настрого предупредили: если она еще раз проговорится, ее немедленно вышлют из столицы Матиуша, а вместо нее пришлют не короля, а губернатора из Залива Кенгуру, известного своей жестокостью и

неприязню к Матиушу...

– Вот, Матиуш, твоя канарейка!

Кампанелла называла его по имени, а он не знал: то ли напомнить ей, что он король, то ли делать вид, будто он этого не замечает.

– А вот фотография твоей мамы, – тихонько шепнула Кампанелла.

Даже не взглянув на фотографию, Матиуш положил ее на стол и занялся канарейкой. Почистил клетку, хотя она была чистая, налил в блюдечко воды, хотя оно было слишком велико и не пролезало в узкую дверцу. Потом просунул между прутьями клетки хлеб и кусочек сахара. И время от времени украдкой поглядывал на часы, думая: «Скорей бы прошли четырнадцать минут!»

Кампанелла тоже с тревогой смотрела на часы. Это было ее последнее свидание с Матиушем в тюрьме. Пора было ехать на заключительное заседание королей, чтобы подписать бумагу о ссылке Матиуша. А ей хотелось кое о чем спросить его.

– Матиуш, мне надо с тобой поговорить. Оставь канарейку, будешь с ней возиться, когда я уйду.

Матиуш нахмурился.

– Я слушаю вас, королева.

– Скажи мне, только откровенно... Если короли позволят... Я одинока, как и ты... согласишься стать моим сыном? Будешь жить в моей стране, где круглый год светит солнце, в мраморном дворце, который стоит в апельсиновой роще. Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо. Пройдет время, и короли простят тебя. Когда я состарюсь, а ты подрастешь, я отдам тебе свою корону, и ты снова будешь королем.

С этими словами Кампанелла хотела обнять и поцеловать Матиуша, но он отстранил ее.

– У меня есть свое королевство, и в чужой короне я не нуждаюсь.

– Но, Матиуш...

– Я не Матиуш, а пленный король. И несправедливо отнятое королевство все равно верну.

Пробил большой тюремный колокол, возвещая, что четырнадцать Минут прошло. Матиуш закусил губы. Сердце у него колотилось, в голове теснились разные мысли.

– Благодарю вас, королева. Вы очень добры ко мне, и я не хочу платить вам черной неблагодарностью. А если я соглашусь, у вас будут неприятности.

– Почему?

– Я убегу. Все равно убегу. Пусть они меня получше стерегут, так им и скажите.

Тюремный колокол пробил снова.

Подавив волнение, Матиуш спокойно договорил:

– Ваше величество, в тюрьме я волен распоряжаться собой: ведь права защищаться у меня никто не отнимет. А если я соглашусь стать вашим сыном, то навсегда лишусь свободы.

Тюремный колокол пробил в третий раз. И королева удалилась.

«Бежать!»

Как это ему раньше не приходило в голову! Иногда он, правда, думал о побеге, но его тут же одолевали сомнения: удастся ли, куда бежать и зачем? И только теперь, когда королева предложила ему то, что было бы пределом мечтаний для любого узника, он решил окончательно и бесповоротно: бежать!

Сомнения покинули его. Теперь – прощай, скука! Теперь некогда будет каждую минуту смотреть на часы. Теперь работы хватит: надо обследовать сад, прощупать каждый выступ стены, учесть каждое деревце. И до мельчайших подробностей обдумать, что делать, когда он окажется на свободе. Во что переодеться, что взять с собой в дорогу, где достать веревку, без которой никак не обойтись.

Матиуш не заметил, как наступил вечер, зажегся свет и запела канарейка. Он подошел к клетке. Птичка в испуге замолкла, но потом запела еще громче.

Тут взгляд мальчика упал на фотографию матери:

«Дорогая мамочка, Кампанелла хотела отнять у тебя сына. Трон у меня отняли, а теперь хотели отнять и тебя. Но не выйдет. Я не оставлю тебя. Мы вместе убежим из тюрьмы.»

И вынув фотографию матери из дорогой, выложенной жемчугом рамки, он спрятал ее в боковой карман:

«Тебе здесь лучше, правда, мамочка?»

Канарейка распевала самозабвенно.

IV

Когда короли собрались на последнее заседание, Кампанелла смело выступила в защиту Матиуша.

– Ваши величества, не подписывайте эту бумагу! Матиуш – ребенок, с ним нельзя поступать, как с Наполеоном и вообще как со взрослым. Он очень добрый и впечатлительный...

– Ну, пошла... – шепнул Молодой король на ухо Бум-Друму.

– Видели бы вы, как он обрадовался канарейке! Как кормил ее, менял воду... Дети легкомысленны и многого не понимают...

Кампанелла видела перед собой недовольные, скучающие лица. Короли зевали, закуривали, вздыхали. Но Кампанеллу это не смущало. Она говорила, говорила, пока старикашка Альфонс Бородатый не заснул в кресле, а бледнолицый Митра Бенгальский не принял порошок от головной боли.

– Отдайте мне Матиуша, – сказала она под конец.

– Давайте проголосуем, – предложил кто-то.

– Хорошо, – согласились все.

– Минуточку, я совсем забыла... – умоляющим тоном сказала Кампанелла.

– Устроим перерыв, – предложил король Орест.

– Да, да. Надо выпить чаю.

– И поужинать.

Кампанелла угощала королев самыми лучшими винами и ликерами. И у каждого справлялась, какое кушанье любит он больше всего. А лакеи разъезжали на велосипедах по всему городу и привозили из самых дорогих ресторанов самые редкие кушанья. Кампанелла угощала гостей сигарами, фруктами, мороженым всех сортов: сливочным, ванильным, малиновым... Чего-чего только не было на столах: и торты, и мед, и шербет турецкий, и орехи в сахаре, ириски, пряники, швейцарский сыр, английский портер...

– Пожалуй, не было только одеколона и клопомора, – съязвил на другой день известный шутник, король Миндаль Ангорский.

Голосование пришлось отложить. Ведь королям никто не запрещает есть и пить сколько хочется. И на этот раз они объелись и перепились.

На другой день стало известно, что голосование состоится не во дворце Кампанеллы, а в живописной рыбацкой деревушке. И королева поняла: значит, они не согласны. По правилам хорошего тона не полагается отказывать в просьбе хозяйке дома...

Предчувствие не обмануло королеву.

– Четыре голоса «за», двенадцать «против».

Итак, судьба Матиуша решена: его ссылают на необитаемый остров.

– Пожалуйста, подпишите приговор.

Кампанелла расписалась последней и уехала, ни с кем не простившись.

«Надо во что бы то ни стало спасти несчастного ребенка», – решила она про себя.

А Матиуш не терял даром времени и всерьез готовился к побегу.

Он ставил клетку с канарейкой возле старой, увитой диким виноградом стены и делал вид, будто играет в Робинзона. Петрушка был Пятницей, канарейка – попугаем. Ежедневно, как Робинзон, Матиуш делал зарубки на коре дерева.

Видя, что маленький узник успокоился и увлекся игрой, стража перестала так строго следить за ним. Когда Матиуш гулял в тюремном дворе, они ходили за ним по пятам, потому что туда выходило окно канцелярии и начальник не спускал с них глаз. В саду же часовые делали что хотели. Чесать языки куда приятней, чем молча шагать с винтовками.

Матиуш заметил: один кирпич в стене шатается. И принялся за дело – раскачивает его вправо, влево; известка осыпается, крошится, но со стороны ничего не видно: дикий виноград заслоняет. Расшатав как следует один кирпич, Матиуш взялся за другой. Он работал вовсю. Пальцы у него были в ссадинах, ногти сорваны, но что боль, когда дело идет о свободе. До обеда покончил с четырьмя кирпичами, после обеда – еще с двумя.

«Если ничего не помешает, через три дня буду на свободе».

Вынуть кирпичи – полдела, а вот куда их девать? Бродит Матиуш по саду в поисках лопаты.

– Ты почему в Робинзона не играешь? – спрашивает его начальник стражи.

Солдаты говорили ему «ты», «Матиуш». Но он не обижался: прежняя гордость бесследно исчезла.

«Ничего, привыкает парнишка. Игра в Робинзона сейчас самая подходящая для него: скоро это пригодится ему в жизни, – рассуждают между собой солдаты. – А может, с ним поступили слишком сурово?»

– Ты почему перестал играть?

– Хотел погреб выкопать, а лопаты нет. Без погреба не обойдешься – негде хранить подстреленную дичь.

Солдаты дали ему лопату и помогли копать. Когда яма была достаточно глубокой, Матиуш положил туда кирпичи и засыпал сверху землей. Но один солдат заметил.

– Откуда у тебя кирпичи?

– В саду нашел. Вон там, возле беседки. Показать?

И, взяв солдата за руку, повел к беседке, а по дороге стал рассказывать о войне, людоедах да так заморочил ему голову, что бедняга забыл, зачем шел. В другой раз дело приняло совсем скверный оборот: начальнику тюрьмы вдруг взбрело в голову устроить проверку.

– Начальник идет! – крикнул из окошка солдат, стоявший на часах в коридоре.

Солдаты вскочили как встрепанные, побросали недокуренные папиросы, миг – и винтовки у них в руках. Матиуш встал между ними и с опущенной головой молча зашагал по саду. Но построиться как положено солдаты не успели.

– Почему двое впереди, а четверо сзади? Вы что, устав не знаете? А это еще что за клетка? – загремел начальник тюрьмы и ударил палкой по дикому винограду.

Матиуш похолодел: из-за дикого винограда показалось отверстие в стене. Но начальник тюрьмы, к счастью, был порядочный верзила и с высоты своего роста ничего не заметил.

– Что за подкоп? – грозно спросил он, указывая на яму.

– Это кладовая Робинзона Крузо, – ответил Матиуш.

– Итак, за нарушение устава – день гауптвахты и за то, что заключенный номер двести одиннадцать копает ямы, – еще один.

Но начальник тюрьмы рассердился только для вида. Он боялся связываться с Матиушем: еще пожалуется Кампанелле! А это было ему совсем некстати, потому что королева засыпала его подарками и обещала прислать жене бриллиантовую брошку в награду за хорошее обращение с узником. И потом, мальчишку скоро заберут отсюда. Поскорей бы избавиться от него!

Одно плохо: солдатам велели засыпать яму, куда Матиуш складывал провизию на дорогу. А делал он это так: половину порции съест, а половину спрячет в свою кладовую.

Время летело быстро. Матиуш притворялся, будто увлечен игрой: собирал желуди, палочки, устраивал возле стены садик, мастерил забор, строил из песка крепости. А сам незаметно поглядывал на солдат: смотрят они в его сторону или нет? Работа подвигалась

теперь значительно медленнее. Вынутые из стены кирпичи приходилось прятать под курточку и относить на другой конец сада. Там была беседка, а под беседкой зияло подвальное окошко. Туда Матиуш бесшумно опускал на веревке по кирпичу.

Стена толстенная, но Матиуш знает: спешить нельзя. Малейшая неосторожность может его погубить. А работа тяжелая. Ногти сорваны, руки в незаживающих ссадинах и болячках.

О счастливый миг! Последний кирпич вынут, и рука высунулась наружу! Только бы не заметили. Только бы не случилось чего-нибудь непредвиденного.

Но случилось как раз нечто неожиданное, с той стороны стены бежала собака – и цап Матиуша за руку! Матиуш сморщился от боли, но не застонал, стерпел. Сделал вид, будто продолжает играть. Если собака не одна, а с человеком, Матиуш пропал. Человек увидит торчащую из отверстия руку и донесет начальнику тюрьмы.

Пес тявкнул. Матиуш выдернул окровавленную руку и сунул ее в карман.

– Ты чего там делаешь? – подозрительно спросили солдаты, игравшие в сторонке в карты.

– Канарейку салатом кормлю, – с напускным спокойствием ответил Матиуш.

– Вот дурачок! Сдохнет она у тебя, – засмеялись солдаты, не прерывая игры.

Матиуш понял – откладывать побег нельзя: отверстие могут обнаружить. Спасибо собаке, что цапнула его за руку и предупредила об опасности. Картежники все же обратили внимание на то, что Матиуш чем-то взволнован, и стали чаще посматривать в его сторону.

«Во вторник тюремный санитар явится стричь ногти и увидит покалеченную руку. Что я ему скажу?» – размышлял Матиуш. И он отчетливо представил себе, как трудно рассчитывать на успех, сколько опасностей и неожиданностей впереди. Но это его не расхолодило, а, наоборот, придало еще больше решимости.

Сегодня ночью!

Сразу после ужина, сославшись на головную боль, он лег в постель и оставил форточку открытой. Сказал, что душно. Лежа с головой под одеялом, нетерпеливо ждал он смены ночного караула.

Внезапно дверь камеры распахнулась. На пороге – начальник тюрьмы и представитель совета королей.

– Ваше величество, извольте собираться. Через час отправляется поезд к месту вашей ссылки. Вот бумага с печатью и подписями королей.

Матиуш, не говоря ни слова, встал и начал одеваться.

«Все равно сегодня ночью убегу», – думал Матиуш, укладывая вещи в чемодан.

Все пошло прахом. Отверстие готово, но какой в нем прок, если он никогда больше не попадет в сад.

Другой бы на его месте отчаялся и окончательно потерял надежду. Но только не Матиуш. Он понял: самое главное – решиться. Остальное ерунда! Если даже придется удирать по дороге, все равно подготовка к побегу не прошла для него даром. Он научился владеть собой, быть благоразумным и осторожным. Не знал, как это выразить словами, но чувствовал: основное – подготовить себя внутренне, чтобы сердце, мозг, воля были тебе послушны, а остальное приложится.

И Матиуш не падал духом.

Сборы были недолгие. Начальник тюрьмы ни на минуту не оставлял Матиуша в комнате одного, а когда подъехала машина, попросил написать в книге отзывов, что он, Матиуш, не имеет к нему претензий.

– Вашему величеству это ничего не стоит, а мне может пригодиться.

Матиуш согласился. Принесли чернильницу, бумагу, ручку, и Матиуш написал:

Настоящим свидетельствую, что не имею претензий к начальнику тюрьмы. Он добросовестно выполнял свой долг. Когда перед войной я арестовал министров, он стерег их, ибо такова была моя воля. А после войны он стерег заключенного № 211, ибо таков был приказ королей-победителей, и даже не отомстил мне за

разбитую вазу. Итак, он выполняет свой долг, а я – свой.

Король Матиуш Первый.

Представитель совета королей расписался в тюремной книге в том, что получил Матиуша в целости и сохранности. Покончив с формальностями, они сели в машину и выехали из тюремных ворот.

Любопытно хотя бы одним глазком взглянуть на свою столицу. В театре как раз кончилось представление, и люди расходились по домам. Никто, конечно, не догадывался, что в мчащемся по улицам автомобиле едет король Матиуш. Важных преступников всегда возят ночью, чтобы никто не знал. Из театра шли только взрослые – и ни одного ребенка.

«Хитренькие, детей небось спать уложили, а сами развлекаются», – подумал Матиуш сердито.

Рядом на сиденье дремал представитель совета королей. «Открою дверцу и убегу».

Нет, ничего не выйдет. Днем, когда на улицах кишит детвора, убежать легче. И потом, как назло, ярко горят фонари и на каждом углу торчит полицейский.

На вокзале обстановка тоже не благоприятствовала побегу: представитель совета королей быстро провел Матиуша через зал ожиданий и вывел на перрон прямо к вагону первого класса. Поезд через пять минут отправлялся за границу. Войдя в вагон, представитель совета поставил возле окна чемодан, на чемодан – клетку с канарейкой.

– Ну, а теперь давай спать!

«Он что, притворяется или правда такой соня?»

Нет, полковник Дормеско не притворялся. Другого такого соню не было во всем четвертом артиллерийском дивизионе, в котором он служил. И четвертый дивизион гордился им.

...Еще в школе он сладко спал на уроках. Но никогда не храпел, поэтому учительница не замечала этого и считала его примерным учеником. Писал он без ошибок, читал тоже прилично – на четверку с плюсом (во время диктанта и на уроках чтения не очень-то поспишь – мешают), зато на арифметике он отсыпался. Товарищи посмеивались над ним, но он не обижался: характер у него был покладистый.

Однажды заснул он на уроке естествознания. На этих уроках спалось как-то особенно хорошо: стояла мертвая тишина да вдобавок монотонный голос учителя убаюкивал и глаза сами слипались.

– Ну-ка, Дормеско, повтори.

– Он спит, господин учитель.

Сосед толкнул его локтем в бок. Дормеско вскочил – стоит, глаза протирает.

– Ну, что тебе снилось? – спрашивает учитель.

– Большущий муравейник.

Ребята захохотали, а учитель сказал:

– Твое счастье, что тебе приснился сон по естествознанию, не то влепил бы я тебе кол.

Как-то, когда Дормеско было лет шестнадцать, к ним в гости пришел отставной капитан.

– Главное в жизни – это призвание, – разглагольствовал он – Любишь рисовать – будь художником! Любишь петь – пой! А в армии главное – дисциплина и беспрекословное повиновение.

– Ну хорошо, – говорит огорченный отец Дормеско, – а как быть если мальчик больше всего на свете любит спать?

– Если мальчик соня по призванию, поверьте мне, он не пропадет. Ибо главное в жизни – призвание.

И старичок оказался прав: Дормеско пошел служить в армию, и там не могли надивиться его отваге. В атаку его не посылали – для этого он не годился, зато в обороне был незаменим. Прикажут: «Стой на месте! Ни шагу назад!» – Дормеско окопается со своими солдатами и, хоть земля тресни, не двинется с места.

– Страшно было? – допытываются товарищи.

– А чего бояться? Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Жены у меня нет, плакать некому.

Дормеско был заядлым холостяком и терпеть не мог детей.

– Шумят, кричат, топают, озорничают. Маленькие по ночам спать мешают, большие днем не дают покоя...

Он любил ходить в гости, но дома, где были дети, обходил за версту. Вот почему, когда искали, кого бы послать с Матиушем на необитаемый остров, выбор пал на него. В самом деле, более подходящего человека не найти: полковник, да вдобавок детей ненавидит.

Чин полковника Дормеско получил за оборону Четвертого Форта Смерти, самого важного в крепости. Сорок четыре раза бросался неприятель в атаку, но Дормеско не отступил ни на шаг. Правда, командование не поскупилось на порох – знали, неприятель не пожалеет сил, чтобы овладеть важным фортом. Дормеско отдал приказ: «Стрелять без передышки день и ночь».

И вот солдаты палят, а Дормеско дрыхнет. Как известно, мешает только внезапный шум, а к непрерывному человек привыкает и перестает его замечать.

Скоро подоспело подкрепление, и враг был побежден.

– Позвать ко мне отважного защитника Форта Смерти! – приказывает главнокомандующий.

– Никак нельзя. Не велели будить, – ответил недотепа денщик.

Так Дормеско стал полковником. А сейчас он растянулся на мягкой полке и спит, посвистывая носом: «Фьюить-фьюить, фьюить-фьюить...»

«Погоди, ты у меня посвистишь!» Матиуш подкрался на цыпочках к двери, отодвинул ее чуть-чуть и заглянул в щелочку.

Дело плохо: в коридоре часовой. Матиуш задвинул потихоньку дверь и неслышно подошел к окну. Как приятно, когда на окне нет решетки. Но как оно открывается? Внизу толстый кожаный ремень неизвестного назначения. Наверху тоже кусок кожи. Матиуш прикрыл клетку полотенцем: боялся, как бы канарейка не запела. Потом поставил клетку на пол, влез на чемодан и стал орудовать. Потянул ремень вниз – стекло ни с места; подтолкнул вверх – немного подалось и застряло. Если разбить окно, полковник проснется... Ага, вспомнил: однажды при нем открывали в вагоне окно. Тогда он не предполагал, что это, как любое знание, может пригодиться в жизни.

И вот, приподняв стекло немного вверх, он потянул ремень на себя, и оно опустилось. В купе ворвался громкий перестук колес. Матиуш посмотрел, высоко ли. Ничего, выпрыгнуть можно. Надо только станции дожждаться.

А дальше что? Денег – ни гроша. И без еды до столицы не доберешься. Может, у стрелочника спрятаться? Хорошо, что он навел на него, возвращаясь с войны. Добрая стрелочница наверняка его не выдаст.

Полковник беспокойно заворочался во сне, и Матиуш поспешил закрыть окно. Как бы соню не разбудил холодный ветер!

А полковник натянул на голову шинель и продолжал спать.

«Это мне на руку», – подумал Матиуш.

Время тянулось невыносимо медленно. Матиуш боялся прозевать станцию. А может, не стоит ждать? Он вспомнил изнурительные походы во время войны и подумал: «Сейчас мне не хочется спать, но вдруг сон сморит меня под утро? Тогда прощай свобода!»

Два полустанка, станция. Нет, не та. Опять полустанок. Наконец-то его станция! Открыть окно и выскочить было делом одной минуты. И вот он уже бежит вдоль насыпи, а впереди во мраке мерцает свет в окне у стрелочника. Матиуш мчится что есть духу...

Свобода!

Из предосторожности он спрятался в сарайчике и ждет: может, заметили, как он выпрыгнул в окно, и кинулись в погоню? Нет, все спокойно, поезд отошел от станции.

«Пусть начальник тюрьмы выполняет свой долг, а я – свой», – смеясь, подумал

Матиуш.

Соня-полковник продрал глаза, только когда поезд подъехал к границе. Смотрит: окно открыто, а Матиуша нет.

«Хорошенькое дело! Удрал! А ведь мне приказано доставить его на необитаемый остров. Как же я его доставлю, коли он удрал? Кажется, ему ясно было сказано: спать! Неслыханное дело! Мальчишка посмел ослушаться моего приказа! Что делать? Стрелять? Но из чего? Пушки нет. И в кого! И как стрелять без приказа?»

Полковник Дормеско вынул из портфеля приказ и прочел:

По получении сего полковнику Дормеско немедленно надлежит передать командование капитану, а самому явиться в столицу и отвезти Матиуша с вещами на необитаемый остров. Сухопутным и морским властям вменяется в обязанность оказывать полковнику Дормеско всяческое содействие. По возвращении приказываем подать рапорт.

– Ну ладно, отвезу на остров канарейку и чемодан, а по возвращении подам рапорт, – рассудил полковник. Потом вздохнул, почесал затылок, закрыл окно и, прикрывшись шинелью, заснул. А поезд мчался все дальше и дальше.

V

Три дня провел Матиуш под гостеприимным кровом стрелочника.

«Спохватятся, что меня нет, – размышлял он, – начнут рыскать, пустятся в погоню, устроят облаву, но никому в голову не придет, что я у них под носом притаился.»

В первую войну стрелочник выкопал под хлебом яму, чтобы в случае опасности было где укрыться. Если нагрянут с обыском, там спрячется Матиуш. Но пока все спокойно.

Заглянул, проходя мимо, дежурный по станции, хороший знакомый стрелочника, и говорит:

– Вчера ночным поездом какого-то преступника везли. Я часового видел в вагоне.

– Может, это денщик был?

– Да нет, он с винтовкой стоял.

– Или посол ехал иностранный?

– Может, и так.

«Осторожность не мешает, – подумала про себя жена стрелочника. – Беглецов иной раз в открытую ищут, а иной раз и потихоньку, тайно. Кто знает, что у него на уме.»

– Ох, ваше величество, если бы вы знали, как нам без вас плохо живется, – жаловалась стрелочница. – Всяк распоряжается, а жалованье платить никто не хочет. Еще перед войной завели новые порядки: ребятам велели поезда водить, а взрослым – в школе учиться. Болтали, будто сам Матиуш так распорядился. Нашлись дураки, поверили. «Не к добру это, – сказала я тогда. – Позавидовали, видно, сироте. В его царствование шоколада больше было, чем сейчас хлеба! Что-то дальше будет?»

Матиуш ходит по комнате: руки – за спиной, лицо хмурое.

«Хватит без дела сидеть и бедных людей объедать. Пора в путь.»

Стрелочник с женой уговаривали его подождать немного.

– Нет, – говорит Матиуш, – надо поскорей попасть в столицу – узнать, что там происходит.

Стрелочник принес от кума старенькую, латаную одежонку. Матиуш переоделся, взял на дорогу ломать хлеба (от сыра отказался) и денег ровно столько, сколько стоит билет со следующей станции: на этой он не рискнул садиться на поезд.

Безо всяких приключений прошел он пятнадцать верст, купил билет в вагон третьего класса и под вечер был уже в столице. На всякий случай Матиуш надвинул на глаза шапку.

– Эй, малый! Отнеси мешок, заплачу.

«С превеликим удовольствием». От мешка так аппетитно пахло что у Матиуша слюнки текли. Мешок набит колбасами, сосисками сардельками и свиным салом.

– Ты сейчас приехал?

– Да. Верней, вчера.

– А город знаешь?

– Немного. То есть нет: ведь я только вчера приехал.

– Издалека?

– Нет, то есть да.

– Ну, пошевеливайся!

Колбасник подгоняет мальчика. А у того руки занемели, голова кружится. Идут, идут они, Матиуш совсем из сил выбился. Приостановился дух перевести.

– Послушай-ка, парень, не вздумай улизнуть с мешком. Меня не проведешь. Знаю я вас, птишек, которые не то сегодня, не то вчера, не то из далеких мест, не то из ближних прилетают. Крутитесь возле вокзала, ищите случая поклажу отнести, а сами так и норовите на первом же перекрестке дать тягу. Я вас мигом узнаю по этой надвинутой на глаза шапке! Недаром до того, как колбасой торговать, я два года в полиции служил. Ну-ка поворачивайся да поживей!

У Матиуша словно оборвалось что-то внутри, но он, не говоря ни слова, опять взвалил на спину тяжелый мешок. Руки одеревенели, а ноги сами несли его вперед.

– Эй, пан Михал! Слыхал новость?

Навстречу, откуда ни возьмись, полицейский.

– Куда путь держишь?

– Да вот товар несу. А что за новость?

– Короля Матиуша в ссылку отправили. Только смотри – молчок, никому ни слова. Это служебная тайна. Тебе как старому другу говорю.

– Как же так? Даже в газетах не сообщили.

– Беспорядков боятся. Ох, и жалеет Матиуша народ! И детвора, и взрослые. Только поздно теперь жалеть. Надо было раньше думать, белых флагов не вывешивать.

Опустил Матиуш мешок на землю. Слушает.

– Останься Матиуш королем, ты, глядишь, годков через пять не колбасу, а золото мешками бы носил.

– А откуда ты знаешь, что его сослали?

– Тюремный сторож сказал. А Клу-Клу отправят к отцу... как зовут-то его, Бум-Друм, что ли? Печальный король будто бы от престола хочет отречься и добровольно уехать на необитаемый остров... А ты чего уши развесил? – накинулся на Матиуша полицейский.

– Он со мной. Мешок помогает нести.

– Ну ладно, идите. Завтра у меня после ночного дежурства день свободный – загляну к вам. Ох, жалко Матиуша!

– Погоди жалеть. По моему разумению, этим дело не кончится. Он еще воротится, вот увидишь.

– Только бы глупостей больше не делал.

– Ну, малый, пошли!

Колбасник помог Матиушу взвалить на спину мешок. И удивительное дело: усталость как рукой сняло. Мешок словно легче стал. Матиуш летел как на крыльях.

Ну вот и узнал почти все новости. Одно странно: почему его не ищут? Или еще не знают, что он убежал?

– Стой! Ишь разлетелся! Или дорога коротка показалась? Заходи в ворота.

Из подворотни две ступеньки вели вниз, в квартиру лавочника. Матиуш споткнулся и упал бы, не поддержи его колбасник. Матиуш прислонился к двери, закрыл глаза, а сам весь

дрожит

– Ты чего? – перепугался колбасник, увидев, как мальчик побледнел.

– Я голодный, – пролепетал Матиуш и потерял сознание.

Он уже в тюрьме недоедал, оставляя половину порции на случай побега, У стрелочника тоже ел мало: совестно быть нахлебником у бедняков. Потом пятнадцать верст отмахал и ничего, кроме хлеба, не ел. А теперь еще мешок с колбасой. Тут и взрослый не выдержал бы. И, наконец, – неизвестность, боязнь погони, неожиданное известие, что страна помнит о нем и надеется на его возвращение.

Матиуша положили на диван.

– Выпей-ка молока.

Лавочник расстегнул ему курточку на груди. Во-первых, чтобы дышать было легче, а во-вторых, как заправский полицейский, хотел метрику поискать. Умрет мальчишка без документов – хлопот не оберешься! В кармане он нащупал что-то твердое и вытащил фотографию покойной королевы.

– Эй, парень, попей молока! А ну, открой глаза!

Закаленный в походах, Матиуш быстро пришел в себя. Ему стало стыдно и немного страшно: не сказал ли он чего лишнего в беспамятстве? Уж больно чудно смотрят они на него.

– Как тебя зовут?

– Янек.

– Слушай, Янек, больно ты нежный, как я погляжу. Руки у тебя белые, хоть и в царапинах. И врать ты не мастер – это сразу видно. Зря ты мне морочил голову на вокзале. Голодный, худой, хотя мальчишка ты, видать, крепкий. И документов у тебя нет, только фотография королевы в кармане. Что все это значит?

– Мне душно, откройте окно!

Матиуш пьет молоко, закусывает хлебом и чувствует, как к нему постепенно возвращаются силы. Но притворяется, будто ему все еще плохо: закрывает глаза, а сам в сторону окна поглядывает, чтобы удрать в случае чего.

– Оставь его в покое, – сказала колбаснику жена. – Видишь, ребенок чуть живой. Завтра успеешь допросить, пусть выпится сперва.

– Ты меня уму-разуму не учи. Недаром я два года в полиция прослужил. Скажи-ка мне...

– А я тебе говорю – заткнись! Понял? В полиции он служил, недотепа... А сейчас почему не служишь? Потому что выгнали. Другие богатство нажили, а ты что? До самой смерти колбасой будешь торговать. А ну показывай, чего привез!

Пока они разгружали мешок, Матиуш положил голову на стол и заснул.

– Постыдился бы, дурень, на ребенка такую тяжесть взваливать! Как-никак его Янеком зовут.

Янеком звали ее единственного сына, который погиб на войне.

– Сразу видать, славный мальчонка: у озорника была бы фотография Матиуша, а не королевы.

Матиуш спал очень чутко и, услышав сквозь сон свое имя, проснулся.

– Песенка Матиуша спета: его на необитаемый остров сослали.

– Жалко, раньше этого не сделали, был бы наш Янек жив. Ох, попался бы мне этот Матиуш!..

– Матиуш был король мудрый, воинственный и смелый.

– Перестанешь ты или нет?

– А вот не перестану! Что ты мне сделаешь?

– На, получай!

Жена размахнулась да как трахнет мужа колбасой по голове! Колбаса пополам разломилась.

Видно, супруги жили недружно. И так повсюду: если муж любил Матиуша, жена

терпеть его не могла. Брат хвалит Матиуша, сестра высмеивает. А сколько драк из-за этого было в школах – ужас!

Дошло до того, что обер-полицмейстер издал указ, запрещающий упоминать имя Матиуша в театрах, парках и прочих общественных местах. Нарушители карались штрафом или тремя днями ареста.

Но результат получился обратный: о Матиуше стали говорить еще больше. Так уж водится: все запретное кажется особенно заманчивым.

VI

Матиуш уплетает булку с колбасой, запивает сладким чаем, болтает о том о сем, а сам ждет: сейчас опять начнут выпытывать, кто он да откуда. Но нет, не спрашивают. Тем лучше.

Целый день только и слышится:

– Янек, принеси!.. Янек, замети!.. Подай!.. Убери!.. Завяжи!.. Вылей!..

Хотят испытать, послушный ли он, смывленный, расторопный. Наверно, из дома убежал. Ребята нынче совсем от рук отбились. Моду завели: чуть что не по ним – бегут из дома. Поскитается такой беглец по белу свету, наголодается, нахолодается, хлебнет горя и домой к папе с мамой воротится. Родители рады-радехоньки, что ребенок жив-здоров, лишнее слово сказать ему боятся. Ну, и мальчишка, наученный горьким опытом, тоже не больно-то хорохорится.

– Ничего, поживет немного, освоится и сам все выболтает. А пока пусть поработает. Лишь бы честный был.

Насчет этого он молодец! Пошлют за покупками – сдачу всю до копейки принесет. Тихий, неразговорчивый. А вот едок плохой.

– Ешь, Янек, – уговаривают его хозяева. – Еды на всех хватит, Не срами перед соседями, подумают, мы тебя голодом морим – уж больно ты худой.

– Не могу, зубы болят, – говорит Матиуш, а сам с тревогой в зеркало на себя поглядывает.

Рано или поздно побег обнаружится. Начнутся поиски. А может, и сейчас уже ведутся. Тогда никакая одежда не спасет. Слишком многие знают его в лицо. Одна надежда, если он похудеет.

Бегает Матиуш по разным поручениям. Попадет ему в руки газета, он спрячет ее и читает украдкой. Потом стал читать открыто, не таясь. А то новое объявление на стене увидит, остановится и прочтет. Теперь он был в курсе всех событий.

А события были такие. Государственный канцлер и казначей удрали за границу; они еще до войны, втайне ото всех, переправили туда драгоценности и капиталы. Военный министр открыл школу танцев. У министра здоровья – склад аптечных товаров: он туалетным мылом и зубным порошком торгует. Министр юстиции после суда над Матиушем с присущей ему честностью и прямоотой заявил, что не желает иметь ничего общего с правосудием, и пошел работать кондуктором. Министр торговли держит овощную лавку и на паях с церемониймейстером владеет кинематографом. Министру просвещения не повезло: он продает на вокзале газеты. А бедняга доктор умер от огорчения.

В королевском дворце поселились иностранцы. В столицу со всего света съехалось видимо-невидимо мошенников и авантюристов. Они занимают лучшие места в театрах, раскатывают на автомобилях по улицам, пьют и едят в дорогих ресторанах, а население расплачивается за это тяжким трудом.

Во взрослом парламенте устраивают состязания силачей, а в детском – выступления магов-волшебников.

Казармы превратили в пивоварню, потому что с горя люди потребляют в огромных количествах пиво.

Негритята – кто в ученики к трубочистам пошел, кто в кафе служит: газеты подает

посетителям, мраморные столики вытирает.

«С чего же начать? – мучительно думает Матиуш. – Кому-то надо открыться – один в поле не воин.»

Однажды остановился он перед овощной лавкой бывшего министра. «Может, войти?» Матиуш не испытывал никакой симпатии к этому министру, он знал его как человека весьма практичного. Но на этот раз так и не решился переступить порога и вернулся домой ни с чем.

– Мне хочется яблок.

Матиуш никогда ни о чем не просил, и лавочник дал ему денег.

– Полфунта яблок.

Бывший министр вздрогнул при этих словах: он сразу узнал Матиуша по голосу и, метнув на мальчика испуганный взгляд, уронил полуфунтовую гирию.

– Вашество...

Матиуш приложил палец к губам.

– Ах, что я болтаю... – пролепетал экс-министр и, обернувшись к продавцу, сказал: – Поднимите гирию... нет, принесите-ка мне папиросы... А вы, – обратился он к кассирше, – пересчитайте, пожалуйста, выручку.

Распорядившись, он незаметно сделал Матиушу знак, чтобы тот следовал за ним в каморку за лавкой, где помещался склад.

– Как вы смеете, ваше величество, подвергать меня такой опасности! – зашипел он злобно. – У меня и так хватает неприятностей. Был министром, а теперь докатился до того, что яблоками торгую. В стране строжайше запрещено произносить даже имя короля, и если кто-нибудь узнает... Прошу вас, умоляю больше никогда не приходить сюда, иначе, честное слово, я вынужден буду донести в полицию. У меня жена, дети, я не имею права рисковать благополучием семьи.

– Но я хотел только узнать...

– А я ничего не знаю и не желаю знать! – перебил его министр. – Извольте, могу дать вам фунт, ну три фунта яблок или груш, но на большее не рассчитывайте.

– Я в милостыне не нуждаюсь, – гордо сказал Матиуш и ушел не простившись.

Бедный король-скиталец! Посещение овощной лавки отбило у него всякую охоту обращаться к другим министрам. Думал, думал Матиуш и пришел к выводу, что у него есть следующие возможности.

Первая. Ворваться в толпу с криком: «К оружию!» Раздать населению винтовки, арестовать иностранных послов, выкопать вокруг города оборонительные рвы и еще раз попытать счастья на поле боя.

Вторая. Прийти во дворец и заявить: «Я – король Матиуш Первый!» Пусть ссылают на необитаемый остров.

Третья. Остаться мальчиком на побегушках и выжидать.

Четвертая. Отправиться к Печальному королю... Нет, на такое унижение он не пойдет.

И Матиуш выбрал третье: то есть решил ждать. «Не может ведь так продолжаться вечно».

И вот Матиуш трудится не покладая рук. Встает чуть свет, подметает пол в лавке, ходит на базар с кошелкой, топит печь, чистит картошку, разносит по домам покупки.

– Янек, возьми пятьдесят сарделек и десять фунтов колбасы и отнеси в ресторан на Новую улицу – ту, что раньше называлась улицей Матиуша Реформатора.

– Хорошо.

Идет Матиуш с корзиной, а на улицах необычное оживление. Всюду полно солдат, полицейских, они прохаживаются взад-вперед и останавливают взрослых и детей. Посмотрел Матиуш по сторонам и видит на стене объявление, а на нем большими буквами: «5 000 000 вознаграждения».

Наконец-то!

5000000 ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ.

Бывший король МАТИУШ ПЕРВЫЙ по пути на необитаемый остров БЕЖАЛ из-под стражи в неизвестном направлении. Кто поймает МАТИУША или укажет, где он скрывается, получит вышеозначенное ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ.

Все мальчики в возрасте МАТИУША обязаны иметь при себе метрику. Во избежание недоразумений предупреждаем родителей, что мальчики без документов будут ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ.

«Пять миллионов! – покачал Матиуш головой. – Вот никогда не предполагал, что короли ценятся так дорого. Сколько сарделек можно получить в обмен на одного короля!»

В душе он обрадовался: наконец-то перемена! И решил к колбаснику не возвращаться. Он ему до смерти надоел своими расспросами: кто он да откуда, в какой школе учился; зачем сидит уткнувшись в газету – все равно ничего не поймет; почему носит при себе фотографию королевы, и так далее. Вернись он к ним сейчас, они непременно догадаются, кто он.

– Откуда идешь? – остановил его патруль.

– От мясника.

– Свидетельство есть?

– Есть.

– А ну покажи.

Матиуш с невинным видом показывает колбасу.

– Дурачок, это колбаса, а не свидетельство. Предъяви документ.

– Пусти его, чего с дураком толковать.

Две улицы прошел – опять патруль.

– Документы!

– Пропустите, пожалуйста, я очень спешу: хозяин ресторана ждет.

На этот раз тоже повезло – пропустили. Однако Матиуш видит, дело принимает серьезный оборот, и стал пробираться боковыми, узенькими улочками на окраину города.

– Стой! – раздался окрик.

Но Матиуш как ни в чем не бывало идет дальше.

– Стой! Стрелять буду!

Матиуш продолжает путь, словно не слышит. Солдат выстрелил в воздух. Матиуш – ноль внимания.

– Ах ты негодяй, шутки шутить вздумал с полицией!

Матиуш объяснил знаками, что он, мол, глухой.

– Отпустить его, что ли? Глухой как пень. Даже выстрела не слышал.

– А мне какое дело! Приказано арестовывать – значит, нечего рассуждать. Вернемся с пустыми руками – от начальства попадет. Может, мошенник, притворяется глухим, а сам украл колбасу?

Дело дрянь. Пока не поздно, надо ноги уносить. Еда пригодится: несколько дней придется скрываться.

Солдаты идут, не торопятся, переговариваются между собой:

– Совсем сбесились. Матиуш убежал с необитаемого острова, а они его здесь ищут. Только бы этим толстосумам людей мучить...

По дороге зацапали еще двух мальчишек. Ни просьбы, ни слезы не помогли – солдаты только еще больше разозлились. Образовалась целая процессия: впереди трое ребят, сзади солдаты, а сбоку четыре пса – за корзинкой с колбасой увязались. В последнее время на окраинах развелось много бездомных собак. Обедневшим ремесленникам самим нечего было есть, и они повыгоняли собак на улицу.

Матиуш вынул из корзинки связку сарделек, повесил на шею, обмотал вокруг пояса, в каждую руку взял по колбасе, корзинку поддал ногой – и деру.

– Лови его, держи!..

Матиуш бежит впереди, за ним – собаки, за собаками – солдат. Другой остался стеречь мальчишек.

Солдат даже винтовку бросил на бегу, чтобы не мешала, и вот-вот догонит Матиуша. Матиуш обернулся и – бац! – в собак колбасой. Собаки накинулись на нее, сцепились, покатались клубком прямо под ноги солдату. Тот растянулся во весь рост на мостовой, а собаки давай его кусать. Матиуш перемахнул через забор, пробежал один двор, другой и очутился возле сада, а в нем детвора: маленькие, большие, девочки, мальчики. В глубине сада – дом, калитка открыта настежь; в стороне – другой дом, поменьше, за ним кусты.

Тут прозвенел звонок, и ребята побежали к дому.

«Школа, наверно», – подумал Матиуш.

Сад опустел. Матиуш сидит в кустах и высматривает укромное местечко, куда бы спрятать свои припасы.

VII

– Это не школа, а приют. В школе только учатся, а мы здесь живем: спим, едим. Мой отец на войне погиб. А твой? Чтобы приняли в приют, надо подать заявление. Это страшная волянка! Мой тебе совет: оставайся, никто не заметит. Раньше дело другое: мы были одинаково одеты. Но после войны никакого порядка нет: каждый делает что хочет.

– Но ребята сразу заметят, что я новенький, – возразил Матиуш.

– Мура! Старшим по сардельке дашь, чтобы язык за зубами держали, а малыши не пикнут – боятся нас. Не послушаются – подзатыльник получат. У нас с ними разговор короткий! Впрочем, посиди в кустах, а я посоветуюсь со скаутами.

– Значит, у вас скауты есть? – обрадовался Матиуш.

– Одно название, что скауты: папиросы курят и даже пояса со скаутским ножом ни у кого нет. Говорю тебе: сплошной ералаш. Каждый делает что хочет. Сказал бы я тебе одну вещь, да, боюсь, проболтаешься. Послушай: у нас тайное общество есть, Зеленого Знамени. А патрон наш – только помни: это тайна, – Матиуш. Мы решили выкрасть его с необитаемого острова. Да смотри не проговорись, не то тебе не поздоровится. Мы свято храним нашу тайну...

Прозвенел звонок.

– Подожди меня здесь. Мне на урок надо идти. У нас только на первом уроке проверяют, кто отсутствует, а потом хоть целый день гуляй! На, держи кусок хлеба...

Матиуш съел хлеб и две сардельки. Сидит он в кустах и думает: как быть дальше? А тут в сад нагрянула полиция.

«Искать будут».

Но они пожаловали по другому поводу: привели из тюрьмы около ста мальчишек, задержанных на разных улицах. Родители собрались перед тюрьмой и устроили скандал.

– Не хотим, чтобы наши дети сидели вместе с ворами! – кричали они.

Пришлось ребят перевести из тюрьмы в приют.

Навстречу этой ораве выбежал толстяк – размахивает руками, кричит, сердится:

– Почему заранее не предупредили? Куда я их дену? Откуда взять столько мисок и кружек? Где их спать укладывать?

– Наше дело маленькое. Мы выполняем приказ начальства, – сказали тюремные надзиратели и удалились.

В сад выскочили приютские ребята и смешались с новенькими. Путаница, неразбериха. Из дома вынесли два стола и стали записывать имена и адреса вновь прибывших ребят.

– Мой папа адвокат.

– Мой папа жандарм.

– Моя мама актриса.

– Мой папа иностранный посол.

Тут к воротам подкатил автомобиль.

– Папа приехал!

– По какому такому праву вы задерживаете моего сына? Что за безобразие! – накинулся

посол на толстяка.

В это время полицейские привели еще сорок пленников.

– Отдайте мне сына!.. – вопит жена посла.

В сад ворвалась целая толпа родителей. Плач, ругань, галдеж.

«Пожалуй, можно вылезти из кустов, – подумал Матиуш. – Какой, однако, странный способ ловить преступников! Не удивительно, что это им так редко удается. Теперь я в безопасности.»

И Матиуш до того осмелел, что протиснулся к столу, возле которого стоял толстяк, пытаясь успокоить разбушевавшихся родителей.

– Уважаемые родители, я директор приюта, а отнюдь не тюремщик. Для меня, как и для вас, это тоже неприятный сюрприз. Перед вами ученый-педагог, автор научных трудов, посвященных воспитанию детей. Я написал книгу под названием «365 способов унять детский шум». Мне принадлежит научное исследование, в котором решается сложнейшая проблема, какие пуговицы практичней – металлические или роговые. Мое третье педагогическое сочинение называется так: «Разведение свиней в приютах». Не правда ли, на первый взгляд странное название? Но если вдуматься, все станет ясно. Где много детей, там много картофельных очистков и помоев. И вот, чтобы добро не пропадало даром, в моем приюте в рекордно короткие сроки откармливаются жирные свиньи. За свои научные открытия я награжден двумя серебряными медалями. Я каждого ребенка насквозь вижу. По глазам, по носу, по ушам – словом, по всему могу с точностью определить, кто из него вырастет. Вот взгляните, пожалуйста, на эту девочку... – И директор показал на стоящего возле стола Матиуша. – Обратите внимание, какое у нее доброе личико и смысленные глазки. Она совсем недавно в нашем приюте, но я успел досконально изучить ее. У нее нет от меня тайн. Я читаю в ее душе, как в раскрытой книге.

При этих словах директор положил руки на голову Матиуша и пристально посмотрел ему в лицо. Матиуш не на шутку испугался: вдруг этот толстый чудак в самом деле умеет читать в душе?

Убедившись, что их детям не грозит опасность и они попали к опытному педагогу, родители успокоились и разошлись по домам. Только иностранный посол позвонил обер-полицмейстеру и, получив разрешение забрать сына, сел в автомобиль и укатил.

Минуты не прошло, как в сад снова с криком выбежал директор:

– Господа воспитатели! Через полчаса сюда съедутся разные знаменитости обсудить вопрос, как поймать беглого короля. Переоденьте детей, вымойте им уши, утрите носы. Смотрите, чтобы ни одного сопливого носа не было! И пусть какая-нибудь девочка преподнесет обер-полицмейстеру цветы. Лучше всего та, с миленькой мордашкой... Эй, слуги, убрать помещение!

И умчался как вихрь.

– Где девочка, которой господин директор велел преподнести цветы? – спрашивает воспитатель.

– Это я, – робко говорит Матиуш. – Только я не девочка, а мальчик.

– Как ты смеешь возражать, наглец! Если господин директор говорит, что ты девочка, значит, так оно и есть. За упрямство и непослушание останешься завтра без обеда!..

И вот Матиуш в белом платье с розовым бантом преподнес обер-полицмейстеру цветы. Следом за обер-полицмейстером приехали главный следователь, главный криминалист, шеф жандармов, начальник шпионов и контрразведчиков и двадцать отечественных и иностранных сыщиков.

Первым взял слово директор приюта:

– Господа! Я воспитатель и автор научных сочинений о детях. Я слежу, чтобы дети не теряли носовых платков, не шумели, не отрывали пуговиц. Но если вы хотите найти пропавшего ребенка, в моем лице вы найдете лучшего помощника, ибо я – знаток детских душ. Так вот, я как специалист со всей ответственностью утверждаю: Матиуша в столице нет! Он наверняка спрятался в лесу, и его, спящего, подобрали цыгане или какая-нибудь

сердобольная крестьянка. Итак, Матиуша следует искать в цыганском таборе или в деревне. Если его узнают, то непременно выдадут: он всем насолил. А если не узнают, он сам в конце концов проболтается. Но у простого, неотесанного мужика не может быть педагогического чутья. Поэтому пройдет еще несколько недель, прежде чем он поймет, кого приютил в своем доме. Другое дело – в столице, где нет человека, который не знал бы Матиуша в лицо. Да он здесь и пяти минут не мог бы скрываться!

А Матиуш стоит возле двери и слушает. Так распорядился директор, на случай, если понадобится принести стакан воды или поднять что-нибудь. Взрослые сами не любят нагибаться: у них кости болят.

Совещались долго – каждому хотелось высказаться. В конце концов постановили: пусть дети переночуют в приюте, а завтра – по домам! Родителям разрешается принести им обед. Приютская кухня на них не рассчитывала, а оставлять детей голодными не годится. И больше мальчиков на улицах не задерживать.

На этом совещание окончилось.

Когда Матиуш переоделся и вышел во двор, его окружили ребята.

– О чем они говорили?.. Что делали?.. Ели что-нибудь вкусное? А тебя угощали?.. Тебе не стыдно было в девчачьем платье?.. Когда нас отпустят домой?.. А что сегодня на обед?..

– Я ничего не видел и не слышал. Ничего не знаю и не скажу, – буркнул Матиуш не очень любезно.

Ребята быстро от него отстали: некогда было. Каждому хотелось выменять что-нибудь у пленников.

– Знаешь, мне очень нужен ножик, а тебе он ни к чему.

– Послушай, дай мне зеркальце, у тебя дома лучше есть.

– Дашь пряник – секрет скажу.

– Гляди, как у меня волосы рассыпаются, отдай мне свою заколку...

Попрошайничали не все ребята, но глазели на необычайное зрелище все. Еще бы! Такое не каждый день увидишь. В обычное время они бегали по двору или ходили парами по улицам. А ходить парами неприятно: мальчишки дразнятся и на витрины не поглазеешь.

Да, я забыл сказать, что Матиуша нарядили в платье директорской дочки, а потом выдали мальчишескую одежду, но не ту, в которой он пришел. И теперь Матиуш ничем не отличался от остальных ребят.

И вообще было не до него. До позднего вечера родители приносили гостинцы. Такого роскошного пиршества не помнили даже самые старшие воспитанники.

Вот так веселье! А все из-за кого?

– Да здравствует король Матиуш! – раздался чей-то несмелый голос.

– Да здравствует!.. Да здравствует!.. – дружно подхватили все ребята.

«Да здравствует полковник Дормеско!» – чуть не вырвалось у Матиуша.

VIII

Полковник Дормеско, сам того не подозревая, оказал Матиушу огромную услугу. С тех пор как Матиуш убежал, прошло три дня, а поезд ехал вперед без остановки. Дормеско спал, часовой стоял в коридоре и караулил королевского пленника.

Приехали к морю. На берегу собралась толпа зевак. Весть о том, что корабль в порту ждет Матиуша, моментально распространилась по округе.

Из вагона вынесли чемодан Матиуша, потом чемодан полковника, потом клетку с канарейкой. Наконец вышел сам полковник: пять солдат с одного бока, пять с другого.

– А где Матиуш? Матиуш где? – заволновалась толпа.

Зеваки разозлились: два часа мокли под дождем и прозевали Матиуша. Но что это за таинственная клетка? – недоумевают любопытные.

– Где Матиуш? – спросил без обиняков начальник порта.

– Не суйтесь не в свое дело! – огрызнулся Дормеско. – Или вы морская и сухопутная

власть?

– Так точно!

– Тогда вы обязаны оказывать мне всяческое содействие. Дайте лодку. И как только мы поднимемся по трапу, велите сниматься с якоря.

Смотрит капитан корабля и диву дается. Матросы тоже удивлены.

«Кто знает, – думают эти суеверные люди, – может, Матиуша заколдовали? Или его вообще не было?»

Приехал Дормеско на необитаемый остров, получил квитанцию за доставленные вещи и отправился в обратный путь. Но спится ему беспокойно, угрызения совести мучают во сне. Как-никак неприятно старому служаке не выполнить приказа.

Рапорт полковника, как важный исторический документ, приводится дословно:

Крепость. Четвертый Форт Смерти

Пункт I приказа выполнен.

Пункт II приказа выполнен.

Пункт III приказа выполнен частично: на необитаемый остров доставлены вещи Матиуша (квитанцию прилагаю).

Выполнение IV пункта приказа подтверждается настоящим рапортом.

Бывший король Матиуш по дороге ИСЧЕЗ.

Полковник Дормеско.

Дормеско отправил рапорт с вестовым и, утомленный дорогой, завалился спать.

Что тут началось! Такого скандала свет не видывал.

Дормеско грозили, что его расстреляют, в солдаты разжалуют, сошлют в штрафной батальон, на каторгу. Но это все ерунда по сравнению с паникой, охватившей самих королей. Каждый день по три совещания, и одно – ночью! И каждое совещание в другом городе, а иногда в двух городах одновременно. Сначала хранили все в тайне. Но прониры-журналисты пронюхали, что Матиуш убежал, и куда короли – туда и они. Поезда мчатся на всех парах. Министры теряют чемоданы, церемониймейстеры – головы. Экстренные выпуски газет выходят в два-три часа ночи, и люди, как на пожар, выскакивают на улицу в ночных рубашках, чтобы купить газету. В кинематографах идут старые фильмы про Матиуша. Всюду, куда ни глянь, – Матиуш. Сигары – «Матиуш Первый». Конфеты – «Матиуш Первый». Водка – «Матишовка».

– Экстренный выпуск! Революция у Молодого короля!

– Печальный король готовится к войне!

– Обыск во дворце Кампанеллы!

– Война Южной и Северной Африки!

Тысяча двенадцать раз сообщалось в газетах, что Матиуш пойман, и всякий раз это оказывалось липой, уловкой, чтобы продать побольше газет. Вознаграждение за поимку Матиуша с пяти миллионов возросло до десяти.

Ждали чрезвычайных событий, а что происходит на самом деле, никто не знал, даже короли. Ясно одно: если Матиуша изловят, решить его участь тайком, без согласия детей, не удастся. Этот номер не пройдет! Ибо все ребята – белые, черные, желтые – на его стороне.

Закрыли фабрику, выпускающую перья «Матюшо», оштрафовали владельцев двенадцати магазинов за то, что они выставили в витринах открытки с изображением Матиуша. Редактор газеты «Зеленое Знамя» сидел в тюрьме. Известного поэта за гимн в честь Матиуша отдали под суд. Школы были оцеплены войсками. Детям запретили продавать зеленый материал. За игру в «зелень» учителя безжалостно ставили в угол. А царь Пафнутий, известный тупица, издал указ:

Я, божьей милостью царь и самодержец, повелеваю всем растениям в парках и лесах в месячный срок изменить цвет.

Царь Пафнутий.

Но это еще не все. Княжна Леля Бенгальская явилась на бал к королю Людовику в зеленом платье. Сын Ореста, королевич Хастес, возглавил демонстрацию школьников. Транспаранты, с которыми ребята вышли на улицу, гласили:

«Долой плохие карандаши и мел! Требуем карандашей, которые не ломаются!»

«Долой тетради, в которых расплываются чернила!»

«Долой учебники в некрасивых переплетах!»

«Долой одежду на вырост!»

«Да здравствуют конфеты и шоколад!»

«От конфет не портятся зубы!»

Короли запутались и не знали, кто с кем враждует, а кто с кем дружит, и сваливали друг на друга вину за случившееся.

– Это ты первый начал войну с Матиушем!

– А кто потребовал провозгласить его королем?!

– А ты позволил провозить через свою страну Бум-Друмово золото.

– А у тебя Матиуш познакомился с неграми.

– Ты первый показал ему парламент!

– Это твой шпион начал издавать у него газету!

Запахло порохом. Но войны все боялись, потому что никто не знал, кто союзник, а кто враг.

Поссорятся ребята в школе, учитель накричит на них, поставит провинившихся в угол – и дело в шляпе! Поссорятся министры, король выгонит одного или двух (это называется – дать отставку), и в государстве воцаряется порядок. А вот как быть, если перессорились короли?

Оказывается, даже из столь затруднительного положения бывает выход. На свете существуют очень умные люди, которые называются дипломатами. Они улаживают все без драки. На этот раз навести порядок вызвался мудрый старик – лорд Пакс.

Лорд Пакс курил трубку и был немногословен. В газетах сообщили: если лорд Пакс взялся за дело, можно не беспокоиться, все будет в порядке.

Итак, короли приехали на остров Фуфайку. Лорд Пакс проверяет по списку, все ли на месте.

– Здесь... Здесь... Болен... Здесь... Здесь... Вышел на минутку в уборную... Здесь... Нет...

Наступила тишина. Все ждут, что скажет лорд. А он набивает табаком трубку и, как видно, не торопится.

– Пусть каждый выступит и скажет, чего он хочет и чем недоволен.

Короли выходят по очереди. Один говорит громко, другой – тихо, один – кратко, другой – длинно; один заикается и краснеет, другой покашливает, третий шепелявит; один размахивает руками, другой раскачивается всем телом...

Заседать больше двух-трех часов короли не привыкли, а тут сиди с утра до вечера. Лорд Пакс вытрясет пепел из трубки, набьет ее снова и ни слова не говорит. Недаром его прозвали Железным Старцем. Сидит будто не человек, а мумия. Но если кто-нибудь перебьет оратора или реплику с места подаст, так глянет, что душа в пятки уйдет.

Наконец королям надоело слушать друг друга, и они с любопытством стали ждать, что скажет лорд Пакс.

Желающих выступать больше не оказалось. Воцарилась тишина. Журналисты очинили карандаши. Посыльные помчались на телеграф предупредить телеграфистов, чтобы те приготовились к приему телеграмм. Сейчас будет выступать лорд Пакс!

А лорд докурил трубку, выбил из нее пепел, прочистил, спрятал в карман и сказал:

– М-да. – Помолчал и прибавил: – Завтра в семь утра второе заседание.

Журналисты сломя голову полетели на телеграф. Но в газете ведь не напишешь, что лорд Пакс сказал «м-да». И вот каждый по своему вкусу сочинил за него речь и послал в

газету.

На другой день короли, злые, невыспавшиеся, собрались к семи часам утра. А лорд Пакс как ни в чем не бывало сидит на председательском месте, покуривает трубку и опять проверяет, кто явился, кого нет, кто опоздал.

– Вчера вы не знали, что скажут другие, а сегодня знаете, поэтому пусть каждый повторит, чего он хочет и чем недоволен.

Опять короли выступают по очереди. Одни говорят то же самое, другие не совсем то же самое, третьи, позабыв вчерашнюю речь, говорят все наоборот. И снова Железный Старец продержал их до позднего вечера, а напоследок сказал:

– Отлично, завтра заседание назначается на шесть часов утра.

Короли чуть не лопнули от злости.

– Вы придете завтра, ваше величество? – осведомляются они друг у друга, и каждый уверяет, что нет, не придет, не позволит больше лорду Паксу над ним измываться. На что это похоже! Их заставляет говорить, а сам трубку курит. Глупец, разве он не знает, что короли не привыкли рано вставать и столько времени проводить на заседаниях.

Но храбрились они только на словах, а в глубине души побаивались лорда. Почему, сами не знали. Так бывает и в школе: один учитель кричит-надрывается, в угол ставит, за уши дерет, но его все равно не слушаются; а другой только глянет – и мурашки по спине. А лорд Пакс бросает строгие взгляды из-под седых насупленных бровей, курит трубку и загадочно молчит. Тут не только король, а самый что ни на есть хитрец струсит.

IX

Пять раз подряд пришлось королям повторять одно и то же, ведь приезжали новые короли и нужно было ввести их в курс дела. И каждый раз кто-нибудь говорил иначе, чем накануне.

Четыре дня злились короли, а на пятый – совсем выдохлись и присмирели. Даже короны у них набок съехали, и они с таким трепетом взирали на трубку Пакса, будто в ней, а не в коронах и скипетрах было спасение от всех напастей.

– Завтра воскресенье, – робко напомнил Молодой король, когда последний оратор кончил говорить, чего он хочет и чем недоволен.

Лорд Пакс встал, набрал воздуха в легкие и сказал громко:

– В понедельник соберемся в четыре часа утра.

Короли повскакали с мест, поправили короны, натянули мантии – и давай бог ноги!

– Сколько можно терпеть это издевательство! – возмутился кто-то и стал подговаривать остальных собраться в воскресенье тайком от Пакса и самим решить, что делать.

– Оставьте меня в покое, ваше величество, я смертельно хочу спать! Может, я умру к понедельнику...

Но в понедельник все короли живые-здоровые ровно в четыре часа утра как миленькие сидели на своих местах, с мольбой взирая на трубку Пакса.

– Ваши величества! Давайте обсудим, как мы поступим, если Матиуша поймают, и что делать, если его не поймают. Кроме того, надо решить, какие принять меры, если Матиуш жив, и что предпринять, если он умер. И, наконец, как быть, если Матиуш пойдет на мировую, и что будет, если он объявит войну. Где скрывается Матиуш, нам неизвестно. Если верить словам Дормеско, он убежал на территорию своего бывшего королевства. Но полковник Дормеско может ошибаться. Наше решение должно зависеть также от того, возглавит ли Матиуш революцию в стране Молодого короля или перейдет на сторону негров, которые объявили войну белым королям. Не надо забывать, что из всех черных королей среди нас присутствует один Бум-Друм. Но это еще не все. Мы должны предусмотреть и ту возможность, что к детям присоединятся взрослые. Эти девять пунктов я ставлю на голосование. А сейчас объявляю пятнадцатиминутный перерыв, после которого вы проголосуете, какой из этих пунктов первым обсудить на сегодняшнем заседании.

Короли повскакали с мест:

– Да он нас заморит вконец!

– Мы отсюда живыми не выберемся!

– Что он, век здесь мариновать нас собрался?!

– Как хотите, а я уезжаю: у меня тетка тяжело больна.

– Мне операцию аппендицита должны делать! Доктор отпустил меня только на неделю.

– Я очень спешу: у меня сынок родился. Посмотрите, вот фотография!

– Завтра свадьба моей сестры! Она смертельно обидится, если я не приеду.

У всех были готовы отговорки, лишь бы улизнуть. Но стоило Паксу объявить, что перерыв окончен, как опять воцарилась тишина и порядок.

– Кто хочет взять слово: какой из девяти пунктов обсудим первым?

Молчание.

– Повторяю еще раз: кто хочет взять слово?

Тишина.

– Повторяю в третий раз: кто хочет взять слово?

Тут под столом, за которым сидели короли, послышался шорох, и оттуда вылез Матиуш.

– Прошу предоставить слово мне, – сказал он.

Короли остолбенели и, наверно, попадали бы на пол, если бы не удивительное самообладание лорда Пакса. Он строго посмотрел на них из-под насупленных бровей и, обращаясь к секретарше, невозмутимо сказал:

– Пожалуйста, внесите в список присутствующих короля Матиуша и пометьте: прибыл с большим опозданием... Известны ли вашему величеству вынесенные на обсуждение вопросы? – спросил Пакс, посасывая трубку.

– Да, я все слышал. И поскольку я жив, предлагаю поставить на обсуждение пункт пятый, который гласит: «Как поступить, если Матиуш пойдет на мировую».

– Совершенно верно, – согласился лорд Пакс.

Матиуш сел.

– Кто еще хочет высказаться?

Но короли при всем желании не могли вымолвить ни слова.

Случившееся произвело на них такое ошеломляющее впечатление, что они лишились дара речи или, как говорится, проглотили языки.

– Если желающих выступить нет, прекращаю прения и перехожу к голосованию. Итак, кто за предложение короля Матиуша Первого Реформатора, прошу поднять два пальца правой руки... Предложение короля Матиуша Первого принято единогласно. Прошу занести это в протокол.

Тут Молодой король опомнился, вскочил с места и закричал – Прошу дать мне слово!

– Слово предоставляется Молодому королю.

– У меня вопрос: можно ли называть Матиуша королем, если он в последней войне лишился престола и королевства? Лорд Пакс именует его королем и обращается с ним так, будто он нам ровня. Я спрашиваю: правильно ли решать судьбу Матиуша вместе с Матиушем? Ведь он как-никак наш пленник. И лишился королевства...

– Подумаешь! – перебил король Бамбук. – Разве мало известно случаев, когда короли лишаются королевств, а потом получают их обратно! Я сам тысячу лет прождал, пока мне вернули мои владения..

– Вам никто не давал слова, – покраснев от гнева, сказал лорд Пакс. – Перебивать выступающих не полагается. Молодой король не кончил. Пожалуйста, продолжайте, ваше величество.

– Так вот, повторяю. Матиуш – наш пленник. Он убежал и заслужил за это наказание.

Учитывая, что он добровольно сдался, наказание можно смягчить. Впрочем, у него другого выхода не было, рано или поздно его все равно поймали бы, и он это отлично знал.

– Вы кончили, ваше величество?

– Да, кончил.

– Прошу слова, – сказал Матиуш.

– Слово предоставляется королю Матиушу Реформатору.

– Молодой король врет. Короны лишил меня не народ, а кучка предателей. Тридцать трусов, испугавшихся одной несчастной бомбы, не вправе свергать короля с престола. К тому же один из них повалился мне в ноги, просил прощения и называл королем. А полиция ваша никуда не годится. С таким же успехом я мог бы еще сто лет скрываться. Я кончил.

– Кто еще хочет высказаться?

– Я, – сказал Матиуш.

– Слово имеет король Матиуш Первый Реформатор.

– Предлагаю перенести заседание на завтра. Пусть короли соберутся с мыслями, посоветуются. Так сразу, с бухты-баряхты, трудно сообразить.

– Да, да, перенести на завтра! Отложить!

Короли сорвались с места и заговорили наперебой. Галдеж поднялся такой, что даже лорду Паксу не удалось навести порядок.

– Отложить!.. Перенести!.. Завтра!. Дайте время подумать!.. Протестуем!..

Лорд встал, стукнул кулаком по столу и выпустил из трубки устрашающий клуб дыма, при виде которого все успокоились, но продолжали стоять.

– Прошу сесть.

Никакого результата.

– Прошу сесть, – дрожащим от гнева голосом повторил лорд Пакс.

Первым сел Матиуш, за ним – остальные.

– Ставлю на голосование предложение короля Матиуша: перенести заседание на завтра...

– На десять часов утра, – прибавил Матиуш.

– На десять утра, – повторил лорд Пакс – Кто «за», прошу поднять руку.

Все, кроме Молодого короля и Бум-Друма, подняли руки.

– Кто «против»?

На Молодого короля смотрят, а он хоть бы что.

– Кто воздержался?

– Я, – сказал Молодой король. – Я против любого предложения Матиуша. Здесь заседание королей, а Матиуш не король. Прошу это записать в протокол как *votum separatum*.

1

– Предложение короля Матиуша принято большинством голосов. Заседание объявляю закрытым до завтра до десяти часов утра.

Прощаясь, лорд Пакс пожал Матиушу руку.

– Поздравляю, ваше величество, вы овладели ситуацией.

После заседания к Матиушу подошел король Бамбук: хотел поболтать. Но Матиуш отвернулся от него с отвращением: он терпеть не мог врунов. Матиуш знал, взрослые тоже иногда любят прихвастнуть, но чтобы такое сказать, надо совсем совесть потерять. Тысячу лет ждал, пока ему вернули королевство! Вот это сказанул! Ведь человек может прожить немногим больше ста лет, а он: тысячу...

X

Матиуш пошел к морю и сел на камень. Им овладели усталость и печаль. Настродался,

---

¹ Особое мнение (лат).

намучился – и ради чего, ради кого? Одна Клу-Клу осталась ему верна. Но она не знает и не должна знать, отчего у Матиуша пропало желание бороться. К чему огорчать Клу-Клу? Пусть она будет счастлива!

Что это? Кто-то поет. Матиуш прислушался и узнал голос Печального короля.

Когда Матиуш покидал зал заседаний, в коридоре его поджидал Печальный король, но Матиуш прошел мимо, будто они незнакомы. Он не сердился на Печального короля, просто ему все опротивело. У него было только одно желание: поскорей покончить с этим и уехать на необитаемый остров. Там, вдали от всех дел, бесконечно усталый и грустный, король Матиуш закончит свою бурную жизнь.

О побеге Матиуш не жалел. Теперь по крайней мере он поедет не как узник, а как король. Поедет добровольно, убедившись, что он никому не нужен.

– Матиуш, можно сесть рядом с тобой? – спросил Печальный король.

– Почему вы у меня спрашиваете? Остров не мой.

– Но ты ведь первый занял место на камне.

– Я могу подвинуться.

Долго сидели они рядом и молчали.

Печальный король вынул из кармана пригоршню орехов и протянул Матиушу. Матиуш грыз орехи, а скорлупки бросал в море. Лодочка-скорлупка плавает возле берега, пока ее не накроет волна, и навсегда исчезает в белой пене.

– Где ты живешь, Матиуш?

– Первую ночь я провел под миртовым деревом, вторую – в зале заседаний под столом.

– Хочешь еще орехов?

– Спасибо.

– Короли остановились в гостинице, а я снял комнатку в рыбацкой хижине. Там две кровати и очень чисто.

При упоминании о чистоте Матиуш невольно усмехнулся: он вспомнил тюремных пауков и клопов.

– Я ничего не мог поделать, – как бы про себя проговорил Печальный король. – Даже от престола отречься и уехать на необитаемый остров мне не позволили.

– Я слышал об этом, – сказал Матиуш.

– Ты очень похудел. Не мудрено, что тебя не узнали. Видно, нелегко пришлось тебе в последнее время.

– Король, – сказал Матиуш, глядя на него в упор, – как я убежал, что делал и каким образом пробрался сюда – это тайна. И я обязан хранить ее ради людей, которые вольно или невольно помогли королю-изгнаннику. Никому на свете я теперь не доверяю, даже тебе.

Печальный король молча взял скрипку и заиграл. Из глаз его текли слезы...

Теперь послушайте, как Матиуш очутился на Фуфайке и почему ему хотелось поскорей попасть на необитаемый остров. Сумею ли я рассказать точно, как все было на самом деле, не знаю.

Это не так просто, если учесть, что сто самых знаменитых ученых двадцать лет спорили на страницах газет, при каких обстоятельствах убежал Матиуш. И каждый отстаивал свою версию.

Я выбрал самый интересный рассказ, полагая, что подробности решающей роли не играют.

А дело было так. Через неделю Матиуш признался одному мальчику, что он король. «Врет», – подумал мальчишка, но потом все-таки поверил.

Вот пошли они как-то гулять, и попалось им на глаза объявление, в котором за поимку Матиуша обещалось вознаграждение в десять миллионов. И мальчишки решили выдать Матиуша полиции.

Когда они шли парами, по улице случайно проезжала Клу-Клу, которую выпустили из тюрьмы. И она сразу узнала Матиуша. Клу-Клу заявила: ей непременно надо посетить приют, чтобы устроить точно такой же у себя на родине. Купив два килограмма конфет, она

написала Матиушу записку:

Потерпи немного. Я тебе верна и постараюсь с помощью черных королей, которые объявили войну белым, вернуть тебе свободу и королевство.

Клу-Клу приехала в приют и, пока раздавала ребятам конфеты, незаметно сунула Матиушу записку. Вскоре после этого он подслушал разговор мальчишек и узнал, что его собираются выдать. Тогда он решил убежать и спрятаться у старушки, которая напоила его молоком, когда они ловили убежавшего из зверинца волка. Прокрался Матиуш в дом, открыл потихоньку дверь, а в комнате вместо старушки сидит плечистый детина. Оказалось, это ее сын, который уехал в дальние края, а теперь вернулся за матерью. Но Матиуш не знал этого и сын старушки тоже не знал, что стоящий перед ним маленький оборвыш – король Матиуш. Недолго думая, он схватил за шиворот мнимого воришку и потащил в полицию. К счастью, в воротах повстречали они старушку. Матиуш кинулся к ней, а сын стоит и глазами хлопает: ничего не понимает. Добрая старушка сразу узнала Матиуша и повела к себе.

Тем временем жена колбасника донесла в полицию: так, мол, и так, жил у нас Матиуш, украл колбасу с сардельками и скрылся. Но ей не поверили, потому что охотников получить пять миллионов нашлось немало – все уверяли, будто его видели. Однако письмо из приюта, в котором опять упоминались злополучные сардельки, заставило полицейских и сыщиков схватиться за голову. На город обрушились обыски и облавы. А тут еще в тюрьме подкоп обнаружился

Дело принимало угрожающий оборот, и Матиуш написал Клу-Клу: есть только один путь к спасению – ехать вместе с ней. Но как это сделать? И Клу-Клу придумала. Она отравила ночью свою собаку, тайком закопала в саду и сказала, что хочет увезти на родину чучело любимого песика. Заказали столяру ящик, а сын старушки под видом чучела притащил в мешке Матиуша. Его положили в ящик, заколотили и так погрузили в вагон.

Сколько унижений перенес бедный Матиуш во время путешествия! Клу-Клу, когда ехала в клетке с обезьянами, была еще дикаркой. Ей было голодно и тесно, но не стыдно, не то что гордому Матиушу. К тому же клетка – не ящик, живая обезьяна – недохлый пес, а королевская дочь – не король. Когда так вот рассказываешь, кажется, ничего особенного, но поди попробуй сам полежи в ящике!

Клу-Клу ехала одна, без охраны. Когда они прочли в газете про совещание королей на Фуфайке, Матиуш решил: он поедет туда, а Клу-Клу – к неграм, объявившим войну белым королям. На берегу моря Клу-Клу купила лодку, но, вместо того, чтобы подплыть к стоявшему на рейде кораблю, направила лодку в открытое море. На море начался шторм – не сильный и не слабый, а так, средний. Но для лодки даже такой шторм опасен. И потом, они ведь заранее не знали, утихнет буря или разыграется вовсе.

Два дня гребли они без передышки, на третий – Матиуш высадился на берегу, а Клу-Клу поплыла дальше. Грустно было Матиушу расставаться с верным другом, но ничего не поделаешь – долг важнее! Пробраться в зал заседаний и залезть под стол ничего не стоило. На островах даже короли чувствуют себя в безопасности, и поэтому там нет полиции.

Конечно, Матиуш похудел. Еще бы не похудеть от такой жизни!..

– Пойдем ко мне, – предложил Печальный король.

– Ладно. Лучше уж рыбацкая хижина, чем королевская гостиница.

Сидят они в хижине, пьют чай, но разговор не клеится. Слишком много надо сказать друг другу, а слова не идут, застревают в горле.

– Что такое *votum separatum*, дискуссия, апелляция? – спрашивает Матиуш.

– Выбрось эту чушь из головы! Эти слова придумали дураки, чтобы казаться умней.

– А лорд Пакс – умный?

– Короли его боятся, а он... только не думай, что я хочу тебе польстить, – он боится тебя. Впрочем, он сам дал тебе это понять.

– А что значит овладеть ситуацией?

– Это когда противник у тебя в руках. Сейчас все зависит от тебя. Молодой король – твой лютый враг, но его недолгоблювают. Он задирает нос и храбрился, когда нас было трое, а теперь ты можешь рассчитывать на поддержку тридцати четырех человек. Знай: как ты захочешь, так и будет.

– Поздно, – ответил Матиуш и подпер голову рукой. – Ничего я не хочу и ничего на свете мне не надо.

– Матиуш! – ужаснулся Печальный король. – Я тебя не узнаю. Ты не имеешь права так говорить. Завтра ты можешь вернуть себе корону и королевство, которые принадлежат тебе по праву. Ты назвал трусами тех, кто в разгар битвы вывесил белые флаги, а теперь ты сам, король и вождь, накануне битвы, которая сулит тебе победу, предаешь себя и не только себя, но свои реформы, труд, борьбу, детей. Опомнись, Матиуш! Осталось потерпеть один день, последний день, и – конец!

Матиуш по-прежнему сидел неподвижно, подперев голову рукой. Только из груди вырвался у него глубокий вздох.

– К чему мне победы? – прошептал он.

– Тебе ни к чему, но твоей победы ждут дети во всем мире. Они верят в тебя. Ты им обещал. Ты называл себя королем-реформатором. Ты не имеешь права опускать руки.

Матиуш взял удочку и пошел на берег моря. Он просидел там до вечера, но не поймал ни одной рыбки, хотя они подплывали к самому берегу. Видно, не до рыб ему было.

XI

Заседание было очень бурным. Ораторы спорили друг с другом, все были возбуждены, кроме лорда Пакса, который спокойно покуривал свою неизменную трубку.

– Итак, – сказал лорд, когда все желающие выступили, – перед нами две проблемы: Матиуш и его королевство – первая, и дети – вторая. Если Матиуш получит свое королевство обратно, дети не перестанут бунтовать. Во всем мире начнутся волнения, в школах пойдет чехарда. Уже сейчас королевич Хастес возглавил демонстрацию детей. А что будет дальше? Дети либо выберут Матиуша своим королем, либо потребуют, чтобы в каждом государстве было два короля: король взрослых и король детей. Как тогда быть? Поэтому сначала надо решить, предоставим мы детям свободу или нет?

– Свободу?! – взревел царь Пафнутий. – Розги им нужны, а не свобода! Попробовал бы мой сын бунтовать, я спустил бы с него штаны и так всыпал, на всю жизнь бы запомнил. Теперь дурацкая мода – пальцем детей не тронь. А их непременно бить надо. С первого раза не поможет, бить еще и еще. Для начала можно отшлепать, не подействует – розгой отстегать; а если и это не поможет – дать ремня.

Все взоры устремились на Матиуша, но он молчал.

– Кто еще хочет взять слово? – спросил лорд Пакс.

– У меня другой метод, – сказал король Орест. – Я против битья, оно быстро забывается. Лучше не давать есть. Оставить мальчишку без завтрака или без обеда, и он сразу шелковый станет. Вот еще утруждать себя битьем! А можно в темную комнату посадить. Натерпится озорник страху, и весь вздор вылетит из головы.

– Я считаю, детям нельзя давать свободу, – заявил третий оратор. – Дети легкомысленны, у них нет жизненного опыта. У нас еще свежи в памяти недавние печальные события в королевстве Матиуша. Бить детей не годится, это их озлобляет. Морить голодом – еще хуже: они могут заболеть и вырасти хилыми, тщедушными. По-моему, надо внушить им, чтобы они подождали, пока подрастут и поумнеют.

– Прошу слова, – сказал Печальный король. – Я не согласен с предыдущими ораторами. Все, что здесь говорилось о детях, раньше говорили о крестьянах, рабочих, женщинах и неграх. Они, мол, такие-сякие, нехорошие, и никаких прав им давать нельзя. Теперь мы понимаем, что это неправильно. Матиуш поторопился и предоставил детям сразу слишком много прав. В этом его ошибка. Дети должны иметь свои деньги для покупки необходимых

вещей. Не исключено, что они будут тратить их на всякую ерунду. Но разве взрослые не транжиры деньги? Можно, например, дать им деньги в займы, а они вернут, когда вырастут. А сейчас они часто оказываются в положении нищих: о каждой мелочи изволь просить, выбирать момент, когда взрослые в хорошем настроении. Впрочем, по сравнению с прошлым дети уже сейчас пользуются большими правами. В старину отец мог безнаказанно убить своего ребенка, а теперь это запрещено законом. Избивать детей тоже. И не пускать их в школу родители не имеют права. Давайте лучше подумаем, какие еще дать детям права. Они нисколько не хуже нас, взрослых.

– А вы откуда знаете? У вас, насколько мне известно, нет детей, – ехидно заметил Молодой король.

– Дайте мне слово, – попросила Кампанелла; она приехала, как только узнала, что Матиуш присутствует на заседании.

Но не успела она рта раскрыть, как раздался крик – жуткий, леденящий кровь боевой клич.

– Измена! – завопил кто-то из королей и хотел было запереть дверь на ключ, но поздно: в зал заседаний во главе с Клу-Клу ворвалась толпа дикарей и давай вязать всех без разбора.

– Матиуш, ты свободен! – крикнула Клу-Клу.

– Заседание объявляю закрытым, – возвестил связанный по рукам и ногам лорд Пакс, который в суматохе потерял свою трубку.

Матиуш вспомнил рассказы старого профессора, который знал пятьдесят языков, и догадался, что это самые дикие дикари. Даже Бум-Друм побаивался их и никогда не приглашал в гости больше двух-трех человек разом. Да, профессор говорил еще, они превосходные гребцы.

Бум-Друм, не скрывая неудовольствия, отчитал Клу-Клу.

Нельзя терять ни минуты! Дикари уже связывают королей и сваливают вместе по пять человек. К счастью, они умеют считать только до пяти, не то короли задохнулись бы в одной большой куче.

Матиуш растерялся. Но его выручил Бум-Друм.

– Возьми поскорей со стола вон ту чурочку, – сказал он, – и обойди с ней пять раз каждую кучу королей. Только смотри не оборачивайся и не сбейся со счета, а то будет худо.

Матиуш идет впереди, за ним – Бум-Друм, Клу-Клу и вожди племени. Оглядываться нельзя, но Матиуш догадывается, что дикари идут на руках. Матиушу очень стыдно за своих друзей. Пожалуй, лежать в мешке вместо дохлого пса было не так стыдно. «Уж лучше бы я сам валялся связанный», – подумал Матиуш. Но отвлекаться нельзя: одно неосторожное движение – и мир лишится белых королей.

Осталось обойти четыре кучи, три. По сравнению с этим прогулки по тюремному двору – одно удовольствие. Короли понимают: дела их плохи, и лежат смирно, не шелохнутся. Вот когда пригодилась Матиушу привычка отсчитывать шаги и умение ходить разными способами, потому что Бум-Друм то и дело давал ему новые указания.

– Теперь делай большие шаги, нагнись вправо, подними чурку кверху, пройди на пятках, – командовал Бум-Друм. – Смотри, не вырони священное дерево, когда оно станет жечь тебе руки.

А чурка становилась все горячее.

Наконец последняя куча: наверху – связанная Кампанелла. Матиуш, не выдержав, закрыл глаза.

– Теперь выйди из дома, – говорит, запыхавшись, Бум-Друм: эта процедура была ему не по возрасту тяжела.

Спускается Матиуш по лестнице, а чурка жжет все сильнее, будто он стакан горячего чая несет.

– Бум-Друм, горячо!

– Потерпи, Матиуш! Скоро конец.

– Можно чуть-чуть побыстрее?

– Нет.

Матиуш понимает: Бум-Друм сам бы рад скорее покончить с этим. Значит, на самом деле нельзя. Однако справедливости ради надо признать, церемонии, принятые при дворах белых королей, не так мучительны.

Наконец жрец взял из обожженных рук Матиуша священную чурку.

– Что все это значит? – спросил Матиуш у Клу-Клу, которая с состраданием смотрела на его покрытые волдырями руки.

– Я сделала глупость. Не сердись на меня. Я боялась, как бы с тобой не случилось беды, если я не подоспею на помощь. Сейчас опасность миновала, но это могло печально кончиться... Тебе очень больно?

Военный танец дикарей продолжался три часа. Тем временем Бум-Друм, Клу-Клу и Матиуш выкатывали из погреба бочки с вином, пивом и ликерами.

– Когда они кончат танцевать, – сказал Бум-Друм, – я последую за порядком, а вы подносите каждому по полкружки вина, и в каждую кружку Матиуш пусть бросает по одному зернышку, а Клу-Клу – по три.

И Бум-Друм дал им по мешочку с маленькими горошинами. Потом вскрыл на руках у Матиуша волдыри и помазал обожженные места какой-то жидкостью, иначе он не смог бы держать кувшин и бросать в каждую кружку по зернышку.

У Матиуша уже онемели руки, а очереди конца нет. Бум-Друм распоряжается: одних направляет к Матиушу, других – к Клу-Клу. Матиуш заметил: к своей дочери он отправляет больше дикарей. «Наверно, – догадался Матиуш, – это самые дикие».

«Когда это кончится? – мысленно спрашивает он себя и с тоской думает о необитаемом острове. – Пусть делают что хотят: мирятся, ссорятся, награждают или наказывают, пусть хоть съедят друг друга, лишь бы меня при этом не было.»

Наконец в последнюю кружку налили уксуса – вина не хватило, – бросили последнее зернышко, подошел последний дикарь.

Все.

ХП

Наверно, тем дело и ограничилось бы, если бы среди приехавших с Клу-Клу дикарей не затесался тайком страшный злодей и людоед – главный жрец племени и главный мошенник. Этот шарлатан самые обыкновенные фокусы, какие у нас показывают в цирке (искусству фокусника обучил его какой-то беглый каторжник в уплату за шкуру леопарда и двух обезьянок), выдавал за чудеса, а негры слепо ему верили и приносили богатые дары.

И вот, боясь лишиться власти и, главное, богатых даров, когда Клу-Клу построит железную дорогу, телеграф, начнет издавать газеты, научит негров читать и стрелять из пушек, он пустился в рискованное путешествие с тайной мыслью погубить противную девчонку и ее дружка – Матиуша.

Злодей прокрался ночью в комнату, где лежала связанная Кампанелла, и съел ее, а сам сел в лодку – и был таков! Он знал: гнев белых обрушится на его соплеменников, а значит, и на Клу-Клу. Его расчеты, как мы увидим, оправдались.

Когда весть об этом трагическом событии облетела остров, самые дикие дикари еще крепко спали, выпив с вином по три маленьких зернышка, а менее дикие, которые получили накануне по одному зернышку, стали просить у Матиуша прощения, кувыркаться в знак печали и выражать ему свою преданность. И Матиуш приказал немедленно погрузить спящих в лодки. Лодки со связанными дикарями оттолкнули от берега, и они поплыли в открытое море. На острове по приказу Матиуша осталось сто самых послушных. По первому слову короля-солнца (так незванные гости называли Матиуша) они развязали белых королей.

Опечаленные и удрученные, собрались короли на заседание. Даже невозмутимый лорд Пакс был подавлен известием о смерти королевы Кампанеллы.

– Прошу почтить память съеденной королевы вставанием.

Все встали.

– У меня замечание по повестке дня, – подняв руку, сказал Бум-Друм.

Интересно, что он хочет сказать?

– Белые короли! Мои черные братья причинили вам большую неприятность. Я разделяю ваше горе. Но виноваты в этом вы сами. Вы понастроили себе роскошные дворцы, а на нас вам наплевать. «А права, которые мы вам дали?» – возразите вы. Но что нам права, если мы нищие и неученые. Поэтому я прошу обсудить сегодня вопрос не только о белых детях, но и о черных. Мы, старики, смирились со своей тяжелой долей, но пусть хоть у наших детей жизнь будет лучше.

– Итак, на повестке дня четыре вопроса. Первый: о белых детях. Второй: о Матиуше. Третий: о королевстве съединенной Кампанеллы. Четвертый: о черных детях, – объявил лорд Пакс.

Однако обстановка не располагала к переговорам. Короли нервничали: их беспокоило присутствие ста дикарей. И хотя перед гостиницей стояли белые часовые и всю ночь до утра будет сменяться караул, все равно страшно, вдруг повторится то же самое. Итак, королям было не до переговоров.

Пусть Матиуш скажет, чего он хочет. Они заранее на все согласны. Во-первых, он спас им жизнь; во-вторых, сто дикарей готовы в любую минуту броситься на его защиту. Оттого, что у дикарей нет огнестрельного оружия, королям несколько не легче. Отравленные стрелы и копья – тоже достаточно неприятная штука. В конце концов какое им дело до Матиуша? Если Печальный король хочет, пусть возится с ним. А Молодой король, как главный виновник, должен добровольно отречься от престола и передать власть отцу. Хорош король! Взбунтовавшихся детей не сумел усмирить!

Примерно так думал каждый про себя, но все ждали, что скажет Матиуш.

А тот молчал. От горя он не мог произнести ни слова.

Наконец Альфонс Бородатый, потеряв терпение, потребовал, чтобы Матиуш высказался.

– Ваше величество, вы хотите взять слово? – спросил у Матиуша лорд Пакс.

– Давайте в знак траура по королеве Кампанелле перенесем заседание на завтра.

Возразить было нечего. Короли согласились, хотя без энтузиазма. Гроба на острове не нашлось, и останки королевы положили в ящик из-под винных бутылок и закопали в землю.

Матиуш встретился с Клу-Клу под миртовым деревом.

– Матиуш, ты сердишься на меня?

– Это ты, дорогая Клу-Клу, должна на меня сердиться. Если бы не я, жила бы ты спокойно в своей стране. А из-за меня тебе пришлось путешествовать в клетке с обезьянами, и в тюрьме ты сидела по моей вине, и о злополучных этих реформах стала думать тоже из-за меня.

– Матиуш, что ты говоришь! Разве есть большее счастье, чем трудиться и бороться ради того, чтобы жизнь на земле стала лучше

– Ну что ж, борись, Клу-Клу! – Матиуш вздохнул.

– А ты?

– Я еду на необитаемый остров.

– Почему?

– Это тайна.

Матиушу не хотелось огорчать Клу-Клу, и своими мыслями он поделился с Печальным королем.

– Раньше я думал, дети несчастные, но хорошие. А теперь убедился, что они плохие. Говорю это, чтобы ты не подумал, будто я струсил и мне надоело с ними возиться. Только пусть это останется между нами. Раньше я не знал детей, а теперь знаю. Они плохие, очень плохие. И я плохой. Плохой и неблагодарный. Пока я был маленьким и боялся министров, церемониймейстера, гувернера, я слушался и вел себя хорошо. А стал королем, сразу натворил глупостей и теперь вот страдаю. И столько невинных людей мучается из-за меня.

Матиуш стукнул кулаком по столу, вскочил и, заложив руки за спину, забегал по рыбацкой хижине.

– Дети злые, несправедливые, вредные, лживые. Заике, косому, хромоту, рыжему, горбатуму или если кто-то наделал в штаны, они проходу не дадут, задразнят. «Рыжий – красный, черт опасный!.. Хромоножка!.. Горбун!..» – кричат они, кривляются и смеются. Десятилетний смеется над восьмилетним, двенадцатилетний не хочет водиться с десятилетним. Увидят у другого что получше, обязательно выклянчат или будут подлизываться без зазрения совести. Драчуну все спускают, а тихого и доброго не ставят ни во что. Доверишь кому-нибудь тайну, он с тобой поссорится и выболтает ее. Всех высмеивают, обижают, дразнят. Идешь по улицам парами – обязательно пристанут, потому что знают, ты беззащитен, когда идешь с воспитателем, который запрещает драться. А сколько среди ребят воров и обманщиков! Дашь взаймы – не отдадут и еще скажут: «Отстань, отвяжись, катись к черту, а то в зубы дам!» А хвастуны какие! Каждый хочет быть первым. Старшие ссорятся с младшими, мальчики – с девочками. Теперь я понимаю, почему провалилась затея с детским парламентом. Да и как ей было не провалиться! Теперь мне понятно, почему я был хорош, пока у меня сардельки были; а не стало их, решили меня выдать. А еще рыцарями Зеленого Знамени себя называли! Белые дети хуже черных, а это позор. Негры неученые, поэтому им многое простительно... Нет, не хочу возвращаться к белым! Надоест жить на необитаемом острове – поеду к Бум-Друму и останусь там навсегда.

Матиуш словно забыл о Печальном короле. Он рассуждал сам с собой, высказывал вслух, что наболело на душе.

И когда Печальный король заговорил, Матиуш от неожиданности вздрогнул.

– Не отчаивайся, не падай духом, – сказал Печальный король. – В жизни каждого реформатора бывают тяжелые минуты, когда кажется, все усилия пропали даром, потрачены впустую. Но это не так. Неверно, будто все ребята плохие. Есть среди них врунишки и правдивые, воображалы и скромные, задиры и сговорчивые, приветливые. Но когда нет порядка, хорошие всегда страдают от нехороших. Надо сделать так, чтобы честные, порядочные ребята могли защищаться. Ты начал это, а довести до конца не хочешь. Если ты заупрямился, поезжай на необитаемый остров. Но прошу тебя, ни в коем случае не отказывайся от своего королевства! Потом пожалеешь, да поздно будет.

XIII

Первый пушечный выстрел прогремел в двадцать минут третьего ночи. Канонада не умолкала до трех часов. На остров обрушилось триста шестьдесят снарядов, после чего команды трех военных кораблей высадились на берег, получив приказ уничтожить дикарей.

Целиться с корабля, как известно, не так-то просто: ведь он покачивается на волнах. Поэтому один снаряд случайно угодил в левое крыло гостиницы, где жили белые короли, правда не самые важные. Но когда стало известно, что наряду с дикарями убито три белых короля и пять легко ранено, пушкарю намылили шею.

Бум-Друм и Клу-Клу исчезли. Только вряд ли им удастся спастись: у берегов Фуфайки патрулирует девятнадцать кораблей.

Вот как белые отомстили за смерть Кампанеллы! Чтобы чернокожим не повадно было вмешиваться в их дела. Ишь вздумали с белыми тягаться, у которых телеграф есть и пушки. По недоразумению, по чистой случайности попали они в лапы чернокожих, но пусть эти черные образины не задаются... И Матиуш тоже пусть не воображает, будто захватить власть над миром легко и просто. Курам на смех: мальчишка – властелин мира!

А подстроено было так. Короли тайком собрались и послали телеграмму: немедленно прислать на выручку флот. В телеграмме не забыли упомянуть, чтобы, кроме военных кораблей, прислали торговое судно с провизией. На острове съели все припасы и выпили все вино. Столько потеть на заседаниях и питаться рыбой, особенно после такой встряски, – нет уж, спасибо! Королевские желудки к такому не привыкли!

Короли были в отличном настроении. Опасность миновала. Все хорошо, что хорошо кончается. Зато сколько интересных событий, сколько незабываемых впечатлений. До конца жизни хватит рассказов о том, как их чуть не растерзали дикари. А то, право, обидно! В истории все пишут о геройских подвигах королей, живших в незапамятные времена, а о них – ни слова! Теперь и о них будет что сказать. Их подвиг войдет в историю.

– Хорошо бы внести в протокол небольшую поправочку: три короля убито и пять легко ранено не в постели, а в схватке с врагом. Мелочь, а в корне меняет дело.

– Факты исказить нельзя, – сухо отрезал лорд Пакс и открыл заседание.

– Господа, напоминаю: я высказался против того, чтобы Матиуша называть королем. Давайте проголосуем за мое предложение, – заявил Молодой король.

– А я предлагаю проголосовать за то, чтобы вас называли не королем, а наследником престола. Во вчерашних газетах сообщалось: под давлением общественного мнения Старый король вынужден взять власть в свои руки, – хладнокровно возразил Матиуш.

– Перестаньте спорить!

– Давайте не терять даром время!

– Если к мелочам придираются, мы никогда не кончим.

– У меня сын родился!

– Мне надо делать операцию аппендицита!

– У меня тетушка захворала!

– Как хотите, а я сегодня вечером уезжаю. Хорошенького понемногу!

– Какая разница – Матиуш или король Матиуш, лишь бы он сказал, чего ему надо.

– Матиушу слово!

– Королю Матиушу слово!

– Кончайте волынку! – галдели короли.

Лорд Пакс открыл папку с протоколом суда над Матиушем и прочел:

– На двенадцатой странице говорится: «Жители столицы лишили Матиуша королевской власти». А ниже приписка: «С решением банды предателей и трусов не согласен. Ибо я был королем и останусь им до самой смерти». Страница тысяча сорок третья, двенадцатая строка сверху: «Один из подписавших акт о низложении короля кинулся Матиушу в ноги и со слезами воскликнул: „Король, прости меня, подлого изменника!“ Итак, из документов явствует, что ни сам он, ни даже те, кто лишил его власти, не переставали считать Матиуша королем. Поэтому я обращаюсь к его величеству королю Матиушу Реформатору и прошу высказаться.

В наступившей тишине послышался шум далекого прибоя. Короли приготовились дать отпор. От этого мальчишки всего можно ожидать. Но вообразите их изумление, когда Матиуш сказал:

– Я, Матиуш Первый, считаю себя виноватым. Из-за меня убито, растерзано дикими зверями и покалечено множество народу. Я уезжаю на необитаемый остров. От престола я не отрекаюсь, но управлять страной пока не буду. Завоеванные земли возвращаю их владельцам. Молодой король может забрать свой порт обратно. Я в его милостях не нуждаюсь! Страна моя остается в прежних границах, в каких была при отце. Стыдно прослыть королем, не сумевшим сберечь наследие предков. Пусть жители моей страны выберут себе президента.

– А как же дети?

Матиуш нахмурился и промолчал.

– Разрешите за него сказать несколько слов. – Печальный король встал. – Мне, как другу Матиуша, известны его мысли и намерения. Матиуш очень устал. Он хочет в тишине и одиночестве разобраться во всем виденном и пережитом. А когда он отдохнет на необитаемом острове, то выскажет свои соображения на новом королевском совете.

– Замечательно! Превосходно! – в восторге закричали короли. – Если его величество король Матиуш устал, пусть отдыхает на здоровье. Мы тоже хотим отдохнуть! Мы тоже устали! Пора домой: неизвестно, как там управляются без нас министры. У нас кости болят!

Шутка ли, пролежать столько часов связанными лианами друг на друге, как поленья!

Лорд Пакс не разделял всеобщего восторга. Благовоспитанному джентльмену была не по вкусу кутерьма, поднявшаяся в зале. Короли повскакали с мест, кричали, перебивая друг друга. Попробуйте в таких условиях вести протокол. Видно, лорд Пакс потерял власть над королями: они перестали его бояться.

– Ваши величества, давайте проголосуем... – лорд Пакс сделал робкую, но безуспешную попытку навести порядок.

– Перестаньте морочить нам голову! Мы берем Матиуша и отправляемся на торговый корабль. Надо устроить прощальный завтрак!

Короли подхватили Матиуша под руки и потащили. Сначала он слегка упирался, но потом решил: если тебя приглашают, отказываться неприлично. А короли вели себя так весело и непринужденно, словно были его закадычными друзьями. Казалось, на всем свете нет для них человека дороже.

Раньше, когда Матиушу приходилось сталкиваться с королями, министрами или просто со взрослыми, они всегда давали ему почувствовать, что он маленький, а они большие. А сейчас между ними никакой разницы. «Не такие уж плохие люди эти короли», – подумал Матиуш. Он словно впервые их увидел. Никаких церемоний, никакого этикета. Хохочут во все горло. Катятся кубарем с горки, гоняются друг за другом. Король Мальто изображает людоеда.

– Матиуш, выпей с нами на прощание! Не беда, что ты маленький. Маленький, да удаленький! Раз ты реформатор, значит, великий человек. Да здравствует король Матиуш!

На палубе торгового судна расставили столы. На столах вино, коньяк, ликеры, наливки, всевозможные яства, корзины с фруктами.

Матиуша усадили на почетное место. Наполнили бокалы.

– За здоровье Матиуша!

Оркестр заиграл национальный гимн. Короли едят, пьют, и Матиуш от них не отстает. Не успеет выпить бокал, как ему опять подливают.

– Да здравствует Матиуш Первый!

– Да здравствует Матиуш Великий!

Короли напились и полезли к Матиушу целоваться, прося называть их по имени. У Матиуша от вина закружилась голова, но ему было очень весело, он пел и плясал вместе со всеми.

– Вот видишь, дорогой Матиуш, как хорошо жить с нами в дружбе. Отдохнешь на необитаемом острове, вернешься к себе в столицу и заживешь, как все короли, – весело и беззаботно. Ты думаешь, почему короли раньше воевали? Да потому, что скучно было в замках за высокими стенами сидеть. А теперь у нас и без войны развлечений хватает. Выпьем за вечную дружбу!

Выпили.

– За реформы!

Опять выпили.

– За равноправие детей!

Еще раз выпили.

Среди пирующих не было лорда Пакса и двух королев: Молодого и Печального. Они остались в зале заседаний писать протокол. Короли страшно ссорились между собой и никак не могли прийти к согласию: один хочет одно, другой – другое. Увидели, что так далеко не уедешь, и каждый написал свой протокол. Пусть Матиуш сам выберет, какой ему больше понравится.

Сказано – сделано. Сели в лодку и поплыли на корабль. А там дым коромыслом. Ни о каких переговорах речи быть не может.

Короли обступили прибывших и давай их обнимать, целовать, благодарить за труд. Тащат к столу, угощают. То смеются, то плачут, вспомнив, как их чуть не съели дикари. Потом стали упрекать Печального короля, что он нос задирает и не хочет водить с ними

компанию. Одним словом, полнейшая неразбериха!

Пьяные монархи вырвали у Молодого короля бумагу и подписали. Потом подписали и протокол Печального короля. Тот хорош, говорят, а этот еще лучше.

– Стоит ли ссориться из-за пустяков? Если короли не ошибутся, министрам нечего будет исправлять, распутывать и приводить в порядок.

Ура! Да здравствует протокол! Да здравствует Железный Старец – лорд Пакс! Да здравствует Печальный король! Да здравствует Молодой король! Да здравствуют дружба и любовь! Да здравствует Матиуш Реформатор!

XIV

Теперь рассказ пойдет совсем о другом. С тех пор, как Матиуш высадился на необитаемом острове, все переменялось. Раньше было так, а теперь – иначе. И сам Матиуш стал другим. Ему кажется, будто он видит сон или, наоборот, проснулся, и все, что было раньше, ему приснилось. Чудно оттого, что все вдруг стало иным.

Короли, придворные интриги, дети, негры – все отступило на задний план. Словно не он, а кто-то другой вел войны, выигрывал и проигрывал сражения, томился в заточении, совершал побеги, скитался переодетый по стране, скрывался... Кто-то, о ком Матиуш слышал или с кем был даже знаком. Только очень давно.

Сидит он на берегу моря и бросает в воду камешки. А вода синяя-синяя! Кругом тишина и красота такая, что глаз не оторвешь! На душе у Матиуша хорошо и спокойно. Никаких забот, хлопот, огорчений.

«Может, и правда все это мне приснилось? – думает Матиуш. – Нет, это было наяву, только давным-давно.»

И вовсе не давным-давно, а совсем недавно. Просто Матиуш с тех пор очень изменился. Странно, как это он не знал, что можно быть другим человеком. Но кто же он на самом деле? Гордый, непреклонный король-реформатор или тихий и задумчивый добровольный изгнанник-философ?

Да, Матиуш стал философом, то есть человеком, который размышляет обо всем, что видит. Сидит целый день и думает. Но это вовсе не значит, будто философы – бездельники. Мышление тоже труд, и очень тяжелый. Между обыкновенным человеком и философом большая разница. Для обыкновенного человека лягушка – просто лягушка, а философ увидит лягушку и думает: «Зачем она существует в природе?»

Вместо того чтобы рассердиться и обругать своего обидчика, как это делает обыкновенный человек, философ размышляет, почему один человек задира и злюка, а другой нет?

Обыкновенный человек увидит что-нибудь хорошее у другого и завидует, ломает себе голову: «Как бы мне тоже занять такую штуку?» А философ предается раздумьям: «Как сделать, чтобы все было у всех людей?»

Вот таким человеком и стал Матиуш.

Сидит он на берегу и бросает в воду камешки. Со стороны можно подумать: вот бездельник! Но это не так, в голове у него идет напряженная работа, рождается тысяча вопросов.

«Что происходит в мозгу, когда человек думает? Почему человек спит? И почему засыпаешь всегда незаметно? И вообще, что такое сон? Почему мы растем, стареем, умираем?»

Дерево тоже растет, становится трухлявым, болеет. А сказать, что ему больно, бедное дерево не может. Почему?

А море живое? Если прислушаться, оно вздыхает, как великан, а в непогоду стонет и воет. И все-таки оно неживое. Зато в море водятся рыбы. И снова загадка: почему человек не может жить в воде, а рыба – на суше?

До того как изобрели аэроплан, летали только птицы. Чудно: муха умела летать, а

человек – нет. Выходит, муха умней нас? Почему муха ползает по потолку, по стенам, по стеклу, а если попробовал бы человек, то упал бы и разбился?

Интересно, есть у птиц свои птичьи слова? Когда канарейка поет, понимают ее другие канарейки или нет?»

В голове у Матиуша – тысяча вопросов, и на все надо ответить самому, потому что нет у него ни книг, ни товарищей, ни учителей. Получается, будто он ученик и учитель одновременно. И это ему нравится. Раньше он обо всем спрашивал иностранца-гувернера или капитана, но те никогда не могли объяснить ему так понятно, как он объясняет себе сам.

И вообще у Матиуша такое ощущение, будто он не один. Человек в одиночестве скучает, а Матиушу не скучно. Он рассуждает сам с собой, и ему кажется, словно у него много собеседников. Почему это?

«Наверно, в голове у нас много-много малюсеньких человечков, и каждый что-то знает, говорит свое. Иногда они спорят, ссорятся, потом мирятся и дают друг другу советы. Почему, например, в памяти всплывает внезапно то, о чем ты давно забыл? Наверно, малютка, которому поручили это дело, заснул, а проснувшись, напомнил тебе то, о чем позабылось. Таинственные существа, эти мысли-малютки! А может, это не живые существа, а маленькие механизмы, пружинки или что-то вроде фонографа? ²Нет, приборы и механизмы делаются из железа на фабриках, они сами не умеют говорить.

В крови тоже есть крохотные существа – красные и белые кровяные тельца, которые молено увидеть только под микроскопом. И в воде есть микробы, их тоже невооруженным глазом не разглядишь. Наверно, ученые не изобрели еще таких увеличительных стекол, через которые молено увидеть мысли-малютки.

А может, и в сердце они живут. Соберется много грустных человечков, и на сердце становится тяжело. А развеселятся, разыграются шалуны – на сердце легко и радостно.

А что такое совесть? Не самый ли это главный человечек, который знает, что молено делать, а чего нельзя. И все остальные его слушаются, как ученики – учителя. А когда не слушаются, человек совершает дурные поступки. Если это так, тогда понятно, почему один и тот же человек может поступать то хорошо, то плохо.»

Иногда Матиушу кажется, будто в голове у него идет настоящий бой. Одни побеждают, другие терпят поражение. Похоже, там тоже есть свои министры и войско. А самая главная мысль – как матка в пчелином улье. Пчелы перелетают с цветка на цветок, и мысли передаются от одного человека другому. Матиушу, например, передались некоторые мысли министров, лорда Пакса, папины и мамины мысли и далее бабушкины и прадедушкины.

Сидит Матиуш на берегу, бросает в воду камешки, а мысли, как пчелы, роятся в голове. И чудится Матиушу: он – на уроке, только не один у него учитель, а тысяча или миллион. Но никто друг друга не перебивает, все говорят по очереди, и первым отзывается тот, кто нужнее.

Может, никаких человечков и нет, просто Матиуш выдумал их, чтобы было интересней.

Надоест смотреть на море, Матиуш идет в лес – к муравейнику. Сядет на пенек и наблюдает за муравьями. Это тоже очень интересно. Бросит листик или кусочек коры и глядит, как муравьишка его к себе в муравейник тащит. А то возьмет осторожно муравья и посадит на руку; тот мечется, суетится, убежать хочет. Матиуш поднимет палец, а муравей думает, что это гора. Перебирает лапками-крючочками, бегаёт взад-вперед по ладони и воображает, будто десятки верст сделал. Вот чудак!

А то вынесет Матиуш клетку с канарейкой, повесит на сук, откроет дверцу и ждет, что она станет делать. Канарейки с воли не понимают, о чем поет канарейка-узница, и не любят ее. Однажды Матиуш выпустил свою канарейку, они накинудись на нее и чуть не заклевали. А ему казалось, между ними никакой разницы нет: и это желтая, и те. И поют одинаково. Но,

---

² Фонограф – аппарат для записи звука, изобретен Эдисоном в 1878 г.

значит, есть разница, если они не признают ее.

Канарейка в клетке скок-скок с жердочки на жердочку и поет. А канарейки с воли слушают и что-то щебечут в ответ. Подлетит канарейка-узница к открытой дверце, повертит головкой, защебечет – словно советуется, как быть. Взмахнет крылышками, вот-вот улетит, но нет – раздумала. Иногда осмелеет трусишка, выпорхнет из клетки, но тут же опустится на нее снаружи: боязно, видно, покидать темницу. Канарейки с воли переговариваются с пленницей, но Матиуш не понимает птичьего языка и не знает, ссорятся они или просто спрашивают, откуда она. То ли завидуют ее позолоченной клетке, то ли смеются, что летать разучилась.

«Ничего, привыкнут, – думает Матиуш. – Моя канарейка может многому их научить. И они знают много такого, чего она не знает.»

Сколько в природе интересных загадок!

Со стороны кажется, будто Матиуш ничего не делает. Но у него каждая минута занята, а когда наступает вечер, не хочется спать ложиться.

Вечером на небе загораются звезды. Матиуш глядит на них, словно впервые видит. Неужели они такие же большие, как наша Земля? А есть ли там люди, пчелы, мухи? Человек по сравнению с океаном или Вселенной – жалкая козявка. Матиуш пробовал сосчитать звезды на небе, да сбился со счета.

XV

Западная часть острова, где поселился Матиуш, – гористая. Гор там, правда, немного – всего четыре, и три совсем невысокие. Между этими невысокими горами и морем раскинулась поляна. На поляне домик – бывшая школа, в которой и живет Матиуш. Слева поляну отгораживает от моря четвертая гора, высокая, – можно сказать, скала. У подножия ее – залив, в который впадает река, берущая начало в восточной части острова. К востоку остров расширяется, и леса там гуще. В этих непроходимых чащах укрылись в свое время туземцы, спасаясь от свирепствовавшей кори.

Вместе с Матиушем в школе поселился наш старый знакомый, знаменитый соня – полковник Дормеско. Его помиловали, приняв во внимание прежние заслуги перед родиной. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что дело с побегом царственного пленника закончилось благополучно. Солдаты, которые охраняли остров и выполняли всякую хозяйственную работу, жили в доме, принадлежавшем когда-то предприимчивому торговцу.

В море неподалеку от острова высилась скала, на скале – маяк. С тех пор как Матиуш жил здесь, его еще ни разу не зажигали: там что-то испортилось.

Раз в неделю корабль доставлял почту: газеты, письма и провизию. Писем Матиуш получал мало, а газет он не читал. И времени нет, и охоты.

К чему новые известия, когда накопилось столько мыслей, которые надо обдумать. Матиуш решил начать новую жизнь, но, чтобы опять не наделать ошибок, надо разобраться в своих поступках. А в голове – полнейшая неразбериха. Человечки-мысли совсем распустились, делают что вздумается. Ложатся спать и встают когда хотят, куда-то улечиваются из головы и опять нежданно-негаданно появляются. Сражаются друг с другом, а по какому поводу, неизвестно. Чем больше Матиуш думает, тем больше запутывается.

«Ну хорошо, королем я не хочу быть. А кем же я буду? Ведь нельзя всю жизнь бросать камешки в воду и наблюдать за муравьями! Если в тюрьме я ходил по двору и считал шаги, то почему теперь не могу считать звезды и камни? Но тогда я был пленником и хотел убежать. А сейчас?»

У Матиуша было смутное желание опять убежать, но куда и зачем, он не знал.

А не знал, потому что в голове у него – хаос. То верх берут веселые человечки, начинают куролесить, и Матиуш радуется, сам не зная чему. То одерживают победу нытики,

и Матиуш грустит: вспоминает, что он сирота, и на глаза навертываются слезы. То его охватывает беспокойство, словно вот-вот случится что-то.

И все делается как-то само собой, помимо его воли.

Например, он очень любит купаться в море. Но бывает так: выйдет на берег, начнет раздеваться, и вдруг почему-то расхочется лезть в воду. Почему? Может, ветер или вода холодная? Ничего подобного, солнце светит, как вчера, но сам Матиуш другой.

Или вот еще. Любит Матиуш грести. Сядет в лодку, наляжет на весла – раз-два, и чем больней рукам, тем приятней, тем лучше. А на другой день взглянет на лодку, и чудно ему, как это он вчера мог с таким увлечением грести. Была бы цель, стоило бы мучиться, а крутиться на одном месте смешно и нелепо. А то был такой случай. Поймал Матиуш рыбу, и вдруг ему стало ее жалко. Кто, собственно, дал ему право обижать ее? А если бы рыба поймала его на крючок и утянула в море?

Иногда Матиуш злится на себя. Раньше целой страной управлял, а теперь даже с собой не справится! Человечки-мысли колобродят, сумасбродничают, не желают его слушаться, хоть лопни!

Значит, с собой трудней сладить, чем с другими?

Как усмирить этих крошечных непосед и сумасбродов? Ведь лоб не стенка, на него не налепишь объявление или приказ, как бывало в столице. И потом, он не знает, что они из себя представляют. А может, их вообще не существует?

Человечки в голове у Матиуша разные: одни старые, как церемониймейстер, они много всякой всячины знают и рассказывают о прежних временах. Другие вроде слуг, эти напоминают, что надо одеться, умыться, позавтракать, искупаться, пойти в лес или покататься на лодке. С ними нет никаких хлопот. Когда он был королем, тоже приходилось их слушаться. А вот как быть с молодыми, непокорными, дерзкими? Они делают что хотят, появляются и исчезают когда вздумается, и никакого сладу с ними нет. Наверное, чтобы ими управлять, нужна сильная воля, дисциплина, тренировка. От этого, наверно, зависит, будут они плохими или хорошими. Взять, к примеру, Фелека. По существу, неплохой парень, а сколько зла натворил: взятки брал, воровал, обманывал. Может, и приютские ребята не сознавали, что поступают плохо. Просто не умели справиться со своими распушенными, озорными человечками.

Сильная воля – вроде военного министра. Жалко, что он точно не знает, какие у военного министра обязанности. Но в армии есть генералы и полковники, которым все беспрекословно подчиняются. Надо и ему построить в голове неприступные крепости, чтобы человечки-мысли его слушались.

Но что им приказать?

Матиуш понял, как мало он знает и умеет.

И написал письмо Печальному королю с просьбой прислать побольше книг.

Матиуш решил прочесть все книги, какие есть на свете. Положил перед собой на стол часы и стал проверять, быстро ли он читает и сможет ли в день прочесть по книге. В году 365 дней. Значит, за год можно прочесть 365 книг.

За два года – $365 \times 2 = 730$ книг.

За три года – $365 \times 3 = 1095$ книг.

За четыре года – $365 \times 4 = 1460$ книг.

Мало. На свете гораздо больше книг.

Матиуш тяжело вздохнул: как много предстоит сделать!

А грустные человечки будто того и ждали – накинулись всем скопом на него и давай отговаривать: не стоит, мол, браться, все равно из этого ничего не выйдет. Ничего он, мол, не знает и не умеет. Столько времени потратил даром на разные нелепые затеи, и наследие отца сберечь не сумел, и своих великих предков – Стефана Мудрого, Павла Завоевателя и Анну Добродетельную – опозорил.

Низко опустил Матиуш голову над бумагой с вычислениями и даже пожалел, что попросил прислать книги.

Совсем ему стало горько. «Ничего из меня не выйдет. Пропавший я человек.» А потом как стукнет кулаком по столу да как крикнет:

– Прочь!

Даже канарейка забила крыльями с перепуга.

Прочь печальные мысли! Безразлично, как они выглядят. Они должны его слушаться – и конец! Он, Матиуш, хозяин своих мыслей. Отныне будет так, как он захочет.

«Назло им буду веселый. Хватит слоняться из угла в угол. Куда это годится – три дня не купался! Марш на море!»

Нытики струсили и попрятались кто куда, а Матиуш весело побежал купаться. Потом сел в лодку и заплыл в море – далеко-далеко, чуть не до маяка. Он почувствовал себя сильным, веселым, здоровым. Теперь он знает, чего хочет и к чему стремится. А когда начнет читать, будет знать еще больше.

Книга – ведь настоящее чудо! В ней все самое мудрое, что придумали люди. Бывает, человек всю жизнь, лет сто, думает, а потом напишет книгу. А Матиуш прочтет ее за час и все узнает. Человек давно умер, но мысли его в ней живут. Книга разговаривает с тобой, дает тебе советы. «Зачем самому ломать голову, когда есть книги, – думает Матиуш. – Они ответят на любой вопрос, заменят сотню учителей.»

Сейчас Матиуш не хочет быть королем, а через год может захотеть. Но что это за король, который ничего не знает. Поэтому надо изучить свою страну, законы, прочесть книги про королей, ученых, про звезды, про детей. Он должен знать больше детей.

Матиуш взобрался на вершину скалы, взглянул на море, и у него радостно забилося сердце. Расправив плечи, он вздохнул полной грудью и почувствовал себя счастливым.

А дома записал в дневнике:

Воспитывать волю – значит, делать то, чего не хочешь. Королю надо уметь владеть собой...

XVI

ДНЕВНИК МАТИУША

Матиуш завел дневник.

Он взял тетрадку, нарисовал на обложке домик, пальму, в отдалении – скалу и море, заходящее солнце, парящих в небе орлов.

А внизу написал:

*Дневник,
который я вел на острове Белого Дьявола.
Мои мысли и поступки.*

На первой странице тоже была картинка, но она не получилась, потому что Матиуш очень спешил. Под картинкой он написал, какие книги хотел бы прочесть. Их было семь.

- 1. Книгу, в которой рассказывается про все науки, – чтобы выбрать самую интересную и с нее начать.*
- 2. Книгу про королей, когда они были маленькими.*
- 3. Книгу о знаменитых изобретателях, путешественниках и разбойниках, когда они были детьми.*
- 4. Книгу сказок всех народов земного шара.*
- 5. Книгу, очень толстую, о пчелах, муравьях и животных.*
- 6. Книгу про разных людей: хороших и плохих, лентяев и прилежных, веселых*

и грустных, добрых и жадных, задир и воображал. Про то, как сделать, чтобы они не дрались, не ссорились и не приставали.

7. Книгу про глупые и мудрые законы, – чтобы знать, какие отменить, а какие оставить.

И еще я хотел бы прочесть книгу про то, как дрессируют диких зверей: львов, тигров и т. д.

Сегодня я думал: что такое вода? То она жидкость, то пар, то лед. Какая же она взаправдашняя: лед, пар или вода?

Человек тоже бывает разный.

Сегодня был в лесу. Хотел объехать вокруг острова, но, оказывается, это очень далеко. Тогда я высадился на противоположной стороне и, кажется, видел человека: он крикнул что-то и исчез в зарослях. Но может, это была обезьяна?

По-моему, иногда даже героям бывает страшно. Интересно, есть на свете человек, который ни разу в жизни не трусил?

Сегодня день моего рождения. Печальный король поздравил меня и прислал в подарок подзорную трубу. Я смотрел на луну. Горы, видел, а леса на луне нет.

Я не знаю точно, сколько мне исполнилось лет: двенадцать или тринадцать? Попытался представить себя взрослым. Понятно, я расту, но как-то не верится, что я когда-нибудь буду большим и старым. Чудно!

Воскресенье.

На море был шторм. Мне захотелось сесть в лодку и посмотреть, хватит ли у меня сил грести при такой волне. Но Валентий не позволил. Я и сам бы, наверно, не поехал, просто очень захотелось. На утесе тоже было здорово. Молнии, гром. Кажется, маяк скоро починят. В такую бурю на море без маяка опасно.

Среда.

Люблю ли я папу и маму? И вообще, можно ли любить умерших?

Почему я сирота? У других ребят есть родители, а у меня нет.

Если бы отец не умер, все было бы иначе. И маму я почти не помню. Фотография ее совсем выцвела, но это даже лучше. Раз мамы нет в живых, фотография должна быть бледной.

Больше всех солдат нравится мне Валентий. Он никогда первый не заговаривает со мной, но спросишь его о чем-нибудь, очень понятно все объясняет. И сны разгадывать умеет. Один раз мне приснился аэроплан, и он сказал: это не к добру. И в самом деле, я поскользнулся и чуть не упал со скалы. Хорошо сидеть там, высоко на выступе на самой крутизне. И еще Валентий умеет плести сети. Сеть лучше удочки, потому что рыбам не больно и можно их выпустить обратно в море. Они думают, все кончено, и когда попадают опять в воду, очень радуются.

Валентий учит меня играть на скрипке. Вот бы поскорей научиться! Сяду на своем утесе и буду играть.

В старину для освещения служила лучина (как сейчас у Бум-Друма), потом свечи, потом керосиновая лампа, потом газ, а теперь электричество. Интересно, что еще придумают?

Как делаются открытия? Наверно, по книгам.

Я опять долго думал, откуда берутся мысли. Может, никаких человечков нет? Но это неважно, были бы мысли. Конечно, узнать, как это происходит, очень интересно. Вчера я хотел проследить, как приходит сон, но незаметно

заснул. А у Валентия спросить неловко.

Взрослые часто смеются над детьми, поэтому дети их стесняются.

Вот бы на денек, часика на три, перенестись в столицу. Посмотреть, что там и как. Заглянуть во дворец, в парк, побродить по улицам. Сходить на кладбище на могилу родителей.

Здесь тепло и небо синее-синее. Но мне больше нравится пасмурная погода. Тогда я вспоминаю родину. Пальмы очень красивые, но наши деревья лучше. Они как старые друзья, а пальмы – чужие.

Мой самый большой недостаток в прошлом – гордость.

Может ли король любить народ или ему приятно, когда его хвалят, и он притворяется добрым?

Можно ли любить незнакомых? Конечно, я искренне заботился о детях, все-таки мне хотелось, чтобы они знали, что это сделал для них король Реформатор.

Быть маленьким неприятно, и я решил доказать: маленькие тоже на что-то способны. Взрослые злились на меня, я это видел, но обязаны были подчиняться.

Я завел две тетради. Одна называется: «Мои ошибки, когда я был королем», а вторая: «Мысли и планы, если я снова стану королем».

Однажды Дормеско заявил: «Нечего думать, надо подчиняться приказам». «Но король ведь не может издать закон, не подумав», – возразил я.

«Король – другое дело», – сказал Дормеско.

Выходит, не все взрослые умные?

Жду, жду, а почты все нет. Наверно, что-то случилось.

Целую неделю не писал в дневник.

Приехал Печальный король. Он очень удивился, узнав, что я не читаю газет. «А какой от них прок?» – спросил я. Он подумал и сказал: «Да, лучшие читай книги».

Он очень добрый, но мы друг друга не понимаем и поэтому мне с ним плохо.

«Раньше, Матиуш, ты спешил сделать то, что тебе приходило в голову. А теперь ты предаешься раздумьям и бездействуешь. И то, и другое – крайности. Надо идти на компромиссы с собой», – сказал Печальный король. (Компромисс – это сделка.)

Как же так? Обманывать самого себя? Наверно, я еще слишком мал, чтобы понять это.

Опять давно не писал в дневник.

Я много читаю, научился играть на скрипке. Конечно, до Печального короля и даже Валентия мне еще далеко.

С книгами дело обстоит не так просто, как я думал. Чем больше читаешь, тем больше возникает вопросов. А книга готовых ответов не преподносит. Надо самому во всем разобраться, обдумать, понять.

Скоро я смогу доплыть до маяка. Я видел в подзорную трубу возле маяка двух детей: один совсем малыш – наверно, еще говорить не умеет; другой постарше, но тоже меньше меня.

Раньше я следил за играми Фелека и его друзей из-за железной ограды. Меня отделяла от детей дворцовая ограда – и я был одинок. Теперь от детей меня отделяет море – и я снова одинок.

Наконец Матиуш доплыл до маяка. Каждый день он все дальше заплывал на лодке в

море и вот сегодня достиг цели.

Привязав лодку на берегу, он направился прямо к маяку, а навстречу ему двое детей: мальчик и белокурая девочка.

– Папа! – закричала девочка и с протянутыми ручонками кинулась к нему. – Папа! Иди-иди! Ала – послушная!

По дороге она споткнулась, шлепнулась и заплакала.

Мальчик – наверно, брат – поднял ее, одернул платьице. А она вырывается, смеется сквозь слезы и с криком «Папа!» бежит навстречу Матиушу.

Брат стоит и ждет, что будет. Матиуш тоже остановился в недоумении. Он так рвался к детям, а теперь не знает, что делать.

– Идем к деде! Идем! Ала – послушная! Деда там! Идем, папа! – лепетала малышка и тянула, дергала Матиуша за одежду.

Неприятно, когда не знаешь, что сказать.

– Ало, идем! Папа, идем! Ало, Ала, папа, идем к деде! – не умолкая, щебетала девочка.

Она схватила мальчиков за руки, потянула за собой и опять чуть не упала

– Деда, смотри – папа! – закричала она, увидев смотрителя маяка.

А тот стоял, прищурившись, поглаживая бороду, и улыбался. «Видно, добрый человек, – подумал Матиуш. – Он чем-то напоминает старого доктора.»

– Приветствую дорогого гостя! – Старый моряк снял шапку. – Ваше величество, наверно, приехали проверить, почему не горит маяк. Все в порядке, маяк исправлен и сегодня опять зажжется. Я бы сам давно приехал и извинился перед вами, да вот с этим... не больно-то поплывешь...

Матиуш только сейчас заметил, что у смотрителя нет руки.

– Вторую руку отняло море. Но оно щедрое и взамен подарило мне вот эту парочку.

И он рассказал Матиушу, как служил матросом и во время кораблекрушения потерял руку. Тогда его определили смотрителем на маяк. А в прошлом году после шторма волны выбросили на берег двоих детей. Он еле откачал их. И удивительно, мальчик, хотя был без сознания, не выпускал из рук сестренку.

– Мальчика я называл Ало, а девочку – Ала. Кто они и откуда, неизвестно. На языке туземцев, населявших в прежние времена остров, «Ало» – значит «сын моря», «Ала» – «дочь моря». Видать, они с севера родом. Потому как языки южных стран я немножко понимаю, а с мальчиком никак договориться не мог.

Во время разговора Ала не отходила от старших, с любопытством поглядывая то на Матиуша, то на старого моряка.

– Папа! – радостно закричала она и засмеялась.

– Вот видишь, глупышка, говорил я тебе, что папа вернется. Вот и получай своего папку, – проговорил старый моряк.

– Это не папа. – Ало нахмурился.

– Для тебя не папа, а для Алы папа.

– Это Матиуш.

Матиушу стало неловко: опять он не знал, что сказать. А старый моряк поглядывает на детей и улыбается.

– С дороги полагается подкрепиться, – сказал он и пригласил гостя в свое странное жилище в башне.

Матиуш пожалел, что не привез детям гостинцев, и заторопился домой.

Ала еще дважды принималась плакать: ей не позволили пить чай, пока он не остынет, и когда уезжал Матиуш.

– Папа, не уезжай! Останься с Алой!

И опять Матиуш не знал, как себя вести, когда Ала, цепляясь за брюки, не пускала его.

Приближался вечер, а Дормеско не любил, когда Матиуш возвращался поздно. Однажды Матиуш засиделся дотемна на утесе, и потом по приказу Дормеско за ним три дня ходил по пятам солдат. Не в наказание, просто Дормеско беспокоился, как бы с Матиушем чего-нибудь не случилось. К счастью, Дормеско не знал обо всех его рискованных затеях.

Обратно Матиуш плыл, как в сказке. До самого острова расстилась перед ним золотая дорожка.

Хорошо, что он не пообещал приехать на следующий день: руки так болели, будто он никогда до этого не садился за весла.

Только на пятый день собрался Матиуш опять на маяк. За это время он обдумал, как себя вести и что захватить с собой. Взял кубики, головоломку, лото с картинками, пряники, конфеты и мячик. Он приготовился, что сказать детям при встрече и на прощание, если Ала будет опять капризничать.

Греб он медленно, с перерывами, чтобы не устать. Дормеско же предупредил, что вернется вечером, и взял еду на целый день.

Дети обрадовались Матиушу. Видно, они очень скучали на пустынной скале. Старый моряк тоже не скрывал своей радости: будет кому порассказать о своих странствиях по морям и океанам. Да и рассказы Матиуша о войне тоже интересно послушать.

Мальчики и старый моряк сели на камни. Ала стояла возле Матиуша и, положив ручонки ему на колени, заглядывала в лицо, словно старалась понять, о чем он говорит. Но по ее наивным вопросам было ясно, что она ничего не понимает.

– Пули – такие маленькие мячики? – спрашивала она, воображая, будто война – это игра.

И Матиуш объяснял ей, что эти мячики сделаны из стали и убивают людей.

– Ала хочет на войну! – заупрямилась девочка и заплакала.

– Война далеко, – сказал моряк.

– Ала хочет далеко!

– Ала – маленькая!

– Ала – большая! Ала хочет на войну!

– Война спит, – сказал моряк.

– Спит? – переспросила Ала шепотом и, прижав пальчик к губам, сделала испуганное лицо и больше не капризничала. – Тихо, война спит, мячик спит, Петрушка спит.

Матиуша это очень удивило. На обратном пути он старался вспомнить, как он вел себя, когда был маленьким и так же мало знал, как Ала. Да, не понимать чего-нибудь очень неприятно. Бедная Ала! Она так на него смотрела, словно глазами хотела понять. И, не поняв, начинала плакать. Маленькие дети, наверно, оттого часто плачут, что не понимают. Ему стало жалко Алу. «Надо сочинить для нее сказку», – подумал он и решил, что будет немного рассказывать старому моряку и Ало, а немного – Але.

Тут он вспомнил, как моряк сказал, что война заснула. Почему он так сказал? Ведь это неправда. Война не может спать: она не живая. Но, представив себе, как начинается война, Матиуш подумал, что это в самом деле похоже на пробуждение какого-то чудовища. Только что было тихо, и вдруг от топота сапог гудит земля, грохочут пушки. Значит, моряк не обманул маленькую Алу?

Матиуш положил весла, отдыхает. От маяка стелется по морю золотая дорожка. На небе мерцают звезды. Вокруг тихо-тихо. «Какие права дать малышам?» – спрашивает себя Матиуш и не находит ответа.

В приюте, где он скрывался, жили маленькие ребятишки, и старшие не любили их: колотили, дразнили, приставали к ним. Матиуш тоже недолюбливал этих плакс. Но может, они плачут оттого, что им ничего не разрешают и у них нет никаких прав. Один депутат высказался в детском парламенте вообще против малышей. Но это, конечно, чушь. Маленькие вырастут и будут большими.

«Вот я мечтаю быть королем детей, а ничего не знаю про малышей. И совсем забыл, какой сам я был маленький. Взрослые, наверно, тоже не помнят себя маленькими и поэтому

не хотят давать детям права.»

Матиуш снова взялся за весла. Как странно: остров совсем близко, а руки ни капельки не болят.

«Завтра целый день буду читать, а послезавтра опять поплыву на маяк. Отвезу детям картинки.»

XVII

Эта глава должна бы называться так:

ТАЙНА ОСТРОВА БЕЛОГО ДЬЯВОЛА

В ней рассказывается о необычайном, загадочном приключении Матиуша.

Однажды, решив обследовать остров, он взял револьвер и отправился в путь. Переплыв залив, высадился в том месте, где в море впадает речка, и углубился в чащу.

Стыдно жить на таком маленьком острове и не знать, что он из себя представляет.

Как раз накануне Матиуш читал книгу, где описывалось отважное, опасное путешествие к Северному полюсу.

«Смельчаки отправляются в путешествие в края вечных льдов и вечной ночи, рискуя ради науки жизнью. Стыд и позор тем, кто не знает свой город, свою страну, остров, на котором живет, – подумал он. – Авось туземцы меня не съедят, если я повстречаюсь с ними в лесу. А для защиты от диких зверей у меня есть револьвер. Во всяком случае, в лесу сражаться со зверями легче, чем с волком в канализационной трубе.»

Идет, идет Матиуш, а лес становится все гуще. Над головой – зеленый полог, который не пропускает солнечных лучей, и вокруг царит полумрак. Понизу растет густой кустарник. Вьющиеся растения так все переплели, что каждый шаг стоит больших трудов. Впрочем, спешить некуда. За спиной у него рюкзак, провизии хватит на целый день. Дормеско привык к его частым отлучкам и не станет волноваться.

Идет Матиуш, и чем больше на пути препятствий, тем с большим упорством он их преодолевает. Вначале сквозь чащу пробивался порой солнечный луч, а потом все погрузилось в зеленый сумрак. Шум моря сюда не доносится. Тихо, даже птиц не слышно.

Он почувствовал усталость и присел отдохнуть. Подкрепился хлебом и сыром. «А вдруг я заблудился?» – внезапно пришло ему в голову. Об этом следовало бы подумать раньше, но Матиуш был неопытным путешественником.

Он не испугался, но ускорил шаг. «Остров невелик, – успокаивал он себя, – и если идти все время в одном направлении, непременно выйдешь к морю. В крайнем случае вернусь той же дорогой, отыщу ее по следам, примятой траве, обломанным веточкам.»

Но следы шли в разных направлениях. Наверно, тут пробегали звери. Человеческий след от звериного легко отличить на песке или на снегу, но не в такой чаще.

Матиуш идет дальше, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, озираясь по сторонам. «Как же это я компас забыл взять? – недоумевает он. – С компасом не заблудишься: он показывает, в какую сторону идти.»

Пришлось опять немного отдохнуть и перекусить, – не потому, что уж очень есть хотелось, а просто рюкзак оттягивал плечи. И дальше – в путь. Так шел он до самого вечера.

«Видно, придется заночевать в лесу. Надо подыскать подходящее дерево да посмотреть, не облюбовала ли его ненароком змея». Конечно, ночлег в лесу – дело рискованное, но для Матиуша опасность не в диковинку.

Усталым, неторопливым шагом двинулся Матиуш дальше, и вдруг до него донеслись какие-то странные звуки: не то плач, не то пение, не то зов на помощь.

«Может, мне чудится?»

Крадучись пошел он в том направлении, откуда слышались звуки. Деревья расступились, и он оказался на поляне. Посередине на холмике возвышалась каменная башня

– широкая у основания и сужающаяся кверху.

«Что это?»

Странные звуки – не то жалобное пение, не то стон, несомненно, доносились из башни.

«Посмотрим, что там такое».

Матиуш обошел вокруг башни, но входа не обнаружил. «Надо подать сигнал». И выстрелил в воздух. В ответ послышалось эхо, и снова тишина.

Матиуш остановился в растерянности. Вдруг большущий камень сам сдвинулся с места, и за ним открылось отверстие, как бы вход.

Удивленный Матиуш подошел поближе и заглянул внутрь. В башне было семь лестниц, одна на другой, и каждая упиралась в выступ стены. И еще Матиуш заметил: у нижней лестницы перекладыны поставлены близко, у второй – реже, у третьей – еще реже. У первой лестницы ступеньки толстые, прочные, но чем выше, тем они тоньше, и неизвестно, выдержат ли вес человека.

И вдруг Матиуш видит: сверху быстро и ловко, как акробат, спускается человек в полотняном балахоне, подпоясанном веревкой. Интересно, как он не запутался в длинном балахоне и не упал?

Перед обомлевшим Матиушем остановился отшельник с длиннющей бородой и посмотрел на него таким скорбным взглядом, каким не смотрел даже сам Печальный король.

«Наверно, какой-нибудь неудачливый реформатор», – подумал Матиуш.

Старик поднял руку, и сделалось темно. И из темноты послышалось многоголосое пение, хохот, рыдания, крики. Матиуш увидел светящийся циферблат с медленно движущимися стрелками – часовой и минутной.

Как замороженный смотрит Матиуш на часы, глаз не может отвести, а в ушах отдается звон. И неведомо, долго это продолжалось или нет.

Вдруг совсем низко, у самой земли, зажегся зеленый огонек и осветил крышку люка. Отшельник наклонился и легко, как пушинку, поднял ее. Под ней оказалась лестница, конец которой терялся во тьме. Отшельник стал спускаться вниз, Матиуш – за ним.

Долго спускались они все глубже и глубже под землю и наконец очутились в узком проходе с низкими сводами. Проход вывел их на берег моря, к тому месту, где Матиуш привязал свою лодку.

Отшельник молча указал на нее рукой и исчез в зарослях.

Матиуш первым делом зачерпнул рукой воды из речки и напился: у него пересохло во рту. Потом в изнеможении опустился на землю. «Что все это значит?»

Много раз, вспоминая впоследствии этот удивительный случай, он спрашивал себя:

«Может, мне это приснилось?»

Но нет, это был не сон. Он отчетливо помнил, как привязал лодку и углубился в лес. И тропу, по которой шел, тоже хорошо запомнил. Потом он не раз ходил по ней в поисках башни отшельника. Несомненно, он целый день проплутал по лесу. И в рюкзаке не хватало, ровно столько припасов, сколько он съел. Он помнит, где он дела, привал. Может, он заснул в лесу? Но ведь он как раз искал дерево подходящее для ночлега. Ну хорошо, допустим, заснул. Тогда каким же образом он очутился на берегу возле своей лодки? У Матиуша было еще два неоспоримых доказательства того, что это ему не приснилось: пыль на ботинках (в проходе, как во всех подземельях, под ногами были пыль и песок) и порванный рукав. Он зацепился за гвоздь, когда спускался по лестнице.

Потом, когда Матиуш читал толстую книгу о необитаемом острове Белого Дьявола (это о ней упоминал на заседании учитель географии в черном фраке), он на 476-й странице наткнулся на такое место:

«Корь истребила почти все население острова, а немногие уцелевшие ушли в леса. Белым на острове делать было больше нечего. Торговец с семьей перебрался в южноафриканские колонии, учитель уехал в Индию. И на острове остался один старичок-миссионер. Что случилось с ним потом, неизвестно. По всей вероятности,

он умер, так как был очень стар.»

Матиуш ни словом не обмолвился о своем приключении: неприятно рассказывать, когда наперед знаешь, что тебе не поверят. Потом он не раз пытался найти поляну, на которой стояла одинокая башня отшельника. Тщательно обследовал и лесистый берег в поисках подземного хода, которым старик вывел его к морю. Но так ничего и не нашел. Приключение осталось его тайной. И Матиуш не сомневался: это был не сон, ведь у него имелись неоспоримые доказательства.

XVIII

Плохо, когда просыпаешься утром и не знаешь, что делать днем. На день-два занятия всегда найдутся. Но когда свободного времени много, необходимо иметь план. И вот Матиуш составил распорядок дня и план на неделю вперед.

Через день после обеда он будет ездить на маяк. По четыре часа в день читать, ежедневно писать дневник, по часу играть на скрипке. Кроме дневника, будет писать воспоминания и в отдельную тетрадь записывать ошибки, которые совершил, когда был королем. Час – рисовать: это тоже пригодится. И еще научится фотографировать. У полковника Дормеско есть фотоаппарат и альбом с фотографиями. В альбоме наклеены снимки всех мест, где он побывал, всех войн, в которых он участвовал, и всех людей, с которыми был знаком. Поэтому Дормеско так хорошо все помнит. А Матиуш многое забыл.

Посещения маяка тоже должны измениться. До сих пор получалось, будто он приезжает только затем, чтобы привезти детям гостинцы.

Не успеешь вылезти из лодки, как Ала запускает обе руки в карман и выгребает конфеты. Ало стоит в стороне и молча ждет. Забрав все, что предназначалось для нее и для брата, Ала требовала:

– Еще! Дай еще!

Было неприятное ощущение, будто подарков слишком мало, но необитаемый остров не столица, где разве что птичьего молока не хватало.

Выходит, дети ждали не его, а подарков. И с пустыми руками он мог бы вообще не приезжать.

И Матиуш решил заниматься с детьми. Ало он научит читать и писать. А вот как быть с Алой? Картинки, которые он привозит, быстро ей надоедают, и она требует новых.

Матиуш вспомнил, что, когда он был маленький, мама строила с ним дворцы из кубиков, из песка или глины, делала ему садики из цветов и листьев и рассказывала чудесные сказки. И еще она рисовала ему картинки. Машины картинки ему нравились больше, чем в книжках: они были понятней. Мама играла с ним в прятки, пела песни. Много интересного придумывала она, но что именно, Матиуш забыл. Ведь это было так давно!

Значит, чтобы учить маленьких детей, надо самому знать очень много. С Ало ему будет гораздо легче.

Так и оказалось. Ало быстро научился читать. Напишет карандашом: «пес», «песок», «Петя», «перо» – и прочтет. С арифметикой дело пошло еще лучше: Ало скоро уже считал до ста, и Матиуш мог играть с ним в лото и домино.

Только с Алой беда! Вечно она им мешала. Сядут они играть в домино, и она сует первую попавшуюся костяшку, а если ей не позволить, начинает злиться.

– Смотри, Ала, – говорит Матиуш, – вот тут одна точечка, а тут – пять. Найди такую же и положи.

У Алы есть косточка и с одной точкой, и с пятью, но она хватается ту, где две двойки, кладет и еще спорит, что верно.

– Смотри, – терпеливо объясняет Матиуш, – ведь здесь две точечки. Ну посчитай сама: одна и одна – две.

– Одна, две, – как попугай, повторяет Ала, а потом ни с того ни с сего рассердится и

разбросает все. – Матиуш плохой, Ало плохой. Ала пойдет к деде.

И бежит жаловаться, что ее обижают.

Еще хуже было, когда они играли в лото. Але непременно хочется выиграть, но как это делается, она не понимает. Ало выкликает, например, «четырнадцать», а ее это словно не касается. Хорошо, если она хоть один раз правильно закроет. А то ей надоест, она расставит фишки как попало и кричит, что выиграла.

С рисованием дело обстояло чуть получше. Дашь ей лист бумаги, она быстро-быстро накалякает что-то и кричит: «Готово! Дай еще!» А вот палочки и кружочки ни в какую не хочет рисовать.

Мальчикам приходилось прятаться от нее, но на голой скале нелегко найти укромное местечко. Случалось, Матиуш выходил из себя.

Быстро бегать Ала не умела: побежит, шлепнется и хнычет. Больше всего любила она, когда Матиуш ей что-нибудь рассказывал. Вытаращит глазенки, рот разинет – думает, бедняжка, так понятней.

А Матиуш разговаривает с ней, как со своей канарейкой. Да, да, не удивляйтесь, Матиуш часто беседовал с канарейкой. Посадит ее на палец и спрашивает, помнит ли она королеву, короля, дворец в столице, Стасика, Еленку, Клу-Клу. А канарейка склонит набок голову, будто хочет сказать, что помнит. Иногда в ответ защебечет или запоет. Но понимает она Матиуша или нет, неизвестно.

С канарейкой разговаривает он примерно так:

– Сейчас поменяю тебе водички, насыплю свежего песочка, и опять у тебя будет чистенько. Салата свеженького дам.

А с Алой так:

– Ала вытрет носик, и он снова будет чистый. Сейчас Ала даст мне карандашик, я нарисую маяк, и у нас получится красивая картинка. Ала отнесет ее дедушке. Ала хорошая девочка, и дедушка обрадуется. Дедушка скажет: «Ала хорошая девочка, Ала принесла дедушке картинку».

И так без конца одно и то же. Но Ала внимательно слушает и не перебивает – видно, ей это не надоедает.

«У малышей тоже должны быть права, – думает Матиуш. – Но как сделать, чтобы им было весело и в то же время они не мешали старшим играть или делать уроки?»

Теперь понятно, почему короля Пафнутия и вообще взрослых раздражают дети. Наверно, они им мешают, как малыши – ребятам постарше. И взрослые считают детей глупыми.

Может, Ала, как канарейка, понимает что-то и знает, только выразить не умеет. Матиуш забыл, о чем он думал, когда был маленький, поэтому и не понимает Алу.

Ала ведь не всегда капризничает. Иногда она присмирееет, уставится своими глазенками куда-то вдаль и вздыхает. А то уцепится за руку Матиуша, долго, пристально смотрит ему в глаза и тяжело вздохнет. Или вздрогнет вдруг всем телом, будто от испуга. Или начинает отдавать Матиушу свои игрушки. Отдает и приговаривает: «На, на, на!» Раздаст все, разведет ручонками и радостно воскликнет: «У Алы ничего нет! Ничего нет!» И при этом веселится, хлопает в ладоши, прыгает, хохочет.

«Маленькие дети похожи на зверюшек», – записал Матиуш в дневнике.

Хорошо, что у него есть возможность наблюдать за маленькой девочкой. В приюте стоило ему подойти к малышам, как ребята постарше поднимали его на смех, отпускали обидные шутки и какой-нибудь глупой выходкой расстраивали игру. Считалось, только дурак может возиться с мелюзгой.

Зато здесь, на необитаемом острове, Матиушу никто не мешает делать, что ему заблагорассудится.

Одно только его беспокоит: ведь дети разные и не все похожи на Алу. Во время войны их роту разместили в деревне, по четыре, по пять человек в избе. В доме, где Матиуш прожил две недели, был маленький мальчик – ровесник Алы. Но какой он был тихий! Сидит,

бывало, целыми днями возле печки, смотрит широко раскрытыми глазенками и молчит, редко-редко пролепечет что-то. И никогда не хныкал, не путался под ногами, не приставал, и личико у него было грустное-грустное... Матиуш тогда еще подумал: «Наверно, у Печального короля было в детстве такое лицо».

В приюте дети тоже были разные: тихони, у которых вечно глаза на мокром месте, и крикуны, которым не больно, но они нарочно выдавливают из себя слезы и режут, ябеды и драчуны. Как-то раз Матиуш увидел, как дерутся двое мальчишек. «Совсем как на войне. Бывает, дерутся двое ребят, а бывает – целые народы. И тогда, наверно, те, кто не участвует в войне, тоже стоят в сторонке и посмеиваются.»

Какие разные, непохожие люди на свете! И сколько надо всего узнать про них, про вещи, про разные явления. Небось взрослые короли и те не знают всего. Поэтому так трудно быть реформатором.

Матиуш, например, почти ничего не знает про старших мальчиков. А ведь это они первые взбунтовались против его реформ.

Большие мальчики называют ровесников Матиуша «щенками» и корчат из себя взрослых. У них есть свои тайны, которые они ревниво оберегают от младших. Чуть что, пускают в ход кулаки. Важничают, задирают нос, а малышей замечают только когда им что-нибудь от них надо. Но часто они берут у малышей вещи без спроса. А запротестуешь, они тебя же отругают или ударят. Они грубияны, и с ними лучше не связываться. Даже шутки у них обидные: или высмеют перед всеми, или гадость какую-нибудь подстроят, или больно ударят. Один раз большой мальчик вежливо попросил у Матиуша ручку. А когда Матиуш перед уроком пришел за своей ручкой, тот велел ему убраться вон и даже замахнулся.

А Матиушу попало от учителя за то, что он явился на урок без ручки.

В СОВЕТ ПЯТИ

*от короля Матиуша Первого Реформатора
с необитаемого острова Белого Дьявола*

Прошу Совет Пяти сменить на острове стражу. У солдат на родине остались жены и дети. Прошло уже пять месяцев, и они тоскуют, а ведь они не узники. По-моему, это несправедливо. Я не хочу, чтобы из-за меня страдали люди. Поэтому очень прошу сменить стражу. И еще прошу прислать на остров не взрослых, а больших мальчиков. Здесь есть лодка, можно купаться, ходить в походы – им не будет скучно. А потом они тоже смогут уехать.

С уважением,

король Матиуш Реформатор.

Прошение короля Матиуша читал. Возражений не имею.

Полковник Дормеско.

...Сначала Матиуша сердило, что по любому пустяку надо обращаться в Совет Пяти Королей, которые считались его опекунами. Но со временем он привык и нашел в этом даже свои преимущества. Записываешь в блокнот все, что тебе надо, потом пишешь прошение, отдаешь полковнику Дормеско, он прикладывает печать, и с первым же пароходом конверт отправляют.

Матиуш написал уже сорок три прошения и не получил ни одного отказа. У него даже есть револьвер, потому что он не узник, а приехал сюда по доброй воле.

Прошение отправили, и Матиуш с нетерпением стал ждать, когда придет смена.

На другой день после того, как отправили прошение, стряслась беда: внезапно умерла канарейка. Она была уже старая и последнее время сидела нахохлившись, не пела, редко вылетала из клетки, не хотела купаться в мисочке. Ела тоже мало – клонет раз-другой, а остальное разбросает кругом. Матиуш видел это, но надеялся, может, выздоровеет.

Когда канарейка умерла, он вспомнил, что накануне вечером у нее был особенно жалкий вид. Она разевала клюв и закрывала глазки – будто задыхалась, и дрожала от холода. Встревоженный Матиуш пытался согреть ее своим дыханием. А наутро видит: канарейка

лежит на боку, ножки вытянула, но головкой еще вертит и один глаз открыт. Матиуш схватил ее в руки – она твердая, как камушек; стал дуть в клювик: думал, поможет. Потом кинулся было к Валентию, но понял, что это бесполезно.

«Теперь у меня никого нет на свете», – с тоской подумал он и занялся похоронами.

Прежде всего вырезал из золотой бумаги корону: ведь канарейка была не простая, а королевская. Потом оклеил небольшую коробочку изнутри зеленой бумагой, положил на дно немного ваты, листьев, а на них – канарейку. Матиуш делал все это незаметно, украдкой, словно стыдился. Хотя чего стыдиться? Канарейку подарила ему покойная мама, клетка с птицей много лет стояла в кабинете покойного отца. Значит, это особая птица, с ней связаны воспоминания о родителях. А память о родителях чтут не только короли.

Из двух коробочек Матиуш соорудил катафалк и привязал веревочку. Потом завернул все в бумагу и вышел из дома. Он направился к утесу, который высился на берегу моря, чтобы отдать последний долг другу, разделявшему с ним изгнание. На середине горы, где дорога была ровней и откуда никто не мог его видеть, он опустил катафалк на землю, поставил на него гроб и потянул за веревочку. Ноша для рук легкая, а для сердца – тяжелая.

Похоронить канарейку Матиуш решил на самой вершине под деревом, откуда открывался красивый вид на море. И, вспомнив, что в старину могилы павшим воинам копали палашами, он вынул из-за пояса скаутский нож и вырыл ямку. Уже опустив в нее коробочку, Матиуш подумал: а вдруг произошло чудо и канарейка ожила? И чудо произошло, только другое: над головой послышались громкие, звонкие трели. Это канарейки – вольные обитатели острова прощались с несчастной пленницей.

Матиуш сделал из камешков холмик. Когда все было готово, он еще раз взглянул на могилу, и сердце у него сжалось от тоски.

Ему припомнилось кладбище в далекой столице, где похоронены его родители. И сам, не зная зачем, он сделал еще две могилы, потом вспомнил Кампанеллу, и появился четвертый холмик.

Через несколько дней Матиуш огородил свое кладбище камнями. Теперь он еще больше полюбил это место на вершине горы и проводил там долгие часы, играя на скрипке и предаваясь раздумьям.

Дни шли за днями, и Матиуш, занятый своими делами, позабыл про сорок третье прошение. Но однажды в бухту вошел корабль и стал на якорь. Солдаты, узнав, что они возвращаются на родину, ошалели от радости. Даже всегда спокойный, сдержанный Валентий опрокинул чайник с кипятком, разбил фарфоровую статуэтку, которая стояла у Матиуша на письменном столе, и потерял ключи от кладовой, так что в тот день обедали на час позже. О других и говорить нечего: от радости они совсем потеряли голову – мечутся, спешат, словно боятся, что времени не хватит на сборы. А какие сборы у солдата, когда все его имущество – деревянный чемоданишко, миска да ложка?

В пять часов к Матиушу явился ординарец Дормеско и по всей форме доложил, что полковник просит его принять.

Матиуш не узнал Дормеско: вместо обычного халата на нем был парадный мундир, грудь колесом, руки по швам. Ничего не скажешь – бравый воин.

«Неспроста это». И Матиуша кольнуло недоброе предчувствие.

– Ваше королевское величество, разрешите попрощаться с вами.

– Как, и вы меня покидаете?

– Вот приказ. – Дормеско протянул Матиушу сложенную бумагу.

Матиуш прочел приказ, и ему стало грустно. Жаль расставаться с добродушным, покладистым соней, который не вмешивался в его дела и без единого звука подписывал все прошения в Совет Пяти.

Неизвестно, кого-то еще пришлют вместо него.

XIX

Новый комендант – уланский ротмистр маркиз Амарий был сослан на остров Белого Дьявола в наказание: этот красавец и забияка, за одну ночь трижды дрался на дуэли и вдобавок оскорбил генерала. Его сопровождало трое взрослых – два писаря и адъютант, и десять подростков для несения караульной службы.

РАПОРТ № 1.

Согласно желанию вашего королевского величества, для несения караульной службы прибыло десять подростков. Комендантом острова по приказу Совета Пяти назначен я.

Маркиз Амарий.

– гласил первый рапорт маркиза. Матиуш, пробежав глазами рапорт, написал внизу: «Читал».

Жизнь на острове переменилась. В комнате рядом с Матиушем разместились подростки. Маркиз поселился в домике, где раньше жили солдаты. Теперь Матиуш ежедневно получал из гарнизонной канцелярии по несколько бумаг: циркуляров, приказов, инструкций. Надо было их читать и подписывать.

«Ваше величество, бумага из гарнизонной канцелярии!» Эти слова будили его по ночам, внезапно раздавались за его спиной в лесу, на берегу моря.

Матиуш два дня терпел, а на третий вызвал к себе ротмистра.

Тот явился и, даже не поздоровавшись, плюхнулся в кресло и закурил сигару.

– Господин ротмистр, я вызвал вас по делу! – строго сказал возмущенный его развязностью Матиуш.

– Тогда я загляну попозже, когда вы наденете мундир, – небрежно бросил ротмистр и направился к двери.

У Матиуша от этой неслыханной наглости потемнело в глазах.

– Надевать мундир я не стану, – проговорил он прерывающимся от гнева голосом, – и предупреждаю вас: ни читать, ни подписывать ваших бумаг я не желаю. Я не узник и не обязан вам подчиняться. Полковника Дормеско...

– Полковника Дормеско здесь больше нет, – перебил его ротмистр. – После полковника Дормеско не осталось ни квитанций, ни счетов, и вообще он даже не удосужился составить план острова. На вопрос: «Обитаем ли остров?» – полковник Дормеско тоже не сумел ответить. Полковник Дормеско выполнял свои служебные обязанности из рук вон плохо. Донесение об этом уже готово и в ближайшее время будет отправлено по назначению. Все пожелания вашего величества, если они не противоречат инструкции, будут неукоснительно выполняться. Спорные вопросы подлежат решению Совета Пяти. В случае несогласия с чем-нибудь вы имеете право жаловаться в Совет Пяти. Брать пример с полковника Дормеско я не намерен. Честь имею кланяться!

Матиуш остался один. За стеной послышался сдавленный смех.

«Это они надо мной смеются, – подумал Матиуш. – Ну и пусть.»

Ротмистр каждый час слал на подпись циркуляры, приказы, инструкции, и Матиуш, не читая, отсылал обратно. Утром и вечером ротмистр собственной персоной являлся осведомиться о здоровье Матиуша. Тот в ответ молчал.

Перед тем как устроить учения, ротмистр присылал к Матиушу своего адъютанта.

– Ваше величество, разрешите устроить учения? – спрашивал адъютант.

– Не разрешаю! – отрезал Матиуш.

Так продолжалось пять дней. Но вот прибыл корабль, который доставил на остров работников. По приказу ротмистра они стали ремонтировать ему жилище. В лесу застучали топоры, завизжали пилы.

К дому ротмистра пристроили крылечко, соорудили беседку и еще какие-то постройки неизвестного назначения. С утра до вечера – суета, беготня, крики и ругань. Никакого покоя.

Матиуш потихоньку выскальзывал из дому. Одинокие прогулки, лодка, занятия с Ало и

Алой, скрипка стали ему во сто крат дороже.

Он понимал: это только начало. И спокойно ждал развития событий. Ротмистр делал вид, будто забыл о его существовании. Зато канцелярия работала вовсю: до позднего вечера два писаря сидели, низко склонившись над столом, и что-то строчили. Присылаемые на подпись циркуляры, распоряжения, приказы день ото дня становились все длиннее. Но Матиуш по-прежнему не читал их.

Еда с каждым днем становилась хуже. Раньше финик или инжир были для Матиуша просто лакомством, а теперь он пропал бы без них.

Однажды Матиушу совсем не принесли обеда. Он не придавал бы этому значения, если бы не слова, услышанные из-за перегородки:

– Они ссорятся, а мы тут из-за них с голоду подыхай.

Матиуш постучал в стену: так он вызывал своего адъютанта.

– Вы сегодня обедали? – спросил он явившегося на зов парня.

– Никак нет, ваше величество! Кухня уже три дня не работает. Господин ротмистр не имеет права выдавать провизию без подписи вашего величества.

Матиуш облачился в мундир и велел позвать ротмистра.

– Прошу прислать мне на просмотр все бумаги из канцелярии, – заявил он ротмистру.

– Слушаюсь, ваше величество!

Через пять минут перед Матиушем лежал приказ о выдаче обеда. Матиуш немедленно подписал его.

А через десять минут в соседней комнате прогремело троекратное «ура» и застучали ложки.

Когда Матиушу принесли обед, он отказался есть: и аппетит пропал, и времени не было – на столе возвышалась груда бумаг. Среди них была и жалоба на полковника Дормеско. Матиуш начал читать ее, и на лбу у него выступил холодный пот.

Сколько стульев, столов, кроватей, простыней, тарелок, ножей должно быть на острове, неизвестно. Куда девались мыло, молоко, конфеты, книжки и игрушки, тоже неизвестно. По полученным сведениям, у детей смотрителя маяка много краденых вещей короля. Среди бумаг не обнаружено ни одной квитанции, расписки или счета. Помещения грязные и обшарпанные, непригодные для жилья. Солдаты делали что хотели, никакой дисциплины...

Но это еще не все, кроме жалобы на Дормеско, имелись три жалобы на Матиуша. Читая их, можно было подумать, что они продиктованы заботой и состраданием к малолетнему королю-изгнаннику.

Вот первая:

Здоровье короля оставляет желать лучшего. Он раздражителен и угнетен. Отказывается читать и подписывать бумаги, чем осложняет работу канцелярии. Не разрешает проводить учений...

Вторая жалоба гласила:

Король заплывает на лодке далеко в море и возвращается усталый и подавленный. Он взбирается на высокую гору, откуда можно упасть и разбиться насмерть. Бродит также в одиночку по лесу, где водятся дикие звери, ядовитые змеи и, возможно, живут людоеды.

Король позволяет своей охране шуметь до поздней ночи, – говорилось в третьей жалобе. – Дикие крики мальчишек оглашают остров. Сорванцы украли у работников пилу и два топора. С подростками, как известно, вообще трудно

справиться, поэтому я слагаю с себя всякую ответственность за дальнейшее...

Действительно, мальчишки в соседней комнате шумели, курили, ругались, затевали драки. Ни о какой игре на скрипке не могло быть и речи, даже спать по ночам стало невозможно. Матиуш хотел попросить их вести себя потише, но раздумал: авось сами поймут, что это нехорошо.

Матиуш вообще ни разу ни с кем не разговаривал и даже не знал их по именам, за исключением своего адъютанта, Филиппа.

Этот Филипп, рослый, здоровый парень, не нравился Матиушу. Вроде бы послушный, является по первому зову, щелкает каблуками, но при этом у него как-то неприятно бегают глаза. Внешне все в порядке, ни к чему не придерешься, но однажды Матиуш увидел на стене его тень – она грозила ему кулаком и показывала язык.

В первую минуту он не поверил своим глазам. Но, кроме них, в комнате никого не было. Значит, это могло относиться только к нему. «За что он меня ненавидит?» – недоумевал Матиуш.

Матиуш не раз слышал через тонкую стенку, как Филипп орал на товарищей:

– Тише! Не мешайте королю спать! Как вы смеете, хамы, беспокоить короля!

Матиуш не понимал: к чему так кричать, когда через перегородку все слышно. Филипп как-то странно растягивал букву «р». Получалось «кор-р-роль», – и Матиушу чудилась в этом издевка.

Матиуш старался поменьше сидеть в комнате, поменьше бывать возле дома. Но взбирался ли он на свою скалу или плыл на маяк, его не покидала мысль о том, что теперь предпринять. Написать в Совет Пяти? Но о чем? Если попросить, чтобы все было по-старому, они скажут: он сам не знает, чего хочет. Может, потолковать с мальчишками? Сказать, что он хочет с ними дружить? Нет, зачем кривить душой. Ведь это неправда, его нисколько не привлекает дружба с этими грубиянами.

Они нарочно через замочную скважину пускают к нему в комнату табачный дым. До него долетает их шепот и сдавленный смех. Уж лучше шум и ругань, чем насмешки. Матиуш то и дело слышит: «он», «король», «Матиуш». Время от времени шушуканье и смешки прерывает громкий издевательский голос:

– Молчать, скоты! Как вы смеете мешать кор-р-ролю! Кор-р-роль хочет спать!

XX

Жизнь на острове изменилась до неузнаваемости.

В следующий раз корабль привез топографов снять план острова. Потом приехали две художницы делать зарисовки с натуры. Потом – доктор. Он осмотрел Матиуша, написал что-то на листочке бумаги, сел на корабль и уехал. Потом стали строить отдельный дом для канцелярии. Откуда-то появились духовые трубы. На них умели играть писаря, несколько плотников и двое подростков. И вот как-то вечером заиграл оркестр и начались танцы. Танцевали ротмистр, топограф и две приезжие женщины. А Матиуш, лежа в постели, заплакал.

Ему вдруг стало грустно, что нет больше полковника Дормеско и Валентия, который мог ответить на любой вопрос. Сделалось так тоскливо и горько, что, если бы не дети с маяка и не кладбище на вершине скалы, он оделся бы и убежал в лес. А там отыскал бы башню отшельника или к дикарям ушел. Он не сомневался: они прячутся в чаще.

И вдруг Матиуш почувствовал, что кто-то ползет по одеялу.

«Наверно, мышь», – подумал он.

Но нет, зверек оказался покрупней мыши, рыжий, с белыми лапками и коротким хвостом. И на шее у него висела цепочка, а на цепочке болталось что-то круглое. Это был орех, а в нем – письмо от Клу-Клу.

Дорогой Матиуш, – писала она, – чует мое сердце, тебе плохо на необитаемом острове. Я давно о тебе ничего не слышала, потому что у нас с белыми великая война. Бум-Друма убили. Я теперь, как и ты, сирота.

Дальше следовало подробное указание, как вложить ответ в ореховую скорлупу, как заклеить ее, чтобы не размокла бумага, когда крысенок поплывет обратно.

«Значит, этот зверек вроде почтового голубя».

В ответ Матиуш написал, чтобы Клу-Клу не беспокоилась, что ему живется хорошо. Долго ли он еще пробудет на острове, неизвестно, пусть пишет ему почаще.

На кладбище прибавилась еще одна могила.

«Если рядом с родителями похоронена канарейка, значит, может покоиться и мой чернокожий друг», – подумал Матиуш и, раздвинул ограду из камешков, расчистил место для могилы Бум-Друма.

«Раз, два, три, четыре, пять», – сосчитал Матиуш, сел в лодку и поплыл на маяк.

Дети встретили его как-то особенно приветливо, хотя гостинцев он им не привез. Ему ничего не хотелось просить у ротмистра, который встал сегодня с левой ноги и орал на всех без разбора. Ало подарил ему красивую ракушку, Ала – гладкий, круглый камень-голыш. Матиуш чувствовал, что никогда больше сюда не приедет и сохранит эти подарки на память о детях.

Ала ни разу за весь день не плакала, не капризничала. Ало прочел вслух «Красную Шапочку» и сделал только одну ошибку. Матиушу тяжело было расставаться с детьми. Остаться бы здесь, на маяке, а они там пусть делают что хотят.

Однако пришлось возвращаться. Входит Матиуш к себе в комнату, а там сидит ротмистр.

– Ах, как хорошо, что вы наконец вернулись, ваше величество! А то я уже беспокоился. Эй, Филипп!

Филипп тотчас вырос в дверях и вытянулся в струнку.

– Гони всех вон из комнаты, ясно? Комнату запири на ключ, а ключ отдай мне, ясно? Если кто вздумает подслушивать под дверью наш тайный разговор с его величеством, шкуру живьем сдеру, ясно? Можешь идти!

За стеной послышалась возня – это ребята поспешно выходили из комнаты. Филипп отдал ротмистру ключ.

– Дорогой кузен, – начал ротмистр, когда они остались вдвоем, – я хочу жить с вами в дружбе и умоляю простить меня!

Сказал – и бух перед Матиушем на колени.

– Сейчас же встаньте! Я не святой, чтобы передо мной становиться на колени. Объясните, в чем дело.

– Дорогой кузен, я праправнук Елизаветы Сумасбродной, родной тетушки Генриха Свирепого. Итак, мы с вами родственники. Поэтому Печальный король не возражал, когда выбор пал на меня. Вот увидите, я буду послушный и смирный, как овечка. А обед я не выдал вам в тот день потому, что люблю во всем порядок. Но я получил тайное предписание, и теперь мы будем жить в дружбе. А если вы не простите меня, я... – И вместо слов маркиз приставил к виску револьвер

– Хорошо, я тоже хочу жить с вами в дружбе! – в испуге воскликнул Матиуш.

Ротмистр кинулся ему на шею. Он был пьян.

Матиуш согласился бы на все, лишь бы ротмистр поскорей ушел. Но не тут-то было! Пьяный маркиз решил излить перед ним душу.

– В жилах моих течет королевская кровь. А я незаслуженно страдаю. За что, спрашивается? Разве мог я не драться на дуэли, если меня оскорбили? И генерала обругал справедливо. Подумаешь, дураком его обозвал! Ведь это чистейшая правда. Ну скажите сами, дорогой кузен, дурак он или нет?

– Дурак, дурак, – с готовностью подтвердил Матиуш.

– А разве я мог не драться на дуэли?

– Конечно, нет!

– За что же, спрашивается, меня сослали сюда?.. – роптал маркиз и опять приставил револьвер к виску. – У меня есть тайное предписание от Печального короля. Оно гласит: «Выполнять все пожелания Матиуша, словно они исходят от меня». Вот оно... Нет, не то. У меня есть и другой приказ... «Я послал на остров доктора, пусть осмотрит Матиуша и напишет, что он не в своем уме. Мы опубликуем это в газетах – и дело в шляпе» – это пишет Молодой король. Вот, дорогой кузен, какие друзья у нас, у членов королевской фамилии!

– Молодой король никогда не был моим другом! – возразил Матиуш.

– Ну ладно, а Клу-Клу... Нет, не Клу-Клу, а этот прохвост с маяка. Прикидывается другом-приятелем, а сам сколько игрушек перетаскал у вашего величества! Две головоломки, Петрушку, четыре книги, шесть цветных карандашей. А кто за это будет расплачиваться? Я! У меня ломаного гроша нет за душой, хотя в жилах моих течет королевская кровь. Но происхождение обязывает платить долги. Вот прикончу Дормеско, а потом застрелюсь сам.

– Дорогой кузен, – сказал Матиуш, желая его успокоить, – ведь я сам подарил детям игрушки.

– Вы слишком великодушны, ваше величество. Вы молча страдаете, вы не ропщете, но я-то все знаю. Эти юные мерзавцы шумят по ночам и не дают вам спать. Курят папиросы (если бы папиросы, а то отвратительные вонючки!) и через замочную скважину пускают к вам в комнату дым. Бросают мух в королевский чай, напускают в королевскую постель блох. Они украли два топора и полфунта гвоздей. А кто за это должен отвечать? Я! Несчастный праправнук королевы Елизаветы!..

Матиуш с трудом отнял у него револьвер и уложил спать на свою постель. Потом впустил через окно мальчишек и велел им не шуметь, сказав, что у ротмистра болит голова.

Матиуш совсем обессилел. Он был огорчен и подавлен. Еще бы! Сразу на него обрушилось столько неприятностей!

Значит, вот почему в чае были мухи!

Значит, доктор приезжал, чтобы объявить его сумасшедшим.

Значит, вот почему его кусали блохи!

Значит, за все пропажи ротмистр должен расплачиваться из собственного кармана?

А кто платит за содержание Матиуша, который ничего не делает? Ведь все эти поездки, корабль, маяк обходятся, наверно, недешево.

И правда ли маркиз его родственник?

Неужели во всем мире нет такого острова, куда не приплывали бы корабли и где он, Матиуш, был бы совсем-совсем один?

Матиуш понял: долго ему на необитаемом острове не жить. Когда он задумал убежать из тюрьмы, его одолевали иные чувства: тревожно замирало сердце, голова раскалывалась от дум, он торопился, волновался. А теперь ничего похожего. Он нисколько не беспокоится, не волнуется. «Поживем – увидим, – рассуждает он, – может, изменится что-то к лучшему».

Он положил на стол ракушку, которую подарил ему Ало, и камешек – подарок Алы. И сразу позабыл обо всех бедах. Чудесная ракушка, другой такой нет на свете. И хотя на берегу тьма-тьмушка ракушек, но эта особенная, ее дал ему Ало. «На, возьми за то, что выучил меня грамоте», – сказал он.

И второго такого камешка нет на свете. Ему подарила его Ала и улыбнулась. Разве найдешь на свете такой камешек, у которого в сердечке запрятана улыбка Алы...

Глухая ночь, а Матиуш сидит на стуле. Лечь некуда – кровать занята.

Я думал, – записал Матиуш в дневнике, – что ротмистр злой, а он, оказывается, несчастный человек. Может быть, если бы Молодой король выложил мне все, что он думает, и я не таил бы от него своих мыслей, мы бы не враждовали.

И еще он написал:

Хорошо бы иметь башню в дремучем лесу.

И еще написал:

Какие разные бывают на свете люди.

Написал, уронил голову на стол и заснул.

XXI

Матиуш не разговаривал с ребятами, потому что не знал, как с ними обращаться. Ему хотелось жить с ними, как когда-то с Фелеком. Но не хотелось, чтобы они говорили ему «ты». Раньше – другое дело: настоящий король может позволить по отношению к себе такую вольность. Наверно, и тогда это было неправильно. А говорить им «вы» тоже не хотелось. Вот и поди разберись, как тут быть.

Но однажды Матиуш лицом к лицу столкнулся с самым тихим и симпатичным из ребят. Он тоже часто ходил на берег моря, но не рыбу ловить, а просто так, посидеть. И всякий раз, заметив Матиуша, уходил, боясь помешать.

Сошлись они на узкой тропинке: отступать некуда, да и поздно.

– Добрый день! – сказал Матиуш.

– Добрый день!

– Хорошо в лесу.

– Да. Тихо.

– Раньше на острове всюду было тихо. Это только теперь так стало. А вы любите тишину?

– Люблю.

– А почему же у вас всегда так шумно?

Вопрос, видно, затронул болезненное место. Мальчик промолчал: не хотел осуждать товарищей.

– Как вас зовут?

– Стефаном.

– Как моего отца.

– Знаю, по истории проходили.

Слово за слово, завязался разговор, и Матиуш о многом узнал. Стефан, оказывается, из бедной семьи. Отец его остался без работы, и ему пришлось ехать сюда, чтобы помочь семье. К тяжелой работе он непригоден: у него болезненное сердце. И все жалование он отправляет домой.

– Скучаете?

– Немного скучаю. Но ничего не поделаешь, надо сидеть здесь.

– Ну, а другие?

– Про всех не скажу – не знаю. Один – сирота, в военном оркестре служил. Другой – сын портного, их дома девять человек. Нужда страшная. Еще один приехал в город из деревни, учиться хотел, но нигде не смог устроиться. Одного парня отчим из дома выгнал. А про других не знаю.

«В самом деле не знает или не хочет говорить? Какие разные на свете люди», – подумал Матиуш.

– Послушайте, Стефан, вы курите? – неожиданно спросил Матиуш.

– Нет, не курю.

– А вам не мешает дым?

- Да как сказать? Немного мешает, – промямлил Стефан.
  - Знаете что, спите у меня в комнате.
  - Спасибо, ваше величество. Лучше не надо.
  - Почему?
  - Дразнить станут.
  - За что?
  - Скажут – неженка, подлиза...
  - Кто скажет? Все?
  - Не все, но найдутся такие.
  - Ну и пусть, а вы не обращайтесь внимания.
  - Да нет, неприятно это. Спасибо, ваше величество.
- И по всему видно, что ему не терпится уйти. Матиушу стало грустно.
- Почему вы хотите убежать?
  - Увидят ребята – задразнят.
  - А так разве не дразнят?
  - За что им меня дразнить? – буркнул Стефан неприязненно и зашагал прочь.
- У Матиуша сделалось тяжело на душе: жаль парня.
- Как быть?

Домой возвращаться неохота, в лесу тоскливо, а на берегу постоянно шатается кто-нибудь из ребят.

«Съезжу-ка я на маяк», – решил Матиуш.

Пошел к лодке, смотрит – весел нет. Матиуш – к ротмистру жаловаться. Так, мол, и так, весла пропали.

- Сейчас найдутся, – сказал ротмистр. – Позвать сюда стражу!
- Что вы хотите делать?
- Морды бить!
- Я протестую!
- Тогда сидите без весел.

Идет Матиуш домой, голову повесил, сгорбился, а навстречу Филипп.

- Ваше величество, одно весло нашлось: в кустах валялось.
- А второе?

- Второго пока нет. Но я спрошу у ребят, может, найдется
- Послушай, Филипп, а не ты ли взял весла?

– Я?! – Филипп сделал удивленное лицо. – Чтоб мне с места не сойти, чтоб у меня руки-ноги отсохли! Клянусь здоровьем, я тут ни при чем.

Но чем больше он клялся, тем меньше Матиуш верил ему.

Филипп стал бегать, суетиться, расспрашивать. Словом, изображал усердие. А вечером Матиуш услышал за стеной его грубый голос.

– Это ты, Стефан, весла стащил? Ты будешь воровать, а я за тебя отвечать должен? Погоди у меня, ворюга!

Матиуш напряг слух: ждал, что скажет Стефан. А он ничего, промолчал.

На другой день пропала и лодка. Оборвалась цепь, и ее унесло в море. Разве найдешь утлую лодчонку в безбрежном море? Ало и Ала ждут не дождутся Матиуша, а он не приедет ни сегодня, ни завтра – никогда.

Воротился Матиуш домой, сложил вещи в рюкзак. «Схожу в последний раз на утес, а ночью в путь. Чему быть, того не миновать.»

Взбирается Матиуш на гору, а на душе беспокойно. Неужто опять какая-то беда стряслась? Матиуш прибавил шаг, словно спеша предотвратить несчастье или спасти кого-то. Так и есть! Матиуш поймал на месте преступления Филиппа: он топтал его кладбище.

И тут произошло нечто такое, чего Матиуш не ожидал от себя. В голове у него помутилось, в глазах зарябило, руки сами сжались в кулаки. Филипп схватил его за руку, но Матиуш вырвался. Он был очень сильный. И потом, разве удержишь человека, если он

разозлиться? Филипп несколько раз увернулся от удара. Матиуш – цап его за куртку и давай лупить, даже запыхался. Филипп изловчился и опять поймал Матиуша за руку, но через минуту Матиуш опять замолотил кулаками. Тогда Филипп размахнулся, и – трах! – Матиуш получил первый удар. Это как бы уравнило их. Теперь Матиуш получил право драться по-настоящему, потому что до сих пор Филипп только увертывался, а сам кулаки в ход не пускал. С удвоенной силой накинудся Матиуш на противника, но тот отскочил. Тогда Матиуш отступил на шаг, прыгнул, подмял его под себя и давай бить по лицу, по голове... Но Филипп тоже не остался в долгу: на Матиуша обрушился град ударов. Матиуш обхватил его за шею и стал лягаться, бодаться. Потом опять влепил ему оплеуху, одну, другую, и в ответ получил два удара кулаком в грудь. Тогда он размахнулся и... промазал. Размахнулся еще раз – и как даст ему в нос!

Хлынула кровь.

– На! – Матиуш протянул Филиппу носовой платок.

Распухшая физиономия Филиппа расплылась в улыбку.

– Вот не думал, что короли умеют так молотить кулаками, – сказал он, покачивая головой.

Матиуш почувствовал: лед тронулся, и стал терпеливо ждать, что будет дальше.

– Коли так, выложу все начистоту! Чего таиться? Дым в замочную скважину я пускал. Часы тоже я испортил. Я горстями бросал мух в суп, я украл весла и лодку. Я нарочно делал назло, пакостил, мстил, потому что меня самого всю жизнь обижали.

И Матиуш узнал, что Филиппа, когда ему было десять лет, отдали за воровство в исправительный дом. Там ему жилось очень плохо. Он голодал, его били все, кому не лень: надзиратель, сторож, мастер, ребята постарше. Слабые прислуживали сильным. Кто посильней, набедокурит, а вину свалит на слабого. Сильные отнимали у слабых хлеб, сахар. Там научился он играть в карты, курить, сквернословить. Там привык делать исподтишка гадости, врать, выкручиваться, жульничать.

– А что я сделал тебе плохого? Почему ты меня обижал?

– Сам не знаю. Просто зло брало, что на свете есть короли и воры. И потом захотелось проверить, правда ли короли добрые, или это враки. Вот, думаю, наябедничает король ротмистру, и нам всыпят.

– Но, значит, и тебе тоже?

– Подумаешь, дело какое! Это только с непривычки неприятно.

– Филипп, ты на меня не сердись за то, что я тебя избил?

– Да разве это битье? Только в нос бить не полагается.

– Я не знал.

– Понятно. Драка – тоже искусство. Бить надо больно, но так, чтобы следов не было.

– Послушай, Филипп, у меня к тебе просьба: не приставай к Стефану.

– А почему он такой рохля? К нему пристают, он не защищается. Это кого хочешь из себя выведет.

– Он болен.

– Ну и что? Язык-то у него есть? А то выходит, будто он нос задирает, ни во что меня не ставит.

– А если он не умеет защищаться?

– Пусть научится.

– А если он не захочет?

– Пусть не упрямится.

– Значит, не можешь мне пообещать, что оставишь его в покое?

– Ну ладно! Черт с ним!

Мальчишки пожали друг другу руки.

– Смотри не забудь, – сказал Матиуш на прощание.

Матиуш оставил ротмистру записку и просил не искать его. Он не пленник, не узник и волен сам распоряжаться своей судьбой. А для Совета Пяти это далее выгодней: не придется

деньги тратить. Ротмистр сможет вернуться домой. Пусть считают, что Матиуша нет в живых.

Написал Матиуш записку и отправился в путь. Ночь, темень, а он идет куда глаза глядят.

С собой он взял только самое необходимое и направление выбрал такое, чтобы в случае погони его не нашли. Он пошел вдоль реки, но не по берегу, а лесом. Слишком удаляться от реки тоже нельзя, потому что без воды не обойдешься.

Лес густой. В такой чащобе нелегко обнаружить беглеца. Нырнешь в кусты, погоня в пяти шагах пройдет и, если не отзовешься, ни за что тебя не заметит.

Много ли, мало он прошел, Матиуш сам не знал. Там, где приходилось продираться сквозь чащу, он продвигался медленнее. А где лес был реже, шел побыстрее. Спешить было некуда. Он свободен, и бояться ему нечего. Похоже, на острове нет ни диких зверей, ни ядовитых змей. И голод ему не страшен. Он знает из книжек, какие плоды съедобны, у каких растений сок сладкий – не отличишь от сахара, какие грибы можно есть, какие корешки по вкусу напоминают морковь и салат.

И спать на деревьях очень удобно – даже лучше, чем на кровати. Густые лианы, оплетая деревья, образуют уютные люльки – зеленые и душистые. Они упругие, как пружинные матрацы. И не упадешь, даже если во сне перевернешься с боку на бок. Правда, один раз он все-таки упал на мягкий кустарник, но только слегка руку оцарапал.

Сначала Матиуш задался целью найти башню отшельника. Но потом раздумал: «Зачем? Ясно, как дважды два – четыре, что отшельник не пожелал с мной иметь дело: выпроводил, не промолвив ни слова».

И он идет себе не торопясь. Как-то целый день провел на одном месте. Несколько раз со стороны реки до него доносились звуки погони. А то казалось, он слышит звук трубы. «Ну что ж, если вам нравится, поиграйте со мной в прятки. Надоест – вернетесь.»

Первую неделю Матиуш записывал, сколько дней он в пути. А потом бросил. К чему это? Пусть день проходит за днем. Если ждешь чего-то от будущего, тогда это не безразлично, а Матиуш уже ничего не ждал.

Но маленький смысленый крысенок-почтальон все-таки разыскал беглеца. Матиуш очень обрадовался. Смешно, у маленькой зверюшки больше ума в носу, чем у людей в голове.

На отважного почтальона в пути совершили нападение – отгрызли лапку, и он хромал. Матиуш промыл и перевязал рану.

Дорогой Матиуш! – писала. Клу-Клу. – Я послала тебе уже сто почтовых орехов, а ответа все нет. Если ты не очень далеко, то должен был получить по крайней мере десять писем. По подсчетам наших жрецов, из десяти крысят девять гибнут в пути. В море их пожирают рыбы, на суше – звери. И только один из десяти добирается до цели. Напиши, где ты и нужна ли тебе помощь. Не посылай крысенка в обратный путь, пока не убедишься, что он отдохнул.

Твоя навеки Клу-Клу

Матиуш лечит маленького почтальона и ждет, когда он даст знать, что готов в путь. Промывать рану больно, а зверек лижет Матиушу руку и моргает глазками, словно благодарит. Жалко Матиушу расставаться с маленьким другом – с ним не так одиноко в дремучем лесу.

Суп из мелко нарезанных листьев, корней, плодов, заправленный сладким соком, напоминает по вкусу компот из яблок и груш Матиуш стряпает, а крысенок сидит, как белка, на задних лапках, смотрит и ждет. Ночью он забирается к Матиушу в рукав, а нос выставляет наружу. И всю ночь дерг-дерг носиком, будто телеграфирует Клу-Клу.

С Матиушем он ничего не боится: ковыляет за ним на трех лапках или на плече у него сидит. А когда остается один, при малейшем шорохе забивается под лист и только кончик носа высовывает, словно проверяет, нет ли опасности.

Наконец рана у крысенка зажила. Матиуш написал Клу-Клу письмо, вложил в ореховую скорлупу, заклеил и для пробы повесил крысенку на шею. Но тот запищал и так жалобно посмотрел на Матиуша, что он поспешил снять цепочку с шеи. Значит, нет еще сил для путешествия или он чувствует опасность. Пищал ли крысенок в прошлый раз или нет, Матиуш не помнил. Он тогда не дорожил маленькой зверюшкой, поэтому не обратил на это внимания.

Если к маленьким и беззащитным относиться бережно, с любовью, они тебе все расскажут, даже камень и ракушки заговорят. Недаром Матиуш разговаривает с ракушкой, которую подарил ему Ало, и с камешком Алы. Наверно, крысенок тоже хочет что-то сказать, потому так забавно и подергивает носиком. «А что, если сначала послать его на маяк?» – подумал Матиуш.

Между тем маленький почтальон стал выражать беспокойство: ночью вертится в рукаве, вздыхает, днем ему тоже не сидится на месте – скачет на трех лапках и отказывается от еды. Наверно, дает понять, что отдохнул и пора уже в путь. Матиуш написал детям, что у него украли лодку, и он больше не приедет. И в тот же день к вечеру получил ответ, но бумага намочена (видно, орех был плохо заклеен), и Матиуш с трудом разобрал всего несколько слов.

«Жалко... занимаюсь сам... искали... ждем...»

Матиуш поцеловал письмецо и спрятал в карман, где лежали фотография мамы, засохший листик салата – последний, который клевала канарейка, со следами ее клюва, – ракушка и камешек.

Но маленький почтальон не успокоился. Разве несколько миль для него расстояние? По-прежнему он вертится под ногами, пищит, ищет орех. Значит, пора ему в путь-дорогу. Без маленького друга Матиуш сильнее ощутил свое одиночество. И чтобы заглушить тоску, он ускоренным маршем двинулся вверх по течению реки. Шел он, шел – и вдруг видит озеро; посреди озера – островок, а на нем три туземца черпают воду кокосовой скорлупой.

Матиуш ни чуточки не испугался, наоборот, даже обрадовался. И стал махать белым платком в знак мира, а туземцы смотрят и ничего не понимают.

Только на третий день один туземец сел верхом на бревно и, отталкиваясь шестом, подплыл к берегу. Это был парламентар. Он привез Матиушу металлическую пуговицу, обгоревшую спичку, обрывок черной нитки и пробку. Матиуш понял: они предлагают ему выкуп, чтобы он их не трогал.

Так состоялось его первое знакомство с туземцами. Скоро Матиуш подружился с ними и перебрался на остров. Туземцы полюбили его, окружили почетом и не позволяли ничего делать. У Матиуша была пропасть свободного времени, и, лежа на берегу, он думал о всякой всячине. Вот чудно! Искал уединения на необитаемом острове и не нашел. И только на островке посреди этого острова обрел покой. Будто за высокой крепостной стеной укрылся.

Теперь он без помех размышлял о ротмистре, Стефане, Филиппе. Хорошо бы записать кое-что в дневник, но осталась только одна тетрадка и полкарандаша. Поэтому писать обо всякой ерунде нельзя. Надо экономить бумагу. Не то что в школе: накалякают на целой странице или вырвут листок и сделают голубя.

«Амарий – добрый или злой? Может ли Филипп исправиться? Почему у туземцев, среди которых я живу, нет никакого оружия – ни стрел, ни луков?»

И он записал в дневнике:

Люди бывают спокойные и беспокойные.

Спокойные – это Дормеско, мама, мальчик, которого Матиуш видел в хате во время войны. Туземцы, церемониймейстер, канарейка, Кампанелла – тоже спокойные.

А Фелек, ротмистр, Ала, Филипп, Молодой король, Клу-Клу и сам Матиуш – беспокойные. Беспокойные люди затевают войны, а спокойные подчиняются им. Поэтому Печальный король, вопреки своей воле, вынужден был воевать. И маленький почтальон-крысенок тоже беспокойный, но по-другому, чем, например, лев. Он приносит пользу. И Матиуш тоже.

Беспокойные люди, – писал дальше Матиуш, – бывают добрые и злые. Если на свете будет много беспокойных и добрых, это хорошо. А если много беспокойных и злых, это плохо.

А если бы на свете были только спокойные люди, что тогда? Матиуш послунывил карандаш. На коленях у него лежит раскрытая тетрадь, но как на это ответить, он не знает. А вокруг на корточках сидят его друзья-туземцы и не сводят с него глаз, словно понимают: он занят важным делом.

Матиуш любит их и жалеет.

XXII

Чем кончились переговоры на Фуфайке, Бум-Друм не знал. Но до него дошли слухи, что Матиуша сослали на необитаемый остров. Ему было невдомек, что Матиуш поехал туда добровольно. И он страшно рассердился на белых королей за предательство. Какое свинство! Притворились, будто не сердятся, а сами тайком вызвали корабли! Ну ладно, негры провинились, но Матиуш-то при чем? Он спас им жизнь, а они вот как его отблагодарили!

И Бум-Друм объявил войну всем белым королям. Объединились племена с севера и юга, с запада и востока и пошли войной на белых во спасение Матиуша.

У диких племен нет ни книг, ни газет. Вести передаются из уст в уста, каждый прибавит что-нибудь от себя, и так рождается легенда.

На этот раз сочинили вот что: белые похитили с неба молнию, поэтому они такие сильные. А Матиуш решил отдать молнию неграм. Белые короли проводали об этом, испугались и бросили Матиуша в тюрьму. Но убить его они не могут: он могущественней их. И будто бы Матиуш обещал неграм в награду за освобождение власть над молнией. И тогда негры станут сильные-сильные, сильнее белых. Кто говорил, война будет страшная, кто – не очень.

Другая легенда гласила: негры один раз победили белых королей и те лежали связанные по пять человек в куче. Все было бы хорошо, если бы не злодей из племени Тха-Гро, который съел королеву Кампанеллу. Матиуш страшно рассердился, призвал молнию и помог белым королям расправиться с неграми. И теперь, чтобы искупить свою вину, они должны освободить Матиуша.

Из края в край мчатся гонцы. Мчатся через леса, реки, пустыни и горы. Из края в край несется боевой клич:

– Братья, к оружию! Поднимайтесь против белых!

В селении остались женщины, дети да немощные старики. Мужчины ушли на войну.

Белые короли узнали о войне раньше, чем все негры. Сначала они струсили, но, поразмыслив, пришли к выводу, что это даже к лучшему: по крайней мере раз и навсегда разделяются с чернокожими. И белые короли договорились между собой, кто сколько даст солдат и кораблей. Кто посильней, выставил пятнадцать тысяч, а кто послабей – по пять или по десять.

Корабли подплыли к Африке, солдаты вырыли окопы и ждут. А надо сказать, что белое войско состояло из самых отъявленных негодяев, пьяниц и воров. «Проиграем войну, тоже не беда, избавимся от бездельников и хулиганов. А неграм до Европы все равно без кораблей не добраться», – рассуждали белые короли.

И закипел страшный, кровопролитный бой. Перед битвой обманщики-жрецы объявили:

в кого попадет пуля, тот не умрет, а просто упадет на землю и на другой день проснется силачом и великаном и одним пальцем одолеет белых. Будто это сам Матиуш сказал.

Бедные негры поверили. И что тут началось, невозможно передать. Раненых не было. Все стремились быть поскорее убитыми. В регулярной армии солдатам запрещается бесцельно рисковать жизнью. Нет приказа идти в атаку – ложись на землю или прячься в окопы. А негры лезли прямо под пули.

Белые видят, что негры не оказывают сопротивления, и идут в атаку. Одних только вождей погибло в этом бою около пятидесяти, и среди них Бум-Друм.

Но этим дело не ограничилось. Вслед за мужьями пошли воевать жены. И опять закипел бой. Эта битва вошла в историю под названием «Битвы черных женщин».

Белые короли испугались: этак всех негров можно истребить, а без них туго придется. Где тогда взять какао, финики, инжир, бильярдные шары из слоновой кости, галоши, страусовые перья, касторку?.. Не будет корицы, ванили, попугаев, красивых раковин, черепаховых гребней. Белые получают от негров большую выгоду. Касторка, правда, очень невкусная, зато приятно играть в бильярд, и шляпы со страусовыми перьями любят носить модницы, и пироги с ванилью намного вкусней. И вот белые короли решили прикинуться такими благородными рыцарями: вы, мол, съели Кампанеллу, а мы ваших дам обижать не станем.

И тогда произошло самое страшное: Клу-Клу повела в бой детей. Да, это было ужасно! Половина детей, не дойдя до моря, погибла в пути.

Бедный Матиуш! У него сердце чуть не разорвалось от горя, когда он увидел голодных, больных, несчастных детей, потерявших всякую надежду на спасение.

Но откуда же там взялся Матиуш?

А вот послушайте. Еще перед битвой женщин Клу-Клу получила от него почтовый орех и тотчас послала четырех гонцов, приказав им выкрасть Матиуша с необитаемого острова. Почтовая крыса привела их прямо к Матиушу. Двоих гонцов по пути съели акулы, но двое благополучно добрались до острова. В пяти милях от него они оставили лодки и добрались до берега вплавь. Причем плыли они под водой, дыша через тростинки. Клу-Клу опасалась, как бы их не заметила стража. Она ведь думала, что Матиуш узник.

Бедный Матиуш! Как ему не хотелось покинуть тихое убежище и расставаться с гостеприимными туземцами! Но ничего не поделаешь, случилась беда: из-за него, во имя его и ради него гибнут люди. И Клу-Клу призывает его на помощь. Бум-Друму не поможешь: он убит, но нужно спасти Клу-Клу и чернокожих друзей.

Две недели ушло на приготовление к побегу. Пришлось испортить маяк, чтобы было совсем темно, сделать весла и спрятать на берегу моря. Когда все было готово, они отправились в путь.

Туземцы очень огорчились, но Матиуш подарил им жестяную коробочку, кружку, четыре картинки, колечко, пряжку от пояса и увеличительное стекло. «Как, столько сокровищ задаром?!» – недоумевали они.

Ночь выдалась темная.

– Как вам удалось испортить маяк? – спросил Матиуш.

– Очень просто. Акул около острова нет. Мы подплыли к берегу, выставили из воды тростинки и прождали так часа два. Когда смотритель маяка пошел с детьми ловить рыбу, мы перерезали провода там, где ты велел. А на столе оставили письмо.

Матиуш заранее написал его, боясь, как бы старый моряк не заподозрил, что это проделки Ало.

Темень. Море спокойное. Матиуш сел на руль, негры налегли на весла. Если будет сопутствовать удача, через два дня они доберутся до берега, а там пересядут на царских слонов.

Темень. Тишина. Лодка быстро скользит по волнам. И в памяти Матиуша всплывают проведенные на острове дни. Он понимает: пережитые радости и горести безвозвратно канули в прошлое. Больше не будет времени наблюдать за муравьями, швырять камешки в

море и рассказывать сказки маленькой Але.

Впереди его ждут тяжкий труд и невзгоды.

XXIII

Как только Матиуш прибыл, его отвели к Клу-Клу в королевский шатер. И хотя от усталости он еле держался на ногах, Клу-Клу в ту же ночь поведала ему о том, что произошло. Да ему и так все было ясно

Лагерь несчастных детей представлял собой ужасающее зрелище. Есть нечего, отовсюду несутся плач и стоны больных. Идти дальше нет сил, а оставаться на месте – верная гибель. Кто мог, давно убежал, а остальные уповают на Матиуша.

– Помнишь, Клу-Клу, как ты гонялась за белкой по деревьям? А как Антеку зубы выбила, помнишь?

– Помню, – безучастно ответила девочка и даже не улыбнулась.

Когда веселый человек грустит, это особенно тяжело.

Они долго сидели молча.

– Сколько в лагере детей?

– Не знаю. Часть погибла в пути, часть разбежалась.

– Как, по-твоему, продержитесь вы еще неделю?

– Должны продержаться.

– Надо действовать. Нечего терять даром время. Скорей в город, где есть телеграф! И вызвать на помощь белых.

– А они согласятся?

– Другого выхода нет. Если они проявили великодушие в битве с черными женщинами, значит, пожалеют и детей.

– Поступай, как знаешь. Я ничего не могу придумать.

Негритята увидели, что Матиуш уходит, – и в слезы.

– Помоги! Не покидай нас! – кричали они.

Матиуш влез на дерево, чтобы всем было видно.

– Не бойтесь, я вас не оставлю, – сказал он. – Я еду за помощью и через недельку, а может, дня через три вернусь. Чем скорей я отправлюсь в путь, тем раньше придет помощь.

Негритята поверили. И, успокоившись, затянули песню, но пели они совсем тихо: голод обессилил их.

А Матиушу от их слепой веры стало еще страшней. Хуже всего, когда даешь обещание и нет уверенности, что выполнишь его.

Дети расположились лагерем на берегу большой африканской реки. Из учебника географии Матиуш знал, что в устье ее находится порт, а рядом – город, где, конечно, имеется телеграф.

Лодка быстро плывет вниз по течению. Вот и пригодились поездки на маяк. Теперь Матиуш видит, как он окреп. Недаром одолел он Филиппа. Голод, бессонница, усталость – не в счет. Он летит как на крыльях. Его подгоняет мысль о страданиях детей и обещание помочь им. И лодка летит стрелой.

На рассвете он причалил к берегу, сорвал несколько плодов, утолил голод – и снова в путь. Мешкать нельзя: дети ждут.

В пути не обошлось без приключений. Один раз он задремал, и течением отнесло лодку к берегу. Еще немного, и он угодил бы в пасть к гиппопотаму. В другой раз лодка чуть не перевернулась, наскочив на огромного крокодила. Упав Матиуш в воду, негритята напрасно ждали бы помощи.

Сначала Матиуш составил план действий. Но потом все мысли улетучились из головы, словно он стал машиной, которая погружает в воду весла, или корабельным винтом, который он видел во время первой поездки к Бум-Друму.

Увидев на берегу город, Матиуш не испытал ни радости, ни облегчения.

Вот белые люди. Почта. Телеграф. На берегу реки, в садике, домик телеграфиста. Подумать только, там от голода и болезней умирают дети, а тут люди живут спокойно, ни о чем не подозревая. Телеграфист поливает цветы на клумбе, а веселая девочка в белом платьице, такая же маленькая, как Ала, ест хлеб с медом.

– Вы телеграфист?

– Да. А что?

– Мне надо срочно дать телеграмму.

– Подождите, молодой человек, еще нет девяти. Пока солнце не начало припекать, надо полить цветы.

– Я не могу ждать.

Матиуш чувствует, что сейчас упадет и заснет. И проспит сто лет. А там ждут дети.

– Я – король Матиуш.

– Король Матиуш?!

– Я две ночи не спал... Там умирают дети. Срочно требуется помощь.

Телеграфист поставил на землю лейку. Матиуш схватил ее и вылил воду себе на голову, чтобы прогнать сон.

– Скорей, а то я засну.

– Ну хорошо, пойдемте!

– Михась, ты ведь еще не завтракал, – слышался женский голос.

– Я сейчас вернусь.

– Выпей хоть молока.

Но Матиуш вцепился в телеграфиста и не отпускает.

– Скорей!

– Иду-иду!

А сам повязывает галстук.

Наконец они у телеграфного аппарата.

– Ну, что передать?

– Не знаю... – простонал Матиуш жалобно. – Как получите ответ, немедленно разбудите меня.

Телеграфист обернулся, а Матиуш уже спит.

Вот так история! Телеграфист позвонил полицмейстеру. Но тот еще спал: вчера поздно вернулся с бала у губернатора.

«Если так, – думает телеграфист, – пошлем телеграмму начальнику порта».

Сегодня восемь утра, – застучал аппарат, – явился неизвестный мальчик, грязный, оборванный, худой. Назвался королем Матиушем. Говорит, где-то умирают дети. Срочно нужна помощь. Заснул, сидя на лавке. Приказал разбудить, когда будет ответ.

Ответ пришел через полчаса:

Немедленно произвести расследование. Вызвать губернатора. Выставить часовых. С мальчишки не спускать глаз. Жду донесений.

Через пять минут аппарат застучал снова:

Жду известий. Король Матиуш убежал с необитаемого острова. Правда ли, что Клу-Клу возглавила поход черных детей? Сообщите местонахождение их лагеря.

Секретарь Совета Пяти.

Еще через пять минут – новая телеграмма:

*Где Матиуш? Срочно телеграфируйте координаты детского лагеря.
Количество детей. Необходимую помощь.*

Секретарь Красного Креста.

А спустя минуту:

Немедленно сообщите состояние здоровья Матиуша.

Печальный король.

«На части мне, что ли, разорваться?» – разозлился телеграфист, когда раздался телефонный звонок. Это звонил полицмейстер.

– Что делает мальчик?

– Спит.

– Где?

– На скамейке.

– А он дышит?

– Дышит.

Только положил трубку, опять звонок: губернатор.

«Совсем взбесились! – ворчит телеграфист. – То за целый день ни одной телеграммы, а то от аппарата не отойдешь, будто конец света настал. Десять рук у меня, что ли?»

– Эй, король Матиуш, или как тебя, смотри у меня дыши! Сам полицмейстер распорядился, чтобы ты дышал, – проговорил телеграфист и со всех ног кинулся к аппарату.

А под окнами уже стоят солдаты с винтовками.

Влетает испуганная жена телеграфиста, за ней – дочка.

– Беги отсюда, сейчас стрелять будут! – кричит в панике жена.

Дочка телеграфиста плачет.

А Матиуш спит как убитый.

Явился губернатор. В руках держит фотографию Матиуша и сравнивает с лицом спящего.

– Пожалуй, он. Фотография, правда, сделана год назад. А мальчишки в этом возрасте быстро растут. Но зачем ему врать? Дайте телеграмму, что это Матиуш.

В далекий мир передали по проводам:

По всем признакам это Матиуш. Разбудить его невозможно. Откроет на минуту глаза, закроет и опять спит. Послал за доктором, чтобы привести его в чувство.

Губернатор.

Доктору удалось разбудить Матиуша. Очнувшись, он прочел телеграмму Красного Креста, очень обрадовался и продиктовал ответ.

Нужны провизия и лекарства. Дети больные и голодные. Главное, не мешкать. Малейшее промедление грозит им гибелью. Детей – много. Сколько, не знаю. Считать было некогда. Провел в лагере несколько часов ночью. Умоляю оказать помощь несчастным детям. Делайте со мной что хотите, только помогите детям.

Король Матиуш.

Доктор осмотрел Матиуша и сказал:

– Оставьте его в покое. Пускай спит. Не то у него начнется воспаление мозга, и он понесет околесицу.

Матиушу дали стакан молока, раздели и уложили в постель. Он проспал целый день и

проснулся в одиннадцать часов вечера.

Вести были благоприятные. Четыре корабля, груженные продовольствием, уже в пути. Хотя плыть против течения трудно, через два дня они придут в город, где остановился Матиуш. Выхала больница в полном составе: два врача и четырнадцать медицинских сестер. С больницей выслали беспроволочный телеграф, чтобы передавать известия прямо из лагеря. И еще сказали: если Матиуш даст честное слово, что это не ловушка для белых, под его командование отдадут двести солдат и работников. Губернатор уже получил соответствующие указания.

«Хорошо бы написать воззвания к белым детям, чтобы они собрали игрушки, деньги, сладости, книжки с картинками», – подумал Матиуш. И в тот же день написал:

Дорогие братья и сестры, белые дети!

Докажите на деле, что вы добрые. Кто хочет пользоваться правами наравне со взрослыми, должен доказать, что у него есть ум и отзывчивое сердце. Негритята гибнут от голода и болезней, помогите им! У вас есть красивые платья, конфеты, игрушки, вы ходите в школу, поливаете цветы и даже едите хлеб с медом. А у несчастных негритят ничего нет. Честное слово, не вру. Я побывал в разных странах, участвовал в разных войнах и повидал немало горя. Но такой беды не видел. По сравнению с ней меркнут все человеческие несчастья.

Поспешите на помощь маленьким слабым негритятам!

Король Матиуш Первый.

XXIV

То-то ликовали негритята, когда вернулся Матиуш. Солдаты в два счета разгрузили корабли, и они без промедления отправились в обратный рейс за новыми припасами.

Матиуш предложил в первую очередь накормить самых маленьких, но Клу-Клу сказала: «Сначала дадим поесть старшим, и они нам помогут». Так и сделали.

На приготовление завтрака не понадобилось много времени: молоко и другие продукты были консервированные. Вскипятили воду, развели молоко – и завтрак готов. У детей болели животы, поэтому вместо черных сухарей прислали сладкое печенье. Негритята никогда в жизни не ели ничего подобного. Но как ни странно, они ничему не удивлялись – ни кораблям, которые видели впервые в жизни, ни ящикам и мешкам с разными вкусностями. Все это казалось им чудом, волшебством, как в сказке.

Ребят было много, и завтрак продолжался до самого вечера. Но порядок был образцовый: никто не дрался, не ругался, не лез без очереди. К вечеру установили телеграф, и Матиуш отправил первую телеграмму: «Негритята благодарят за вкусный завтрак». Ночью на одном аэроплане прилетел врач, а на другом доставили самые необходимые лекарства.

Прошло две недели. И когда приехали важные господа из Красного Креста, они подумали, что их надули, так непохожи были дети на умирающих от истощения и болезней. Но длинный ряд могил позади лагеря убедил их, что все это правда.

Белые дети прочли воззвание Матиуша и сразу стали собирать вещи для негритят. А на следующий день в газетах напечатали телеграмму, что негритята благодарят за вкусный завтрак. И дети подумали: вот как быстро дошли их подарки, и еще с большим рвением и пылом принялись за дело. И как уж водится, одни давали действительно нужные и полезные вещи, а другие – всякий хлам, от которого хотели избавиться.

Присылали кукол без голов, поломанные губные гармоники, исписанные тетради, старые зубные щетки, лото с недостающими фишками, абажуры из тонкой розовой бумаги, закладки, ремешки для коньков, карманные фонарики с перегоревшими батарейками, проколотые мячи, крокетные молотки, старые, рваные вуалетки, коробки из-под папирос.

Одна девочка прислала цветок в горшке, но он по дороге засох. Какой-то ленивый мальчик, воспользовавшись случаем, сбыв все свои школьные учебники. И еще спрашивал в

письме, любят ли негритята учиться, потому что лично он – не очень.

В лагере была уже не одна больница, а три. Но крепкие, здоровые негритята быстро поправились и не нуждались больше в медицинской помощи. Поэтому в одной больнице устроили баню, в другой стали учить, как чистить зубы и вытирать носы, а в третьей, хирургической, прокалывать девочкам уши для серег.

Учитель гимнастики организовал духовой оркестр, школу бальных танцев и футбольную команду. У негритят обнаружили необычайные способности к футболу, и через месяц состоялся первый матч.

Еды теперь было вдоволь. Наконец прибыл корабль с одеждой. Но, увы, вместо долгожданных штанов и платьев он привез салфетки, перчатки, покрывала на кровати, тюлевые занавески и совсем мало рубашек.

Появилась новая забота: раз есть покрывала, надо делать кровати. И под ударами топора рухнула не одна вековая пальма. Из салфеток получились отличные фартучки для девочек. А тюлем и кисеей зашивали на ночь кровати малышей от комаров и moskitov.

Между тем матери стали забирать детей домой, а дети, набравшись знаний, весело отправлялись в путь с этим багажом.

Чем меньше оставалось в лагере детей, тем больше благодетелей и спасителей приезжало из Европы.

– Твоя мечта сбылась, Клу-Клу. Скоро в Африке откроется кино, появятся граммофоны. Если только обезьяны не помешают, – шутил Матиуш.

Всем известно, что обезьяны любят передразнивать людей, недаром есть такое слово – «обезьянничать». И вот обезьяны, спустившись с деревьев, стали бесстрашно расхаживать по лагерю и подсматривать за людьми.

Зубной врач клялся и божился, будто своими глазами видел во рту у орангутанга две золотые коронки.

– А у меня обезьяна украла бритву. Наверно, побриться захотела, – сообщил парикмахер.

Но шутки шутками, а за короткий срок удалось сделать действительно немало.

– Ну, ты довольна, Клу-Клу?

– А ты, Матиуш?

Тот вместо ответа вздохнул. Конечно, он доволен, что удалось помочь негритятам. Но его тянуло на необитаемый остров, а еще больше – на родину, к товарищам.

Матиуш получал много писем. «Как мы рады, что ты нашелся и снова помогаешь детям», – писали ребята. И каждое письмо кончалось вопросом: «Когда ты вернешься на родину?»

Иренка сообщала, что ее большая кукла разбилась. Антек писал о своих мытарствах. Стасик жаловался на учителя математики, который влепил ему двойку и оставил на второй год. А Еленка приписала внизу: «Помнишь, как мы с тобой поссорились из-за грибов?»

Как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Негритята – славные ребята, Матиуш очень к ним привязался, но теперь Клу-Клу сама сумеет продолжить начатое дело, а ему пора домой.

Хоть бы на денек попасть в столицу, взглянуть на дворец, на королевский парк! Ведь он так давно там не был!

И вот он отправился в Европу: посоветоваться с белыми королями, как сделать, чтобы больше никогда не было войн.

Едва Матиуш ступил на палубу корабля, грянул оркестр. Дети на берегу запели и закричали: «Да здравствует Матиуш!»

Он едет с комфортом: в отдельной каюте, спит на мягком матрасе. Счастье снова улыбнулось ему.

Прибыли в порт, и в ожидании корабля, который должен доставить его в Европу, Матиуш поселился в гостинице.

«Что-то ждет меня в будущем?» – думал он, словно предчувствуя, что злоключения его не кончились.

И в самом деле, ночью в номер ворвались двое в масках, заткнули сонному Матиушу рот платком, завязали полотенцем глаза, набросили плащ и, не дав даже обуться, босиком повели куда-то.

Быстро мчится автомобиль, увозя Матиуша в неизвестном направлении.

«Это проделки Молодого короля!» – промелькнуло у него в голове.

И он не ошибся.

Да, Матиуша похитили по приказу Молодого короля. Произошло это так. Молодого короля заставили вернуть Матиушу захваченные земли. Даже порт и тот оставили Матиушу. Это раз. А два – его свергли с престола, и королем снова провозгласили старика отца. Это последнее, конечно, самое пренеприятное.

Злой, но сильный человек, желая добиться своего, пускает в ход кулаки. А слабый, ради достижения преступных целей, строит козни, идет на предательство. В каждой школе есть ябедники и пакостники. Но про короля ведь не скажешь: пакостник, поэтому придумали слово – интриган.

Так вот Молодой король был самым настоящим интриганом. Сначала он задумал объявить Матиуша сумасшедшим. Но эта затея провалилась. Весь мир убедился, какой Матиуш молодец, как поумнел и повзрослел он на необитаемом острове. Не каждый на его месте сумел бы так быстро организовать помощь негритянским детям. И какой образцовый порядок навел! Это даже в кино показывали. Разве сумасшедший на такое способен?

В результате взрослые начали поговаривать: не предоставить ли детям кое-какие права. И в некоторых школах ввели самоуправление, стали выпускать стенные газеты. Во многих городах открыли детские клубы. Учителя собирались на совещания и обсуждали, как без тычков, шлепков и затрещин добиться в классе тишины и порядка. Опять разрешили продавать портреты Матиуша. За Зеленое Знамя перестали сажать в карцер, только для вида поругивали немного. Конечно, не все это одобряли, но кое-кто даже высказывался за то, чтобы у детей был свой король.

В городе Кикикор собрался первый съезд школьников, где от каждой школы присутствовало по одному депутату. Чем не парламент?

Молодой король рвал и метал. Еще бы! С престола его свергли, власти лишили, а старик отец – доверчивый, покладистый, всем верит, на все соглашается. И вот тогда Молодой король собрал тайный совет таких же, как сам, интриганов и мошенников, и стали они судить да рядить, как избавиться от ненавистного Матиуша. Шайка Молодого короля состояла из одного шпиона, одного генерала, одного полковника, одного начальника тюрьмы, двух адвокатов, жены министра и нескольких шалопаев. И вот этим-то шалопаем поручили похитить Матиуша и под чужой фамилией заточить в тюрьму.

Тюрьма, куда его заточили, помещалась в старинной полуразрушенной крепости и предназначалась для самых опасных преступников. Здесь только два раза в год давали по кружке кофе, а в остальные дни – воду да черный хлеб. И никаких прогулок. Целыми днями изнурительная работа в шахте под землей. Разговаривать запрещалось, за каждое слово провинившийся получал удар плетью, за десять слов – десять ударов, за сто – сто.

Под землей – длинные штольни, как в шахтах, где добывают уголь. Но никакого угля здесь не добывали: одна бригада выносила его в корзинах на поверхность, а вторая через другой вход вносила обратно. А бесполезный труд, как известно, особенно тяжок. И заключенные работали неохотно. Никакие плети не помогали.

Так Матиуш столкнулся с самыми страшными преступниками. За что они сидят в тюрьме, он не знал – разговаривать запрещалось. Но достаточно было взглянуть на их свирепые физиономии, чтобы понять: на совести у них не одно злодеяние. Любой другой на его месте умер бы от страха, но Матиуш, испытавший столько опасностей на своем веку,

бесстрашно спускался с ними под землю.

Вот куда из страны зеленых пальм и чудесных разноперых птиц занесла его судьба. Кругом – черная угольная пыль и ни единого листочка. Привыкнув к чистому морскому и лесному воздуху, он задыхался в душном подземелье и в каменной норе, где спал на ослизлых кирпичах. Он, который не хуже Клу-Клу лазил по деревьям, еле волочил здесь ноги в тяжелых кандалах. Вместо шелеста листьев – свист плетки, вместо пения птиц – отборнейшая ругань. Вместо сладких бананов и сочных южных плодов – черствый хлеб и вонючая вода.

Заключенные очень удивились, увидев его. А один не выдержал и спросил:

– Сколько же человек отправил ты на тот свет, коли тебя сюда упекли?

Матиуш открыл было рот, но другой заключенный закричал:

– Не отвечай, малыш, за каждое слово удар плетью!

– А ты не в свое дело не лезь! Авось не околеет от нескольких ударов!

Слово за слово – вспыхнула ссора, и они кинулись друг на друга с кулаками. А надзиратель стоит и записывает, кто сколько слов сказал. Но точно сосчитать невозможно, и он каждому прибавил по несколько слов. И Матиуша записал, хотя он молчал как рыба.

Тащит Матиуш корзину, и – странно! – ему совсем не тяжело. Оказывается, заключенные вместо угля кладут в его корзинку куски легкого торфа и сверху присыпают угольной пылью. А то и вовсе отберут корзину и сами волокут наверх. Вечером один заключенный сунул ему в руку маленький черный предмет и прошептал:

– Спрячь получше, чтобы не нашли.

– Что это? – тоже шепотом спросил Матиуш.

– Сахар, – таинственно сказал арестант. Сахар был черный, как уголь.

Матиуш не стал его есть и спрятал на память.

Вечером, когда Матиуш стоял возле канцелярии, ожидая порки, проходивший мимо заключенный незаметно протянул ему засохшую веточку. Долго разглядывал ее Матиуш, пока догадался, что это клевер. Узники жалели Матиуша и отдавали ему все, что у них было самого дорогого.

Из канцелярии доносились крики избиваемых.

Наконец подошла очередь Матиуша.

– Иди сюда, сукин сын! – грозно заорал надзиратель и, схватив одной рукой Матиуша за шиворот, приподнял его над землей, а в другой сжимал ремennую плетку. Но, захлопнув дверь, тихо сказал: – Когда я скажу «кричи», ты ори во всю глотку: «Ой, больно!» Понял? Я бить тебя не буду. Только смотри не выдавай меня. Ну, живо снимай куртку! А теперь кричи!

– Ой, больно! – заорал Матиуш.

А надзиратель – хлоп плетью по скамье.

– Как тебя зовут, бедняга? – и опять хлоп по скамье.

– Ой, больно! – кричит Матиуш. – Меня зовут Матиушем! Ой, больно, больно!..

Надзиратель стукнет плетью по лавке, окунет кисть в красную краску и мазнет Матиуша по спине.

– Хватит, больше не кричи, будто у тебя сил нет. А потом притворись, что потерял сознание. Тебе повезло – начальника тюрьмы сегодня нет, а то бы этот номер не прошел. Ну, теперь молчок, закрой глаза.

Он взял Матиуша на руки и отнес в камеру-одиночку. А на ночь приставил к нему вместо сиделки заключенного.

– А здесь кто? – спросил во время вечернего обхода начальник тюрьмы.

– Тот маленький заключенный.

– Почему он не один?

– Сознание потерял, когда я его бил.

– А ну покажи.

Приподняли куртку и при тусклом свете фонаря увидели исполосованную спину.

– Ничего, привыкнет. Кандалы можешь с него снять, никуда он не денется! – Начальник тюрьмы зловеще засмеялся и вышел.

– Эй, малый, не притворяйся! Я знаю, тебе не больно, – сказал Матиушу сосед по камере.

– Ой, больно! – застонал Матиуш. Он боялся подвоха.

– Не дури, я ведь знаю, что тебе спину размалевали красной краской. Надзиратель велел тебе молчать, чтобы начальник тюрьмы не пронюхал. Если делать все, что они велят, тут и года не протянешь. Вот мы разные хитрости и изобретаем. Для слабосильных и больных у нас корзины полегче, а вместо плетей – красная краска. Но мы по голосу узнаем, кто от боли кричит, а кто – для вида. Поживешь тут – тоже много чего узнаешь. А за что тебя посадили в тюрьму?

– За страшное преступление. Я хотел дать детям свободу, и из-за этого погибло много народу.

– Сколько? Трое, четверо?

– Больше тысячи.

– Да, сынок, в жизни так часто бывает. Человек хочет одно, а выходит другое. И я когда-то был маленьким мальчиком, ходил в школу, с товарищами играл, а по вечерам отец, возвращаясь с работы, приносил мне конфеты. В оковах не рождается никто. В цепи человек человека заковывает.

И зазвенел цепью, словно в подтверждение своих слов.

«Как странно он это сказал. И Печальный король говорил что-то похожее», – подумал Матиуш, засыпая.

XXV

Матиуш – мальчик очень любознательный. «Не беда, что плохо, зато узнаю и увижу что-то новое», – утешал он себя в любой передрыге. И хотя тюрьма была страшная, неделя пролетела незаметно. Надзиратель по-прежнему орал на него «Сукин сын!», размахивал плетью, но ни разу не ударил. Ходить без кандалов одно наслаждение, и Матиушу даже немного стыдно, что для него сделали исключение. И арестанты уже не кажутся такими свирепыми. Выругается кто-нибудь, его тут же пристыдят: «Заткнись, чего при ребенке ругаешься как извозчик!» Они лепили для Матиуша из хлебного мякиша разные игрушки.

А делается это так. Хлеб хорошенько разжевывается, чтобы не было комочков, а потом лепи что угодно. Чаще всего заключенные лепили цветы. А Матиуш взамен отдавал им по воскресеньям папиросы. И все тайком, без единого слова, но Матиуш чувствовал: они его полюбили.

«Бедняги, – думал Матиуш, – живут хуже дикарей».

И дерутся как-то странно: сцепятся, разобьют друг другу физиономию в кровь, но все это беззлобно: словно от тоски и безделья.

– От судьбы никуда не денешься, – однажды услышал Матиуш и, лежа на нарах, долго думал, что такое судьба.

Через неделю Матиуша перевели в камеру с печкой. Ее, правда, никогда не топили, но все-таки, когда в углу есть печка, есть надежда, вдруг затопят? Некоторые заключенные каждый день воровали по уголочку, а когда наберется горстка – иногда на это уходило месяца два, – растапливали печь. Спички выдавали по воскресеньям: семь спичек и десять папирос.

В воскресенье разрешалось двадцать минут разговаривать. Чаще всего разговор вертелся вокруг заветной кружки кофе.

– Говорят, в этом году по три куска сахара дадут.

– Я это уже десять лет слышу. Может, нам и положено по три куска, да они, черти, сами его лопают.

– Ты чего чертыхаешься в воскресенье?

– Забыл.

– То-то, черт тебя побери.

И все в таком роде.

Между тем начальник тюрьмы уехал на неделю по делам в столицу. И хотя как будто ничего не изменилось, все с облегчением вздохнули.

– Начальник уехал! Начальник уехал! – радостно перешептывались заключенные.

Ну и что с того? По-прежнему от зари до зари таскают, бедняги, корзины с углем, по-прежнему звенят цепи, по-прежнему щелкает плеть и нельзя словом перемолвиться. И в канцелярию по-прежнему вызывают для порки. И все-таки, несмотря ни на что, дышится легче. Матиуш тоже приободрился.

А под вечер на него ни с того ни с сего налетел надзиратель:

– Ишь вообразил, будто он лучше других! Думаешь, раз ты ребенок, тебя по головке будут гладить? Заруби себе на носу: здесь нет детей, здесь только преступники. Сняли с чертенка кандалы, так он возомнил о себе невесть что! Марш в канцелярию!

Снова Матиуш вопил: «Ой, больно! Больно! Больно! Больно!» Снова плеть с треском обрушивалась на скамейку. Снова надзиратель велел Матиушу притвориться, будто он без сознания, и, взяв его на руки, понес, но не в камеру, а к себе домой.

– Скажи-ка, пацан, только не брешь, – это правда, что ты король?

– Правда.

– Мне безразлично, кто ты. Только на моего покойного сыночка ты больно похож. Одна была у меня радость в жизни, и той лишился. А потом вот до чего докатился... Так вот послушай, что я тебе скажу: удирай отсюда, покуда не поздно... – и по привычке щелкнул плетью. – Имей в виду, через год здесь все заболевают чахоткой, а через два – протягивают ноги. Редко кто лет пять проживет. И только шестеро выдержали десять лет. Но это мужики крепкие, как дубы, не чета тебе, цыпленку. Как отец родной советую: удирай. А вырвешься на свободу, помяни меня добрым словом.

Сказав это, он вынул из сундучка одежду покойного сына и, пока Матиуш переодевался, три раза поцеловал его.

– Глазенки у тебя точь-в-точь как у моего сыночка и мордашка такая же смазливая... – И он расплакался.

Матиуш растерялся: не знает, что сделать, что сказать. И к неожиданной радости приметалась щемящая грусть: только привык немного, как опять надо уходить, опять скитаться одному по белу свету.

– Пошел вон! – оттолкнув его, закричал вдруг надзиратель – и хлоп плетью по скамейке.

Но убежать из камеры куда легче, чем из крепости, окруженной высокой стеной, рвом и тройной цепью часовых. Целую неделю прятал его надзиратель в сарайчике за досками возле заброшенного плаца для учений. И еще четыре дня просидел Матиуш в сторожевой башне. Как назло, светила луна, и о побеге не могло быть речи.

Как все устроилось, рассказал ему потом надзиратель.

А дело было так. Надзиратель написал рапорт, будто Матиуш умер во время экзекуции, то есть от побоев.

– А зачем было бить так щенка? – скорчил недовольную гримасу тюремный фельдшер. – Вот вмешается суд, тогда что?

– Почем я знал, что он такой дохлый.

– А почему со мной не посоветовался? Ты небось санитарию и гигиену не проходил, вот и не знаешь, как с детьми обращаться. А меня здесь для того и держат, чтобы было с кем консультироваться.

– Никогда не приходилось иметь дело с пацаном.

– Вот то-то и оно! У меня надо было спросить, как полагается детей бить.

– Начальник видел на спине рубцы и ничего не сказал.

– Начальник медицинскую академию не кончал. Его дело за порядком следить, а мое –

о здоровье узников печься, перед королем и учеными коллегами ответ держать. Да знаешь ли ты, что я у самого профессора Капусты учился? У него лысина – во какая, потому что все науки превзошел. Мои коллеги теперь в чести, не то что я... Никто со мной не считается, не посоветуются даже, как по-научному ребят лупцевать. А голову ломать, чтобы все шито-крыто было, я должен.

Тут фельдшер опрокинул в глотку стакан спирта, крякнул и застрочил:

Акт: такого-то числа, такого-то месяца обследован труп заключенного по имени...

– Как его звали-то?

Надзиратель назвал имя, под которым Матиуш значился в тюрьме.

Рост: 1 м 30 см. Возраст: лет одиннадцать. Следов побоев на теле не обнаружено. Упитанность выше средней, что свидетельствует о хорошем довольствии, которое получают заключенные в тюрьме. При вскрытии в легких обнаружен табачный дым, сердце расширено, как у алкоголика. Причина смерти: отравление организма с младенческих лет спиртным и табаком.

Покойному трижды делали прививку против оспы, давали лекарства из тюремной аптеки, но спасти его не удалось.

Выпив еще полстакана спирта, фельдшер поставил свою подпись и приложил две печати: больничную и тюремную.

– На, держи. Но смотри, в другой раз не посоветуешься со мной, так и знай, напишу: умер от побоев. И выкручивайся как знаешь. Понял?

– Понял, господин профессор.

– Выпей, так уж и быть.

– Покорно благодарю, господин профессор.

– Фельдшер я, а не профессор. Хотя у разных знаменитостей учился. И две пятерки в дипломе имею: по химии и анатомии. Воду и воздух под микроскопом изучал! Экзамен самому профессору Капусте сдавал. А лысина у него – во какая, потому что все науки превзошел!

Матиуш сам читал свидетельство о своей смерти.

– Читай, Матиуш! – говорил надзиратель. – Может, снова будешь королем, а королям надо знать, как истязают их подданных. Хоть и сидят здесь отпетые люди, но даже злодеи нуждаются в справедливости.

Четыре дня просидел Матиуш в своем убежище. Забившись в угол, слушал, как завывает ветер в бойницах, и от нечего делать вспомнил башню отшельника на необитаемом острове.

На пятый день приехал начальник тюрьмы и велел собрать всех заключенных.

– Эй вы, мошенники! – громовым голосом закричал он. – Слушайте внимательно. Если нагрянет комиссия и станут спрашивать, был ли здесь маленький арестант-мальчишка, говорите – нет. Понятно? Двести ударов плетью тому, кто проболтается. А будете вести себя как надо, на пасху по четыре куска сахара получите. Понятно? Не стану врать, мальчишка попал сюда по недоразумению. Его перевели в другую тюрьму. Итак, зарубите себе на носу: никакого мальчишки здесь не было. Понятно? Выбирайте: двести ударов плетью либо четыре куска сахара.

– Как не понять, господин начальник. Только лучше запоминается, когда стаканчик пропустишь, – сказал самый старый заключенный.

– Так и быть, по стопке получите.

Матиуш узнал об этом и порадовался: такое не часто случается в их однообразной жизни.

XXVI

Когда стало известно о похищении Матиуша, поднялся страшный переполох.

– Ясно как день, – единодушно решили короли, – это дело рук Молодого короля.

Молодой король ударился в амбицию, то есть оскорбился:

– Ищите, раз вы в этом уверены. Конечно, было бы ложью утверждать, будто я души в нем не чаял. Но разве, кроме меня, у него нет врагов? А негры? Сколько их погибло по его вине? И белые короли относятся к нему неодинаково. Орест тоже его не любит. А царь Пафнутий не может ему простить той истории на Фуфайке, после которой его бессонница мучает и головные боли.

Но Молодой король спокоен; понимает: если начнутся розыски, Матиуша могут найти в тюрьме. Поэтому известие о смерти Матиуша его очень обрадовало. Словно гора с плеч.

Но расследование продолжалось. Удалось установить направление, в каком ехал автомобиль с Матиушем. Допросили хозяина гостиницы, рыбаков, портовых рабочих, матросов. Одна женщина видела, как автомобиль свернул направо, потом остановился: кажется, шина лопнула. Когда автомобиль стоял возле ресторана, какой-то мальчик из любопытства заглянул внутрь, но не успел ничего разглядеть: его прогнали. Обнаружили даже место, где Матиуша из автомобиля перенесли в лодку. Но до конца раскрылось все благодаря чистой случайности.

Так часто бывает. Ищешь, ищешь пропавшую вещь, все вверх дном перевернешь, а она словно сквозь землю провалилась. И вдруг, когда совсем потеряешь надежду, пропажа сама находится.

Нечто подобное произошло и тут. Жил-был на свете один старичок-ученый, большой чудак, который задался целью написать научный труд про все тюрьмы на свете. Лет десять разъезжал старичок по всем странам и изучал разные документы. И наконец оказался в столице Молодого короля.

Старичок был тихий, вежливый, кстати и некстати извинялся, благодарил и ничего не трогал без спроса. Одежда у него вся в пыли от старых бумаг, которые он целыми днями читал. Примостившись на краешке стула, листал он документы, делал выписки, подсчитывал что-то. Бедняга совсем ослеп, и хотя на носу у него было две пары очков, это мало помогало. Знакомых он не узнавал. Лакею говорил «господин директор», а важного директора департамента принимал за лакея и давал ему на чай. По рассеянности вместо чернильницы окунал перо в стакан с чаем, который сердобольный человек ставил перед ним, видя, что он с утра ничего не ел. Чиновники насмехались над стариком и проделывали с ним разные шутки...

– Вот чудак! Разве из бумаг правду узнаешь? Там все шито-крыто.

А наивный ученый, ни о чем не подозревая, работал в поте лица.

– Простите, мне бы еще медицинские свидетельства посмотреть, если, конечно, вас это не затруднит. Но если вы заняты или устали, я подожду, пожалуйста, не беспокойтесь. Извините, простите, покорно благодарю, премного вам обязан.

– Ничего. Эй, рассыльный! Поддай господину ученому два пуда бумаг из четырнадцатого шкафа. Тех, что попыльней.

– Благодарю, премного вам благодарен. Пыль – это сущие пустяки.

Рассыльному надоело рыться в шкафах, и он как шмякнет на стол перед старичком целую кипу пожелтелых бумаг – аж пыль столбом поднялась!

Старичок чихнул два раза и уткнулся в бумаги как ни в чем не бывало.

Но в канцелярии работала чиновница, которая накануне купила себе новую кофточку и боялась ее запачкать.

– Прочтите лучше вот эти бумаги. Во-первых, они чистые, а во-вторых, узнаете последние данные, а не столетней давности.

– Благодарю. Для меня старое и новое одинаково важно. Большое спасибо. Очень вам

признателен. Извините.

А сверху как раз лежало свидетельство о смерти Матиуша.

«Рост: 1 м 30 см. Возраст: лет одиннадцать... – читает ученый. – Причина смерти: отравление организма с младенческих лет спиртным и табаком...»

У старика был сын-адвокат, и вот он решил поделиться с ним радостью по поводу такой редкой находки.

«Дорогой сын, – писал ученый, – я счастлив, что мой научный труд обогатят столь интересные сведения...»

Сын прочел письмо, и его словно осенило: «Уж не Матиуш ли это?» Как быть? Тащиться в такую даль неохота, но, с другой стороны, если догадка подтвердится, его ждет всемирная слава.

Старик слово в слово переписал свидетельство о смерти Матиуша, а сын опубликовал его в газетах. Книга выйдет через десять лет, а газета – на следующий день.

Что тут началось, описать невозможно. Молодой король защищался как мог. «Документы, – заявил он, – пожалуйста, читайте, но в тюрьму никого не пущу!» Но распоряжениям его грош цена, ведь он теперь не король, а наследник престола. А Старый король разрешил посетить тюрьму.

Началось следствие. Фельдшер увиливает от ответа, хитрит – словом, тень на ясный день наводит. От заключенных тоже не добьешься толку: мычат, как будто говорить разучились. Начальник тюрьмы выкручивается: то одно говорит, то другое. Сразу видно – дело нечистое.

Между тем известие о смерти Матиуша облетело весь мир.

Из уважения к Старому королю сообщили, будто сын его к этому делу не причастен, а во всем виноват генерал. И что Матиуш уже на острове был болен, потом переутомился в лагере негритянских детей и даже заразился там какой-то неизлечимой болезнью. И умер он не в тюрьме, а в больнице неподалеку от тюрьмы. А мальчик, которого видели в тюрьме, – сын плотника, который ремонтировал дом начальника.

Генерал понесет заслуженное наказание, сообщалось в газетах, хотя он тоже не очень виноват. Произошло недоразумение. Молодой король послал телеграмму, в которой говорилось: «Устранить препятствие». А телеграфист, неизвестно почему, вместо слова «препятствие» написал «Матиуша». Вот генерал и решил, что надо его похитить.

Газеты опровергали друг друга, и каждая освещала печальное событие по-своему.

«Преступление или несчастье? – писала самая популярная газета в мире. – Перед человечеством – трагическая загадка. Хочется верить, что Матиуш умер своей смертью. Этот коронованный мальчик, борец за справедливость, первый король детей, храбрый защитник негров, увы, оказался смертен. Бурная жизнь подорвала его здоровье. Как яркая звезда засиял он над миром и угас. Непоправимая утрата, льются потоки слез, грудь разрывается от рыданий. Но отчаяние было бы во сто крат ужасней, погибни он от руки убийц.»

«Не все ли равно, от чего он умер? – писала другая газета. – Главное, его нет в живых. Пока в этом не было уверенности, можно еще было надеяться, сомневаться...»

«Мир праху его. Отважный воин, рыцарь без страха и упрека, горный орел и лев пустыни, покинул сей негостеприимный мир», – писала третья газета.

«Король-сирота! Нельзя забывать, что золотая корона венчала голову мальчика-сироты. Нельзя забывать, что под пурпурной мантией тревожно билось сердечко сиротки!» – писала четвертая.

Матиушу все простили. И когда какая-то газета заметила вскользь, что Матиуш совершал иногда ошибки, редактора чуть не растерзали. Он целую неделю боялся нос высунуть на улицу, перестал бывать в театре из страха, что его изобьют.

В школах решили собирать деньги на памятник Матиушу.

В столицу Матиуша поступило семнадцать тысяч телеграмм.

Выражаем глубокое соболезнование по поводу тяжелой утраты, постигшей

всю страну.

Чувство гордости за своего короля должно служить вам утешением в несчастье.

Ваш король одержал величайшую победу: он покорил сердца людей всего мира.

Хорошо бы, высказался кто-то, для увековечения памяти Матиуша осуществить хотя бы одну из его реформ. Предоставить, например, детям свободу, за которую юный король боролся на протяжении всей своей короткой жизни. «Вздор и нелепость! – возразили ему. – Если детям дать свободу, они будут от радости на головах ходить, и получится, будто они в восторге от смерти Матиуша. А куда же это годится!»

XXVII

Шагает Матиуш по шоссе, держит путь в родную сторонку. Но на душе у него невесело, была над головой крыша, был кусок хлеба, а теперь он опять один на белом свете. В тюрьме тяжело, слов нет, но разве мысли о будущем не тяжелей корзины с углем? А работать все равно надо, задаром есть хлеб не годится, даже если дадут. И скрываться придется, чтобы не было больше из-за него войн. Остановился Матиуш и записал в своем дневнике:

Жизнь – это неволя.

Но, как бы опровергая его слова, запел соловей. Прислонился Матиуш к плетню и заслушался.

«Почему люди не похожи на птиц?»

Зашел Матиуш в придорожную харчевню, подкрепился и двинулся дальше. «Пойду пешком», – решил он. Денег на еду хватит, если тратить экономно. Ехать на поезде не хотелось. Ему казалось, король-изгнанник должен возвращаться в свое отечество пешком и босым. И думается в дороге хорошо. Наверно, пчелки-мысли от ходьбы колышутся и быстрее порхают.

Проходя через маленький городишко, Матиуш прочел в газете сообщение о своей смерти.

«Вот и прекрасно. По крайней мере искать не будут.»

Попутчики, как водится, заговаривают с ним, иной подвезет немного, коли по пути. Всякий видит: нездешний. Но Матиуш отвечал на вопросы неохотно:

– Сирота. В родные края иду.

Врать он не любит и от любопытных отделяется так:

– Это долгая история...

Вот наконец и родная сторона. Опустился король-изгнанник на колени и поцеловал землю: то ли приветствовал ее, то ли прощения просил.

– Откуда идешь? – остановил его пограничник.

– Издалека!

– Куда путь держишь?

– Домой.

– А где твой дом?

– Где дом? Не знаю.

– Документы есть?

Матиуш вспомнил, что надзиратель снабдил его на всякий случай фальшивой бумажонкой, и показал пограничнику.

– Сын тюремного надзирателя?

– Нет, – улыбнувшись, сказал Матиуш, – сын короля.

– Ого! Знатного ты рода! Ну, ступай!

Пограничник, конечно, не поверил. Но Матиушу это безразлично. Он смертельно устал. Мысли-пчелки молчат, не подсказывают, как быть, куда идти. А ноги сами несут его к столице. Матиуша терзает голод, силы на исходе.

Поблекшая, мятая фотография королевы (кроме него, пожалуй, никто и не догадается, что это королева), ракушка, камешек, черный как уголь кусочек сахара, огрызок карандаша да тетрадка, куда он записывает заветные мысли, – вот и все его богатство.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось наняться в пастухи.

Назвался он Марцинеком и стал пасти двух коров. Коровы привыкли к нему. И люди тоже привыкли и полюбили его.

Мальчик тихий, послушный, вежливый. И личико печальное, а печальнее всего, когда он улыбается. Посмотришь, и плакать хочется.

– По глазам видно, хлебнул мальчонка горя.

Заморозки, дождь, град, жара, а ему все нипочем: пасет своих коровушек. И ни разу не побежал с ребятами в лес за земляникой, ежевикой, черникой. Ни разу его корова не зашла в чужое поле, не потравила чужие посевы.

Но по-настоящему оценили его крестьяне, когда на деревню напала какая-то странная хворь. Что за болезнь, не поймешь: два дня озноб трясет, кости ломит, хоть криком кричи, в голове шумит, грудь разрывается от кашля. А потом – слабость, ноги подкашиваются.

Кто неделю в лежку лежит, кто и больше. Во всей деревне один Матиуш на ногах. Всем поможет, никому не откажет, и любое дело в руках у него спорится.

Крестьяне уважают людей сильных, выносливых: «На вид заморыш, а оказывается, во какой двужильный!»

Хозяева, у которых Матиуш коров пас, полюбили его и уговорили остаться на зиму. Он согласился.

Со сверстниками Матиуш мало разговаривал. Мальчишки, известно, народ любопытный, им хочется знать, кто он да откуда.

– Воображала, отвечать не желает!

– Нос дерет.

Попробовали втянуть его в свою компанию:

– Айда за грушами! Садовник уехал.

– Не пойду.

– Трусись?

– Нет, просто не хочу.

Мальчишки убежали, оставив коров на его попечение. Знают, бессовестные, что он безропотный, не откажет. Воротились, протягивают в награду груши:

– Бери.

– Спасибо.

– Спасибо скажешь, когда отведаешь. Не хочешь? Почему?

– Потому что краденые.

«Раз сам не берет, – думают мальчишки, – значит, наябедничает». Но он не наябедничал.

– Ты груши воровал, сорванец? – грозно спрашивает его садовник.

– Нет.

– А кто воровал, знаешь?

– Знаю, но не скажу.

– Ишь фрукт какой!.. Мой вам совет: не спускайте глаз с этого бродяжки. В тихом омуте черти водятся.

Садовник в сердцах хлопнул дверью и ушел.

– Мне уйти? – робко спрашивает Матиуш, а у самого сердце екнуло: вдруг прогонят.

– Разве тебе у нас плохо?

– Хорошо, но садовник на меня рассердился. Как бы у вас неприятностей не было из-за меня.

– А ты не упрямься. Коли видел, кто воровал, скажи.

Матиуш печально улыбнулся: разве расскажешь все, что он видел.

Наступила зима.

– Можно мне в школу ходить?

– Иди, если примут. Зимой работы мало.

И Матиуш пошел в школу.

– Приблуда в школу идет!.. Бродяга идет в школу!.. Нищий учиться захотел!.. – с криком бегут за ним мальчишки.

Матиуш не знает школьных порядков: входит со всеми в класс, садится за парту.

– Это мое место, я всегда здесь сижу.

И за какую бы парту Матиуш ни сел, отовсюду его гонят и смеются. Потеху устроили.

– А учительница тебя записала?

– Нет.

Матиуш стоит у стены, а мальчишки вокруг столпились.

– Вот дурак! Ну и стой столбом. Посмотрим, что учительница скажет.

Прозвенел звонок. Все сели за парты и ждут.

Входит учительница:

– А ты кто?

– Марцинек.

– Зачем пришел?

– Учиться.

Ребята покатались со смеху, а учительница нахмурилась.

– Кто его сюда привел?

– Никто. Сам пришел. Летом коров на выгоне пас.

– И груши воровал.

– Он найденыш.

– Приблуда.

А Матиуш молчит, будто его это не касается. Верно, что бродяга: полсвета исходил и изъездил.

Ребята перебивают друг друга, кричат, а учительница смотрит пристально на Матиуша, словно вспоминает, на кого он похож.

– Марцинек, ты видел меня когда-нибудь?

– Нет, первый раз вижу.

– А мне кажется, я где-то видела тебя.

– Он приблуда!

– Оборотень!

И опять все хохочут. Тут распахнулась дверь, и в класс влетел директор школы.

– Это что за безобразие?! – заорал он и за уши выволок двух мальчишек с первой парты в коридор. – Вы что, не знаете, как себя в школе вести? – Погрозил линейкой и ушел.

Учительница смутилась, вот-вот заплачет.

– Садись, Марцин, на первую парту. Дайте ему книжку. Ты читать умеешь?

– Умею.

А мальчишки из озорства суют ему книжку вверх ногами.

Матиуш прочел без запинки.

– Теперь расскажи.

Матиуш рассказал своими словами, но ничего не пропустил.

– А историю знаешь?

– Немножко.

– Расскажи про Павла Завоевателя.

Матиуш рассказал подробней, чем в учебнике.

– Иди к доске. Пиши задачу.

Но задачу Матиуш решить не сумел.

– Иностранные языки знаешь?

Мальчишки перестали смеяться, смотрят разинув рты и молчат.

А когда учительница спросила Матиуша о животном и растительном мире тропических стран и он заговорил, в классе воцарилась мертвая тишина.

Матиуш смотрит в окошко и говорит, будто все это перед собой видит. Пальмы выглядят так, а лианы – вот так. Бананы сладкие У фиников косточки продолговатые и гладкие. Кокосовые орехи – во какие! У носорога пасть огромная, и сам он с полкомнаты. Детеныши у них поменьше. А бывают носороги еще больше...

Матиуш рассказал про львов, тигров, гиен, леопардов, слонов, крокодилов, обезьян, канареек.

– Не иначе, своими глазами все видел. По книжке так не расскажешь, – перешептываются ребята.

XXVIII

Матиуш остался пока в младшем классе, а подгонит арифметику, перейдет в старший, к учителю.

Учительница полюбила его, а ребята относятся к нему настороженно, недоверчиво. И так и этак пробуют подъехать. То пошутят и ждут, рассмеется он или нет. То толкнут и ждут, даст ли сдачу В друзья набиваются, чтобы вывести, кто он такой. И выжидают, когда же он покажет себя.

– Да ты не бойся! – подбадривают они его. – Учительница добрая, не то что учитель.

Слово «добрая» они произносят снисходительным тоном, будто это недостаток, а не достоинство.

Когда очередная попытка привлечь Матиуша на свою сторону не удастся, ребята, потеряв терпение, цедят сквозь зубы:

– У, приبلуда!

Матиуш слышит, как они бормочут себе под нос: «тихоня», «святоша», «подлиза», «девчонка», и вспоминает канарейку и ее собратьев – вольных птиц.

«Они тоже ее не понимали».

Учительница замечает: в классе происходит неладное, но надеется, что в конце концов ребята привыкнут к новичку. Однажды кто-то нарочно забрызгал чернилами тетрадку Матиуша. Это переполнило чашу ее терпения.

– Ах вы негодники! – закричала она, покраснев от гнева. – Чего вы к нему пристаёте? Из зависти, что он больше вас знает?

– Есть чему завидовать – дырявым сапогам! – нагло сказал сын деревенского богатея. Ему купили новую шапку, вот он и важничал.

В классе не любили этого задавалу и лентяя, но связываться не хотели: боялись его здоровенных кулачищ.

– Вы за него заступаетесь, будто он ваш жених... – заявил грубиян молоденькой учительнице. – А ты чего на меня уставился? – прикрикнул он на Матиуша.

– Глаза есть, вот и смотрю, – ответил Матиуш и слегка покраснел.

– А я не желаю, чтобы ты таранился на меня, слышишь? – грозно сказал оболтус и шагнул к Матиушу.

Матиуш прищурился. Стоит в выжидающей позе.

– Ишь, сощурился, бродяга!

Матиуш вспомнил драку на необитаемом острове. Как тогда, что-то необъяснимое произошло с сердцем, с головой, с руками.

– Ну, чего уставился?

– А ты мне что, смотреть запретишь? – невозмутимо ответил Матиуш и положил на всякий случай руку на парту, поближе к чернильнице.

– Подраться захотел?

– Нет.

– По морде получить хочешь?

– Нет.

– Смотри, дождешься!

– Не дождусь.

Учительница спешит на помощь, но поздно. Силач схватил Матиуша за вихры и изо всех сил саданул кулаком в грудь. А потом – раз головой об парту!

– Дерутся! Дерутся! – завопили ребята, повскакав с мест, и тесным кольцом окружили дерущихся.

– Безобразие! Что здесь происходит! – В класс с перекошенной от злости физиономией ворвался директор. – Вот до чего вы их распустили! Ученики уже дерутся у вас на уроках! У меня и без ваших сорванцов хватает хлопот!

Матиуш сдвинул брови, заложил руки за спину и внимательно слушает. «Надо помочь учительнице», – решил он.

Порядок был восстановлен, и урок продолжался. После звонка Матиуш приоткрыл дверь в учительскую и спросил:

– Можно войти?

– Тебе чего, Марцинек?

– Разрешите мне, пожалуйста, сделать одну вещь, не то я перестану ходить в школу. Не хочу, чтобы у вас из-за меня неприятности были.

– Что же ты хочешь сделать?

– Это секрет.

Вошел директор и накинулся на Матиуша:

– Ты чего здесь делаешь? Разве тебе не известно, что ученикам сюда вход запрещен?

– Это незаурядный мальчик, – робко сказала учительница, когда за Матиушем закрылась дверь.

– У вас все незаурядные. – Директор издевательски засмеялся. – Один – талантливый художник, другой – выдающийся математик. А все, вместе взятые, они самые заурядные сорванцы. В этом году уже два окна разбили.

От школы до дому две версты. Матиуш шагает по дороге, заложив, по своему обыкновению, руки за спину, и размышляет о случившемся. Вдруг его догоняет тот самый мальчик, которого учительница считала талантливым художником.

– Не расстраивайся. Они скоро от тебя отстанут. Мне сначала тоже прохода не давали.

– Почему?

– Не любят тех, кто лучше их умеет что-либо делать.

– Почему?

– Наверно, от зависти. Не все такие, но есть несколько заводил, которых все слушаются. Хочешь, я тебе картинку нарисую? А что тебе нарисовать? Ты тогда здорово про жаркие страны рассказывал. Повтори еще раз, и я тебе нарисую Матиуша на необитаемом острове.

– Но ведь Матиуш умер.

– Ну и что? Если умер, значит, рисовать нельзя? Твои хозяева разрешат, чтобы я пришел к тебе вечером?

– Спрошу. Думаю, разрешат. Они хорошие люди. Книжки мне купили, тетрадки. И

сапоги обещали купить.

– Вот свинья, рваными сапогами попрекает! Подумаешь, новую шапку заимел и нос дерет! Хорошо, что ты с ним связываться не стал. У него отец – богатея, дружбу с самим директором школы водит. Поэтому он и распоясался. Но ничего, мы ему покажем! Поймаем подальше от школы и темную устроим. Не забудь про картинку!

– Спасибо.

Идет Матиуш дальше. Повалил густой снег. Снежинки кружатся, танцуют в воздухе, и мысли-пчелки проворнее снуют в голове.

«Вот чудно! Раньше управлял целым государством, а теперь с одним классом справиться не могу. Речи произносил в парламенте, а теперь с мальчишками стыжусь говорить. Теперь мне понятно, почему Стефан не хотел связываться с ними. Как начнут приставать, дразнить, высмеивать, не знаешь, куда деваться. Хотя что они мне скажут нового? Приблуда? Сапоги каши просят? Ну и пусть. Так всегда: один начнет, а другие повторяют, как попугаи.»

На другой день Матиуш на первом же уроке поднял руку.

– Я знаю, вы называете меня чужаком, бродягой, приблудой. Да, у меня рваные сапоги. Если вы не хотите, я не буду ходить в школу. Почему ваша учительница должна страдать из-за меня? Давайте устроим голосование. Если большинство «против», я уйду из школы. Но если только один «против», а остальные «за», я останусь. Не думайте, что я боюсь вас. Я готов драться с каждым, но только не в школе. Назначим место и будем биться при свидетелях. Вот вы слушаетесь учителя, потому что боитесь побоев. А по-моему, наоборот, надо слушаться того, кто не бьет. Пока дети не перестанут драться между собой, они не имеют права требовать от взрослых, чтобы те их не били. Пока ребята не перестанут драться и швырять друг в друга камнями, на земле не прекратятся войны, а значит, будут и сироты, потому что на войне убивают отцов. Конечно, без ссор не обойдешься, но надо собраться всем и рассудить, кто прав, кто виноват, а не пускать сразу в ход кулаки.

Пока Матиуш говорил, то в одном, то в другом конце класса слышались приглушенные голоса:

– Во дает!

– Лекцию читает.

– Новый учитель объявился – приблуда!

– Совсем рехнулся!

– Проваливай отсюда!

Под конец Матиуш сказал:

– Кто «против», поднимите руку. Думаете, я не слышу, что вы бормочете? Но я считаю ниже своего достоинства обращать на это внимание. Я встал и открыто, во всеуслышание высказываю свои мысли. А вы знаете, что вы не правы, вот и ворчите себе под нос. Так поступают только трусы. Итак, кто за то, чтобы я не ходил в школу, поднимите руки!

Поднялся целый лес рук. Учительница хотела вмешаться, но Матиуш быстро собрал книги и тетрадки и покинул класс.

По дороге его догнал мальчик из класса и сказал, чтобы он вернулся. Произошла ошибка. Ребята не поняли. Он сам поднял руку, – подумал, так надо, чтобы Марцинек остался в школе.

– Вот увидишь, они больше не будут к тебе приставать. Теперь мы знаем, кто на тебя натравливал ребят. Ну что тебе стоит попробовать. Воротись, Марцин! Не будь таким гордым! Говорю тебе, ребята ошиблись. Воротись!

Матиуш как будто внимательно слушает товарища, но слова не доходят до его сознания. Жалко, конечно, расставаться с учительницей, со школой. Но ничего не поделаешь. Значит, не судьба. Отовсюду его прогоняют, всюду он лишний. И в самом деле, ведь Матиуш умер, чего же он скитается, как тень, по свету? Чего ждет от людей? Как славилось ему на необитаемом острове! А разве плохо было бы у Кампанеллы разгуливать по апельсиновой роще? Преступники – и те были к нему добры. А теперь ему

так горько, так горько, хоть плачь...

Воротился Матиуш домой, а в голове молотком стучит: «Из школы прогнали! Из школы прогнали!»

Достал он из потайного местечка дневник и записал:

«Жизнь – тяжелая штука», говорил Валентий. Раньше я не понимал, что это значит. А теперь понимаю.

Опять скандал, да еще какой! Везде, где бы Матиуш ни появлялся, начиналась кутерьма. Что получилось, когда он был королем, известно. И так всегда: среди негров, белых королей, взрослых, детей он все вверх дном перевернет, какое-нибудь новшество придумает, старые порядки изменит, и люди прозревают, словно до тех пор были слепые.

Тихая деревушка уподобилась растревоженному улью. Ребята разделились на две партии: на сторонников и противников Матиуша

– Этот бродяга заявил, что учителя нечего слушаться, раз он дерется. И еще грозился избить всех, у кого новые шапки и целые сапоги. А учительница сказала: надо, мол, уговорить его, чтобы он ходил в школу. Подумаешь, важная птица! У нас вон ручка пропала в классе. Небось он украл, а теперь боится, как бы его не уличили, и обиженного из себя корчит.

За ребятами – взрослые: одни хвалят учителя, другие – учительницу.

Хозяева, у которых жил Матиуш, горой стоят за своего пастушонка:

– Мальчик тихий, послушный, работающий, а рассуждать начнет, заслушаешься – ни дать ни взять, мудрец. Марцинек прав!

– Ишь благодетели нашлись! Вместо того чтобы языком трепать, вы бы лучше сапоги ему новые справили! Как ему, голодранцу, новой шапке не позавидовать!

Началось с Матиуша, а потом пошла настоящая свара: стали соседи друг с другом счета сводить да старые обиды припоминать. Этот – известный лодырь, тот – пьяница, а тот фальшивые показания на суде давал.

– Яблоко от яблони недалеко падает. Какой отец, таков и сын!

Нашлись даже противники школ. Они считали, что без них было лучше.

– Раньше читать не умели, зато грешили меньше.

– От ученья ребята совсем от рук отбились, работать их не заставишь.

– Стариков не уважают и зажиточных, солидных хозяев ни во что не ставят...

Целую неделю в деревне бурлило, как в кипящем котле.

«Пойду-ка я в школу», – подумал Матиуш.

Для вида он прилежно занимается арифметикой, но в старший класс, к учителю, переходить не торопится. Ведет себя, как раньше: нос не задирает, но и не робеет. Домой теперь возвращается не один, а с тем мальчиком, который хорошо рисует. И с ним сидит на одной парте. Матиуш по-прежнему не выносит лжи. Набедокурят, например, в классе, Матиуш – ничего, сидит и ждет. Если учительница не спросит, кто это сделал, смолчит. Но если спросит, а виновник не признается, Матиуш показывает на него и смело говорит:

– Это он!

После уроков мальчишки грозятся:

– Погоди, доносчик проклятый, мы тебе покажем!

– Доносчик все делает исподтишка. А ты трус, коли у тебя смелости на хватает самому признаться.

Так ни разу он ни с кем и не подрался. Мальчишки чувствовали: лучше с ним не связываться.

У Матиуша что-то есть во взгляде, как у лорда Пакса: посмотрит пристально, и озорники присмирят.

Каково же было удивление ребят, когда Матиуш согласился играть в снежки.

– В кого три раза угодят снежком, тот убит. Кто упадет, тот в плен попал, – говорит

Матиуш, припоминая сражения в королевском парке.

Матиуш не командир, но признанный полководец. И все беспрекословно ему подчиняются. Но он не зазнается, и никто не слышал, чтобы он кому-нибудь сказал: «Э, много ты понимаешь, болван!» Каждого внимательно выслушает и, если совет дельный, согласится, а если так себе, изменит немножко, и получается как надо, но никому не обидно. А если совет никудышный, объяснит почему.

– Надо генералов выбрать, – предложил кто-то.

– Зачем? – возразил Матиуш. – Давайте лучше сделаем так, пусть каждый пять раз бросит в цель, и самых метких стрелков распределим поровну между двумя отрядами.

Мальчишки норовят схитрить. Кто нарочно плохо целится, кто промахнется и спорит, что попал. Но Матиуша не проведешь: он зорко следит за состязанием.

– Давайте условимся: не обижаться и не спорить.

Генеральное сражение все откладывалось: то оттепель, то снег слишком сухой – снежки рассыпаются. Но Матиуш советует не торопиться.

Поспешишь – людей насмешишь.

Старшеклассники напрашивались играть с ними.

– Нет, – сказал Матиуш, – сначала мы сами попробуем.

Три дня длилась подготовка к битве: строили крепости, насыпали снежные валы.

Матиуша больше не считают гордецом. Ребята полюбили его. Кто столько интересных сказок знает? Только Матиуш. Чтобы ребята не догадались, что сказки негритянские, Матиуш изменял имена.

С каждым днем растет его слава. А вместе с ней любопытство: кто он и откуда? Известно, что его отец тюремный надзиратель, и все.

– Марцинек, ты видел преступников?

– Это правда, что их по глазам можно узнать?

– А ты много стран повидал?

Матиуш старается перевести разговор на другую тему. Но мальчишки – народ упорный.

– Не увиливай, расскажи нам всю правду.

– Что? – переспрашивает Матиуш, будто не понимает, о чем идет речь.

– Дай честное слово, что расскажешь все, как было.

– Честное слово, расскажу, когда придет время.

Но, откровенно говоря, Матиушу очень не хочется, чтобы это время наступило. Опять он обжился здесь, привык, и его все полюбили. В школе – хорошо, и с ребятами он ладит. Есть среди них, правда, несколько шалопаев, но они стараются исправиться. Ведь сразу это никогда не получается.

– Думаешь, я сам не знаю, что я задира и драчун? Ну, говорю я себе, с понедельника исправлюсь. Проходит понедельник, вторник, а я все такой же, – жаловался Матиушу один.

– Не пойму, почему мне так нравится злить других. Это я еще себя сдерживаю, а то бы со мной никто и водиться не стал, – признавался другой.

– Теперь я смирный, а знал бы ты меня раньше! Мне, бывало, все равно: собака ли, курица, старик, лошадь, ребенок. У меня будто руки чешутся. Схвачу камень или палку, размахнусь, и – раз! Вот погляди, – и показывает на голове, на руках, на ногах большие и маленькие шрамы. – Вот это след конского копыта. А здесь топором по пальцу ткнул. А это стеклом от разбитой бутылки порезался – кровь хлестала, еле остановили. Тут вот собака укусила, когда я санки ей к хвосту привязывал. Постарше стал, за ум взялся, а то страх что вытворял! – рассказывал третий.

Матиуш всех выслушивал и одному советовал одно, другому – другое. Но каждому говорил: не падай духом. Не опускай рук. Старайся.

– Главное – сильная воля. Но с неба она не свалится, ее надо воспитывать в себе, тренировать. Захотелось, например, тебе доплыть до маяка, но без тренировки ты только из сил выбьешься, а цели не достигнешь. Или, представь себе, что ты дикарь...

И, увлекшись, Матиуш начинает рассказывать про негров, как человек, который сам их видел.

Ребята часто вспоминают в разговорах короля Матиуша.

– Был бы жив король Матиуш, учитель не посмел бы нас за уши драть.

– Вот тут по распоряжению короля Матиуша начали строить карусель.

– А шоколадки – помните? Только три раза выдали, и то не всем досталось.

– В столице, говорят, взрослые в школу ходили, а ребята их по рукам били и в угол ставили. Вот потеха!

И ребята весело смеялись, будто вспоминая забавную историю. А Матиушу становилось не по себе. Он умолкал и тяжело вздыхал.

Он словно предчувствовал, что скоро кончатся тихие, безмятежные дни. И впереди ждут его борьба и заботы.

Отчасти предчувствовал, а отчасти знал от людей, которые читали газеты.

В газетах сообщили о смерти Старого короля и что на престол снова вступил его сын. Молодой король дорвался до власти и сразу же заключил военный союз с царем Пафнутием. В армии вспыхнул мятеж (солдаты и офицеры его не любили), но он расстрелял бунтовщиков и объявил, что впредь будет поступать так с каждым, кто пойдет против него. А королям заявил, что они обманым путем отняли у него порт. С Печальным королем он окончательно рассорился.

– Ты ведь сам подписал договор, – урезонивали его короли. – А договор королей отменить нельзя.

– Подписывал, во-первых, не я, а отец, а во-вторых, Матиуш на Фуфайке целых два договора подписал, ну и что?

– Верно, но Матиуш был пьяный.

– А кто ему велел напиваться? Потом, одно дело, будь он жив, а другое – когда он умер. «Война спит», – пришли Матиушу на память слова зрителя маяка.

Спит, но в любой день может проснуться.

И Матиуш сидел на уроках с отсутствующим видом, не слушая вопросов учительницы. Но кто знает, какие важные проблемы решал он в эти минуты.

– Марцинек, на уроках надо быть внимательным, – пожурела его учительница.

– Я постараюсь.

Беспокойство Матиуша росло с каждым днем. Он забросил игры с ребятами, по ночам лежал с открытыми глазами и вздыхал. «Видно, сглазили парнишку», – решил хозяин и собрался везти Матиуша к доктору.

И вот война проснулась. Матиуш в последний раз отправился на уроки.

– Я больше не буду ходить в школу, – сказал он. – Спасибо вам и товарищам за все.

– Что случилось? Почему? – посыпались со всех сторон удивленные вопросы.

– Я еду в столицу, – с трудом выговорил он. Слова застревали в горле, а в уголках глаз блеснули две большие слезы и медленно покатались по щекам.

Наступила гнетущая тишина. А Матиуш стоял и сосредоточенно тер кулаком лоб.

– Это неправда, что король Матиуш умер. Я – Матиуш Реформатор, но я должен был скрываться.

Известие было ошеломляющим. Словно гром грянул среди ясного неба. Так бывает только в сказках, но все почему-то сразу поверили. Как это им самим не пришло в голову? Как же они сразу не догадались, что Марцинек – это король Матиуш?

XXIX

Ночь. Тишина. Только в королевском кабинете тикают часы. Матиуш сидит за письменным столом и еще раз перечитывает воззвание к королям.

Только что закончилось заседание министров, на котором одобрили воззвание к королям всего мира.

«Давайте заключим мир, пока не поздно! Молодой король немедленно должен отозвать свои войска. Довольно проливать кровь! Если бы не угроза новой войны, я бы ни за что не вернулся в столицу. Мне так хорошо жилось среди добрых, простых людей. Когда мир будет восстановлен, я опять отрекусь от престола. Народ выберет себе президента и будет вместе с ним управлять страной. Я не хочу быть королем.

На Молодого короля я не сержусь, хотя он причинил мне много зла. Зато я многому научился и многое понял. Я самый юный король на земле, но, не хвалясь, могу сказать, что знаю больше взрослых. Дети вообще не глупей взрослых. Просто им не хватает жизненного опыта. Благодаря Молодому королю я приобрел жизненный опыт и закалил волю. Молодой король имеет дело только с генералами, а я – с солдатами тоже; он знаком только с так называемыми порядочными людьми, а я познакомился с преступниками. Молодой король знает взрослых, а я – детей. Молодой король видит народ, когда он рукоплещет и кричит «ура», а я знаю, как он живет, трудится, ссорится, мучается. Я на себе испытал, как в народе относятся к сиротам.»

Матиуш зачеркнул что-то, добавил, чтобы было понятней. Завтра он покажет свои поправки министрам, и письма разошлют во все страны.

Министры были теперь новые. Из старых остались военный министр, министр просвещения и министр юстиции. Но за это время они подобрали и поумнели.

– Теперь я знаю, – попивая чай в перерыве между заседаниями, говорил министр просвещения, – почему мальчишки хулиганят. Одни могут сидеть тихо на уроках, а другие – нет, такой уж у них беспокойный характер. Надо устраивать побольше экскурсий, игр на свежем воздухе. Ребятам хочется побегать, попрыгать. Поэтому они удирают с уроков, а некоторые совсем бросают школу, нанимаются газеты продавать, носятся по улицам, катаются на подножках трамваев.

Министр юстиции, столкнувшись с жизнью, меньше значения стал придавать разным параграфам, кодексам и прочим формальностям.

– Когда я работал кондуктором, – вспоминал он, – я безошибочно определял по лицу, кто с билетом едет, а кто норовит зайцем прокатиться.

Матиуш взглянул на часы и протянул руку к стопке писем. Телеграмма от Клу-Клу.

Очень хочется приехать, но некогда. В Африке начали строить каменные дома. Построили шестьсот сорок каменных школ. Ох, как я рада, что ты жив!

Письмо от Печального короля.

Хватит, не позволю больше водить себя за нос, – писал он между прочим.

Матиуш прикинул в уме, сколько у него будет союзников, если все-таки придется воевать. И на всякий случай обдумал, с каким воззванием обратится он к солдатам.

«А может, пригласить лорда Пакса? Он все знает, и никто лучше не умеет справляться с королями.»

Пчелки-мысли порхают, теснятся в голове, и в памяти всплывают картины недавнего прошлого. Надо написать письмо учительнице и смотрителю маяка, пусть не думают, что он зазнался и забыл о них.

– Бррр! – Матиуша передернуло, когда он вспомнил о большущих мешках с письмами, которые ему приходилось читать.

Он вышел в парк. Светила луна. Ослепительно сверкал снег. До чего красиво! Ему знаком здесь каждый кустик, каждая тропинка. Тут он катался с отцом на пони. Вон в том малиннике познакомился с Фелеком. Интересно, где он?.. Здесь устраивали фейерверк, а в том пруду искали его, когда он убежал на войну.

Все вроде по-старому и в то же время не похоже. «То ли действительно что-то изменилось, то ли я сам изменился? Наверно, дело во мне. Ведь я воротился словно с того света.»

И вдруг ему захотелось покататься на коньках. Он вбежал во дворец и нашел коньки на прежнем месте.

«Вот здорово! Я полсвета исколесил, а они лежат себе преспокойненько на месте.»

Светит луна. В королевском парке – ни души. А Матиуш скользит на коньках по зеркальной поверхности пруда. Министр прав: хорошо побегать после целого дня работы.

На следующее утро Матиуш проснулся поздно. Сладко спалось ему на королевской постели. А когда открыл глаза, первой мыслью было: сон это или явь?

Короли во всем мире уже знали из газет, что Матиуш жив. Одни искренне радовались, другие боялись, как бы он опять не выкинул чего-нибудь. Однако воззвание всех успокоило.

На имя Молодого короля посыпались телеграммы с требованием немедленно отвести войска:

Если войска перейдут границу, будет поздно. Тогда пеняйте на себя.

Молодой король, прочтя газету, позеленел от злости. А он-то рассчитывал ознаменовать свое вступление на трон победоносным походом в страну Матиуша. Тогда его пошатнувшийся авторитет, несомненно, укрепился бы. Кабы не Старый король, которого все любили и уважали, народ давно бы установил республику. «Поцарствовали, и хватит! – роптал рабочий люд. – Чем мы хуже других народов, которые прекрасно обходятся без королей!»

– Бояться нам нечего. Царь Пафнутий за нас, – хорохорился Молодой король на военном совете. – Если я приостановлю наступление, вспыхнет бунт. Итак, вперед!..

«Надо покончить с Матиушем, пока не подросли его союзники, – рассуждал Молодой король. – Сначала одержать победу, а потом вести переговоры и диктовать свои условия.»

Генералов этот план не вдохновил. Но ничего более дельного они придумать не смогли. И главное, боялись брать на себя ответственность. «И так плохо, и эдак нехорошо», – сокрушались они. Итак, вся надежда на Пафнутия. А он, не будь дурак, увидел, что все за Матиуша, – и на попятный.

– Ах вот ты какой! Слова не держишь! погоди, я тебе покажу!

– Подумаешь, напугал! А что ты мне сделаешь? Войну объявишь? Против тебя весь мир, потому что ты известный интриган и мошенник! Даже собственное войско ненавидит тебя. Берегись измены!

Но разве поможет осторожность, когда к человеку пылает ненавистью весь народ?

Между тем весь мир готовился к войне с Молодым королем.

Генералы видят, дело дрянь, и тайне от короля собрались на военный совет.

– Допустим, Матиуша мы победим, но против нас двинут свои войска другие короли. Весь мир не одолеешь.

– Нет, господа, нечего обольщаться, с Матиушем нам не совладать. Солдаты боготворят его, а нашего короля ненавидят. Кроме того, они защищают свою страну, а мы на них нападаем, значит, мы агрессоры. И потом, мы у них в печенках уже, они ведь не забыли, как мы хозяйничали после той победы. Поэтому давайте лучше обсудим, что делать в случае поражения.

Тут, пыхтя и сопя, встал самый толстый генерал.

– Если у вас не хватает смелости сказать прямо, для чего мы здесь собрались, я скажу за всех, – отрезал он. – Мы собрались не для того, чтобы втирать друг другу очки. И не обсуждать ход военных действий. Об этом мы могли бы поговорить и в присутствии короля. – Тут толстяк засопел, как паровоз, выпучил глаза, лицо у него налилось кровью – казалось, его вот-вот хватит удар. – Так вот, мы собрались на тайный совет, чтобы предать короля! – выкрикнул он. – И давайте не терять времени даром, не то это плохо кончится: нас

всех арестуют.

Генералы были шокированы прямолинейностью толстяка.

– Вам никто не давал права говорить от имени всех присутствующих! – запротестовали они. – То, что вы называете изменой, другие считают единственным спасением для короля.

– Ха-ха-ха! – У толстяка затрясся живот от смеха. – А он что, просил вас спасти его? Нет, господа, нечего лицемерить! Надо называть вещи своими именами. Наш тайный совет – совет изменников!

– Что же делать?

– Есть две возможности: либо схватить Молодого короля и выдать Матиушу, либо махнуть на него рукой и удирать самим, пока не поздно.

Молодому королю стало известно о заговоре раньше, чем генералы разошлись по домам. Но что он мог сделать, когда против него был весь народ, все генералы, весь мир!

Он оседлал коня и галопом поскакал к Матиушу.

Осадив взмыленного коня перед окопами противника, Молодой король поднял руки вверх и стал размахивать белым платком. Все ясно без слов: человек сдается. Солдаты взяли его в плен, отвели в штаб полка, оттуда – в штаб дивизии. Только в штабе армии узнали Молодого короля и тотчас сообщили в ставку.

Ставкой, или штаб-квартирой, называется помещение, где живет полководец или король. В мирное время короли живут во дворцах, а во время войны в обыкновенных хатах, но для важности их называют штаб-квартирами.

Матиуш приказал всем выйти и остался наедине с Молодым королем.

– Ваше величество, в обращении к королям говорится, что благодаря мне вы узнали жизнь и закалили волю и что вы не сердитесь на меня. Ну вот...

И не договорив – бух на колени. Матиушу стало стыдно за него. До чего может трусость довести человека!

– Встаньте, ваше величество! Все, что я написал, – сущая правда. Вам нечего бояться. Месть не входила в мои расчеты, я должен был защищать свою родину.

Срочно созвали министров посоветоваться, как быть. И постановили: войска Молодого короля немедленно покинут чужую территорию, а Молодой король временно поселится во дворце Матиуша. И будет ждать, что решит его народ.

Но армия и народ не стали дожидаться распоряжений Молодого короля. Солдаты разошлись по домам, а народ провозгласил в стране республику. Молодому королю назначили пожизненную пенсию, чтобы не умер с голоду. Ни для кого не секрет, что он умел работать только языком. Пусть делает что хочет, живет где хочет, но при одном условии: не пакостить и не интриговать.

Воротился Матиуш в столицу, но не радуют его ни развевающиеся знамена, ни нарядные толпы, ни приветственные клики, ни пушечная пальба, в его честь.

«Конечно, когда человеку хорошо, друзей хоть отбавляй. Но истинные друзья познаются в беде», – думал Матиуш.

Одно его порадовало: дети впервые вышли на улицы с зелеными знаменами, и полиция их не разгоняла.

Прямо с вокзала Матиуш поехал в парламент.

– Миссия моя окончена, – заявил он. – У вас есть министры, управляйте страной сами. Только помогите мне найти работу на фабрике. Я хочу сам зарабатывать себе на хлеб. Сниму каморку, буду работать и ходить в школу.

Депутаты просят Матиуша отказаться от этой затеи. Предлагают ежемесячно выплачивать ему деньги, чтобы он по-прежнему жил в королевском дворце. Но Матиуш ни в какую.

Ну, ладно, пусть тогда напишет книжку о своих приключениях. Ее напечатают, и он

получит много денег. Народ обожает книжки про королей, про необыкновенные приключения и про бандитов. Матиуш и на это не согласен.

– Хочу работать на фабрике, учиться в школе и жить как все.

Видят депутаты: просить бесполезно. И кое-кто решил извлечь из этого выгоду для себя.

И вот владелец папиросной фабрики предложил Матиушу работать у него. «Весть об этом моментально разнесется по стране, и все будут курить только мои папиросы», – смекнул хитрый делец. Это называется рекламой.

Другой сказал:

– На моей фабрике изготавливаются духи, и там очень приятно пахнет.

Фабриканты и торговцы вошли в такой раж, что позабыли о приличии. Они форменным образом вырывали Матиуша друг у друга из рук.

– Ах ты обманщик! У тебя на фабрике грязь непролазная!

– А у тебя темно и тесно, как в норе.

– А твои рабочие от голода еле ноги таскают.

– А у тебя станки допотопные. Их давно на свалку пора!

Тут встал депутат-рабочий и спокойно сказал:

– Господа, прекратите торговаться! Вы не на базаре, а в парламенте. Давайте лучше сделаем так: пусть каждый приведет свою фабрику в порядок. Потом выберем комиссию, и она решит. Где чище, светлей и воздуха больше, там и будет работать Матиуш. Прошу поставить мое предложение на голосование.

– Привести фабрики в порядок – это хорошо. Но голосовать не стоит, я сам найду себе место.

Закипела работа. Любо-дорого смотреть! Красят, убирают, перекладывают печи, чтобы грели лучше, устанавливают электрическую вентиляцию, строят новые туалеты и душевые для рабочих. А мастера вежливые, будто в пансионе для благородных девиц учились. Через месяц фабрик не узнать. Все, как одна, сияют чистотой. Еще бы! Каждому фабриканту выгодно заполнить Матиуша.

Комиссия осмотрела фабрики, а какую выбрать, не знает – все хороши. Из затруднительного положения вывел их сам Матиуш.

– Спасибо за хлопоты. Но я говорил, что сам подыщу себе место. Я буду работать у одного небогатого фабриканта. Он всегда больше заботился о нуждах своих рабочих, чем о прибыли. Поэтому у него не оказалось денег на ремонт. Но фабрика его пользуется доброй славой среди рабочих.

Фабрика, которую выбрал Матиуш, была небольшая и находилась на окраине.

Оказалось, учиться в школе и работать на фабрике невозможно: времени не хватает. Но Матиуш об этом не знал. Поэтому уговорились так: пока не овладеет ремеслом, он будет работать целый день наравне с остальными, а потом постарается делать все побыстрее и уходить пораньше. Никто не возражал. Честность и принципиальность Матиуша были известны всем и каждому.

Матиуш снял комнатенку в мансарде, с железной печуркой. На печке он разогревал завтрак.

Хлопот с хозяйством оказалось очень много. То щетки нет, то кастрюли, то ведра – и так без конца. Каждую вещь надо купить, а где денег взять?

Встает Матиуш чуть свет. Застилает кровать, чистит ботинки и брюки, растапливает печурку, кипятит чайник, подметает пол. Потом завтракает сам и кормит воробьев: высыпает им хлебные крошки на подоконник. С собой берет фляжку с кофе. А там, глядь, и выходить пора – скоро фабричный гудок!

Приятно каждый день встречать по дороге одних и тех же прохожих, наблюдать те же картины.

На лестнице здороваются он с Янеком, который торопится по утрам в школу. Во дворе извозчик моет пролетку. Дворник подметает тротуар перед домом. Из лавочки напротив

выбегает пес и виляет хвостом, словно говорит Матиушу: «Здравствуй!»

Поначалу Матиушу не давали прохода зеваки: стоят, таращатся, показывают пальцами.

– Матиуш идет!

– Глянь-ка, король Матиуш!

Но все зеваки в мире на один образец: ничто долго не занимает их внимания. Им все время подавай что-нибудь новенькое, диковинное, как говорится, сенсационное – неважно, если это ерунда и пустяковина.

Матиуш скоро потерял для них интерес, и они перестали его замечать. Подумаешь, невидаль! Тысячи точно таких же парнишек ходят на фабрики, а вечером, чумазые, возвращаются домой.

Зато хорошие, серьезные люди с каждым днем все больше уважали Матиуша. Старые рабочие первыми здоровались с ним. Девочка, которую он встречал по утрам, приветливо улыбалась ему и ласковым голосом говорила:

– Добрый день!

Кто она и как ее зовут, Матиуш не знал. Но ему казалось, будто они давным-давно знакомы.

Каждый день встречал Матиуш одну старушку с кошелкой. Старушка семенит мелкими шажками, останавливается то и дело, чтобы дух перевести, кашляет и добрыми глазами поглядывает на Матиуша, словно благодарит за что-то. На фабрике попытались подсунуть Матиушу работу полегче, но он запротестовал:

– Если вы считаете, что мне это не под силу, я поищу себе другое место. А поблажки мне не нужны.

Но на фабрике дорожат Матиушем. И работник он добросовестный, и честь для фабрики большая, да и дело лучше спорится, когда рядом у станка стоит мальчик, который королевской короне и роскоши предпочел тяжелый труд и лишения.

Как-то само собой получилось, что жильцы дома, где поселился Матиуш, рабочие на фабрике, даже население улицы – одним словом, все стараются сделать Матиушу приятное.

Раньше, эта захолустная окраинная улочка славилась скандалами, драками, кражами, так что полиции здесь всегда хватало дела. А теперь смутьяны и забулдыги притихли, присмирели. Кто-то из ребят выставил на подоконник горшок с цветком, и на другой день цветы появились во всех окнах. Пусть Матиуш радуется, глядя на зелень. Даже дворники стали чище мести мостовую. Словом, улица преобразилась. И полицейские с непривычки даже заскучали.

Однажды Матиуш нашел под дверью письмо.

Дорогой король Матиуш!

С тех пор как ты поселился на нашей улице, моего отца не узнать – он перестал пить, не бьет маму, не ругается. «Матиуш подал мне пример, как жить», – говорит он. Спасибо тебе.

Зося.

Матиуш догадался: наверно, это та самая девочка, которую он ежедневно встречает по дороге на фабрику. Потом он не видел ее целую неделю. Значит, ходит другой дорогой – стесняется.

XXX

Однажды к Матиушу заявился Фелек. В грязном, худом, несчастном оборванце Матиуш с трудом узнал своего веселого, озорного товарища. У Матиуша сжалось сердце. Когда беда стряется с человеком тихим, печальным, перемена не так заметна.

– Фелек, что с тобой?

Тот молчит, только слезы катятся по грязным щекам.

– Фелек, скажи, что случилось?

Фелек пожал в ответ плечами. Не хочет говорить, значит, стыдится. Надо помочь товарищу.

– Где ты живешь?

– Под мостом.

– Ты голодный?

Молчание.

– Ты где-нибудь работаешь?

– Я ничего не умею делать.

– Сначала и я не умел. Но кто хочет, тот научится.

– А я не умею хотеть.

– Захочешь – научишься.

Фелек остался у Матиуша, и они зажили вдвоем.

Матиуш встает чуть свет, а Фелек спит.

«Устал, бедняга, пускай отдохнет», – думает Матиуш.

День за днем проходит, Фелек отдыхает, а Матиуш работает за двоих. Пришлось продать отцовские часы. Когда Матиуш отрекся от престола, казначей выдал ему из королевской сокровищницы бриллиантовый перстень отца, мамыны серьги и вот эти часы. Если бы не Фелек, он ни за что не расстался бы с этими вещами, которые напоминали ему о родителях. Но нужно было купить Фелеку койку, одежду, и денег на еду уходило теперь вдвое больше.

Фелек сидит дома и курит папиросы. Накупил каких-то дурацких книжек, но даже читать ему лень.

Поэтому Матиуш очень обрадовался, когда Фелек изъявил желание пойти на фабрику.

– А меня примут? – с сомнением спросил он.

Матиуш заранее переговорил с мастером, но Фелеку ничего об этом не сказал. Еще подумает, что он для Матиуша обуза и ему хочется от него избавиться.

– Может, отдохнешь еще?

– Нет, хватит!

Теперь по утрам они вдвоем шагают на фабрику. Дорогой болтают о всякой всячине. С товарищем идти веселей.

А о том, что было, Фелек так и не обмолвился ни словом. Если стыдится, значит, нечем похвастаться.

– Вот тут приводной ремень, зазеваешься – и прощай рука! – предостерег его Матиуш. – Два года назад одному парнишке руку оторвало. А тут тоже гляди в оба, не то шестернями затынет.

– Ладно, ладно, – говорит Фелек.

Прошел месяц, и Фелека не узнать. Он освоился на новом месте, повеселел: поет, насвистывает, шутит. Одним словом, другим человеком стал.

Друзья работают рядом и всю неделю проводят вместе. Только по воскресеньям расстаются: Матиуш остается дома, а Фелек куда-то уходит.

Когда он возвращается, Матиуш точно не знает: он оставляет дверь открытой, а сам ложится. Но, видно, поздно, потому что в понедельник с трудом продирает глаза.

Матиуш не спрашивает его, где тот пропадает по воскресеньям: не хочет, чтобы Фелек расспрашивал, чем он занимается дома.

А Матиуш, оставшись один, пишет книгу. Это немножко сказка, немножко быль. Ему не хочется, чтобы об этом знали, пока он не кончит, и он прячет написанное в ящик комода под белье.

Однажды между друзьями чуть не вспыхнула ссора. Матиуш проснулся утром и видит: на полу ошметки грязи, окурки, на столе опрокинутая чернильница. Матиушу стало обидно: он в субботу все вымыл, выскреб, навел порядок.

– Опять ноги не вытер?

– Не вытер, ну и что? Я не такой чистюля, как ты. Чай, не во дворце рос. Коли надоел – прогони. Хозяин здесь ты, я из милости у тебя живу.

– Ты мой гость.

– Хорош гость – пол заляпал грязью, чернила разлил.

Матиуш не стал спорить: испугался, как бы Фелек в самом деле не ушел.

Но Фелек не успокоился. Как будто бес в него вселился. И дома, и на фабрике из-за любого пустяка привязывается. Сразу видно, предлог ищет для ссоры.

Неделю человек как человек – веселый, уживчивый, а потом два-три дня его не узнать, словно подменили. Ворчит, ругается из-за всякой ерунды: из-за молотка, табуретки, крючка на вешалке.

– Здесь я всегда пальто вешаю! Какая скотина посмела занять мой крючок?

А сам отлично знает: это пальто мастера. Нарочно говорит, чтобы разозлить его.

Рабочие спускают ему все из уважения к Матиушу. Но Фелек совсем потерял чувство меры, зарвался. Ясно, работу хочет бросить, но прямо этого не говорит, а ждет, когда его выгонят.

По Матиушу не поймешь, замечает он, что с Фелеком творится, или нет. Стоит за своим станком и прилежно работает, иногда лишь поднимет на минутку голову и скажет:

– Брось, Фелек! Перестань! Как тебе не стыдно!

Однако Матиуш все видит, все замечает. «Фелек не находит себе места, нервничает, как почтовая крыса, когда ей пора в путь», – думает он.

XXXI

И вот наступил последний, роковой понедельник. Уже по дороге с Фелеком творилось что-то неладное. И фабрика не по нем: паршивая душегубка, где из человека выжимают последние соки. И у мастеров – солома в голове. И станки давно на свалку пора. А инструменты хозяину бы в физиономию швырнуть.

– Ну и фабрику ты себе выбрал!

– Я ведь тебя насильно не тащил на эту фабрику. Не нравится – поищи себе другую работу.

– Обойдусь без твоих советов. Сам знаю, что делать.

На этом разговор оборвался, и они молча подошли к фабричным воротам.

Начался обычный трудовой день.

Матиуш стоит за станком и думает о своей сказке, которую вчера кончил.

«Надо Фелеку прочесть, может, он успокоится».

Когда он писал свою сказку, то вспоминал о дикарях, о Молодом короле, о товарищах по тюрьме, и ему казалось, она должна смягчить сердце самых черствых людей.

Задумался Матиуш, а руки сами выполняют нужные движения. Он так погрузился в свои мысли, что не замечает ничего вокруг. И вдруг слышит крик:

– Пусть мастер сам это делает! Тоже нашел дурака! Я его не боюсь!

Дальше – больше.

– Дурак! Старый осел! Идиот!

Дошло до того, что Фелек замахнулся на мастера.

Матиуш подскочил – хватить Фелека за руку.

– Фелек, что ты! Опомнись!

А Фелек как толкнет Матиуша.

– Остановить мотор!

– Снимай ремень!

– На помощь!..

Все произошло в мгновение ока. Мотор остановили. Матиуш лежал в луже крови.

– Дышит...

– За доктором скорей!

Фелек стоит рядом, смотрит не мигая, словно глазам своим не верит. А вокруг него образовалась пустота – все отпрянуло, отодвинулось от виновника несчастья. Воцарилась мертвая тишина. Все замерли в ожидании.

Был среди собравшихся старый рабочий. За тридцать лет многое повидал. И он первый произнес вслух то, о чем думали все.

– Конеч...

Матиуш лежит в больнице, в отдельной палате. Операция прошла удачно. К нему вернулось сознание, и в благодарность за то, что он еще жив, он пожал доктору руку. Нехорошо умереть внезапно, ничего не сказав напоследок. Матиуш закрыл глаза, словно вспоминает, что ему нужно сказать. Но он очень ослабел, и его сморил сон.

– Принесите, пожалуйста, мою шкатулку, – сказал он, проснувшись.

Автомобиль мчится к дому Матиуша.

И весть о том, что Матиуш пришел в сознание, что появилась надежда, облетела весь город.

– Он будет жить, мы его спасем, – говорят доктора.

В шкатулке, переложенные тоненькой зеленой бумагой, лежали: ракушки, камешек, засохший листок салата, черный как уголь кусочек сахара, фотография матери, бриллиантовый перстень и серьги королевы.

Здоровой левой рукой вынимает Матиуш из шкатулки по очереди свои сокровища, осматривает и кладет обратно. И вдруг лицо его осветила улыбка.

«Матиуш улыбается», – моментально разнеслось по городу.

«Матиуш спит».

«Матиуш выпил молоко».

Радуются дети, радуются доктора – весь город ликует.

«У Матиуша снова жар».

И город погружается в печаль.

«Матиуш велел позвать Фелека».

Думали Матиуш забыл о нем. Матиушу необходим покой. Доктора опасаются, как бы он не разволновался при виде Фелека. Решили держать его поблизости, но к Матиушу не пускать. Может, он больше не вспомнит о нем.

Матиуш снова заснул. А когда проснулся и поднял ресницы, по глазам видно: ждет кого-то.

– Клу-Клу приехала?

Ах вот кого он ждал! Да, Клу-Клу приехала вчера. Как только телеграф принес страшное известие, она, бросив все, на аэроплане, на пароходе, на поезде, без остановки, без передышки примчалась в столицу.

– Позовите ко мне Клу-Клу и Фелека, – чуть громче сказал Матиуш.

Они вошли и остановились возле постели.

– Фелек, ты не огорчайся... Клу-Клу, это моя последняя просьба... – Голос оборвался, продолжать не было сил. – Фелек, возьми этот перстень, а серьги – тебе, Клу-Клу... Фелек, тебе трудно будет здесь жить. Поезжай с Клу-Клу... А когда вы станете большие...

Матиуш закашлялся. На его улыбающихся губах показалась кровь. Он опустил веки и больше уже не поднял.

По городу пронеслась весть: «Матиуш умер».

Печальная весть облетела всю страну.

И весь мир.

Матиуша похоронили на необитаемом острове, на вершине скалы. Ало и Ала украсили могилу цветами, и канарейки поют над ней свои нескончаемые песни.